ПИОНЕР 6

ИЮНЬ • 1978 • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Кремлевский Дворец съездов. Делегаты комсомольского форума.

Каждый год на карте нашей Родины появляется 20 новых городов, а за последнюю пятилетку их возникло 100! **Каждый день** у нас строится 12 тысяч красивых удобных квартир, и новоселы благодарят за это строителей. **За одну минуту** Советский Союз производит 228 тонн стали, 20 вагонов угля, 18 тысяч квадратных метров ткани — всего **за одну** минуту!

Вот какая могучая наша страна!

В трудовых успехах народа большой вклад молодежи, Ленинского комсомола, лучшие представители которого были делегатами XVIII съезда ВЛКСМ.

«В целом коммунисты старшего поколения могут, я думаю, быть довольны советской молодежью наших дней,— сказал товарищ Л. И. Брежнев на XVIII съезде комсомола.— Она растет коммунистически убежденной, глубоко преданной делу партии, делу великого Ленина. Миллионы юношей и девушек показывают образцы мужества, стойкости, верности идеалам Октября. С большим энтузиазмом сни работают всюду, где проходит фронт коммунистического строительства, активно борются за выполнение напряженных планов развития страны. Во всякое дело они вносят свой особый романтический порыв и, я бы сказал, молодую окрыленность. За все это спасибо комсомолу, спасибо всем молодым людям Советской страны!»

В рядах Ленинского комсомола сейчас почти тридцать восемь миллионов человек.

На трибуну форума юности поднимались прославленные сталевары и шахтеры, строители БАМа и атомных электростанций, воины и ученые, писатели и вожатые. Все они говорили о том, что сделано комсомолом за четыре года, и о том, что сегодня надо работать лучше, чем вчера, а завтра лучше, чем сегодня.

Делегаты благодарили партию Ленина за большую заботу о молодежи, о подрастающем поколении Страны Советов. XVIII съезд заверил партию коммунистов, что комсомол всегда был, есть и будет боевым помощником партии.

Прямо со съезда на важнейшие стройки страны отправилось четыре эшелона с комсомольцами-добровольцами. На БАМе, в Западной Сибири, где осваиваются нефтяные богатства, в Нечерноземной полосе они будут продолжать славную биографию Ленинского комсомола, биографию тех, кто в штурмовые ночи строил Магнитку, кто распахивал целину, кто высоко пронес комсомольское знамя через всю свою жизнь.

На съезде шел разговор и о вас, пионеры. Много замечательных полезных дел совершают советские ребята. И это хорошо.

Но всегда ли по-боевому идет работа в отрядах и дружинах? Все ли пионеры выполняют пионерские законы, свои обязанности? Всегда ли верны они честному пионерскому слову? Наряду с правофланговыми дружинами еще есть и такие, где царит скука, где ребята теряют интерес к пионерским делам.

Еще встречаются мальчики, которые ходят в «пассиве», все сваливают на плечи девочек-активисток.

Делегаты съезда говорили об этом горячо и заинтересованно. И это понятно: пионеры — смена комсомола. Они говорили, что необходимо, чтобы в отрядах стало больше

РАВНЕНИЕ НА

вожатых с производства, чтобы в каждом пионерском лагере ребята учились трудиться, охранять природу, закалялись бы сами. У нас более четырех тысяч Домов и Дворцов пионеров, и надо, чтобы каждый пионер работал в кружках, готовился к будущей профессии.

Выполнить решения комсомольского съезда — дело большой важности. Каждый из вас, юные ленинцы, обязан помочь вожатым, учителям, всем друзьям пионеров сделать жизнь вашего звена, отряда, дружины интересной, полезной, боевой.

Впереди много дел у комсомола и у пионерской организации. Не теряйте ни минуты. Пусть вашим жизненным правилом станет равнение на комсомол. В учении, труде, общественной работе, в дружбе и товариществе.

Всегда и во всем — равнение на комсомол!

Будучи коллективным вожатым советской пионерии, комсомол ответствен за то, чтобы работа Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина становилась все более содержательной и разнообразной, чтобы жизнь каждой пионерской дружины, каждого отряда была насыщена интересными и полезными делами, благотворно влияла на воспитание и становление характера пионеров и школьников.

(Из Приветствия ЦК КПСС XVIII съезду ВЛКСМ).

КОМСОМОЛ!

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ИЮНЬ 6

Москва 1978 г.

Издательство «Правда»

Рисунок И. КРАСУЛИНА

СЛОВО О ЗЕМЛЕ

...Спозаранку ты идешь по окраине поля, где колосья огружены росой. И от шагов твоих из зеленых хлебов выпархивают зеленые птицы и растворяются в тумане, зеленом понизу и белом или золотом поверху.

Она прекрасна, земля твоя, родительница, рождающая хлеб, который крестьяне многих стран мира — и твоей Родины тоже — звали или зовут как отца:

— Папа...

Люди зовут хлеб, как родного, близкого человека, потому что знают: без него земля осиротела бы.

Земля-кормилица.

С тех пор, как ты помнишь себя, на столе твоем всегда были хлеб и молоко. А если ты родился или вырос в деревне, ты помнишь — конечно же, помнишь! — как мама твоя брала тебя на дойку, как перед работой она дышала на руки свои, согревая теплым дыханием, чтобы их прикосновение было ласковым, чтобы корова, которую, как и землю, в крестьянских семьях зовут кормилицей, чтобы кормилица эта безбоязненно отдавала молоко людям, только малый запас его оставляя при себе — для теленка...

Сегодня на этой земле работают люди старше, взрослее тебя.

Но не только.

Твои ровесники, а может быть, и ты сам, на пришкольных участках, на малых делянках выращивают хлеб и день ото дня, месяц от месяца все бережнее ухаживают за ним.

И пристально присматриваются к нему: какие колосья самые тяжелые? Эти? Не от них ли начинается новый урожайный сорт?

Или ровесники твои идут на ферму, где их родители холят, кормят и доят коров, где им помогают машины. Это добрые машины, потому что они сделаны добрыми людьми... Но доброта машины не может заменить доброту человека, и доярка перед работой по-прежнему теплым дыханием согревает руки свои, чтобы их прикосновение было ласковым...

«Всякое дыхание любит ласканье» — гласит старинное крестьянское присловье.

Оно особенно справедливо сегодня. Не так давно человек, работая на земле, не всегда помнил об этом. Он взрыхлял почву железом, пока она рождала хлеб, не давал ей отдыхать, пока не обнаружил, что от недоброты его на планете стала неплодородной почти одна шестая часть всей суши!

Так много?

Да, так много.

И впервые в Стране Советов, где вся земля принадлежит народу, человек стал по-хозяйски, по-научному, по-доброму обращаться с ней.

«Всякое дыхание любит ласканье...»

Присловье имеет самое прямое отношение к сельскому хозяйству. Там человек, вооруженный железными машинами, обращается только с живыми, нежными, дышащими существами — с колосьями, с плодами, с животными.

Добрые знания нужны этому человеку, чтобы земля всегда была кормилицей, а не пустыней.

Добрые знания нужны тебе сегодняшнему и тебе завтрашнему, нашедшему свое призвание, чтобы еще краше стала светлая твоя Родина.

Каждый день сообщения о севе или уборке, об урожае передаются по радио и телевидению наряду с важнейшими правительственными сообщениями и событиями, потому что судьба хлеба и молока — это судьба страны и твоя судьба тоже. Об этом говорилось и на XVIII съезде ВЛКСМ.

...В полете космонавтам снятся тихие грибные дожди, перелески, поля. А в иллюминаторах светится Земля — теплый остров, затерянный в холодном космосе, твоя милая Родина. На ней играют радуги. Солнцем наливаются ягоды. Бьется перепел, запутавшийся в стеблях пшеницы, и ты руками раздвигаешь их, чтобы освободить птицу... И когда космонавты возвращаются на родную Землю, по русскому обычаю им подносят самый дорогой ее дар — хлеб. Встречают хлебом-солью.

Единственная, прекрасная, родимая земля, рождающая все, чем жив человек!..

Береги ее, наш юный друг! Она не забудет твоей доброты и плодами, колосьями, хлебом отзовется на нее.

МУЖСКАЯ ПРОФЕССИЯ

Разговор о древней и очень современной профессии ведет дояр из совхоза «Бурлюк» Крымской области Михаил Яковлевич ПОЛЯКОВ. Он обращается и к вам, мальчики.

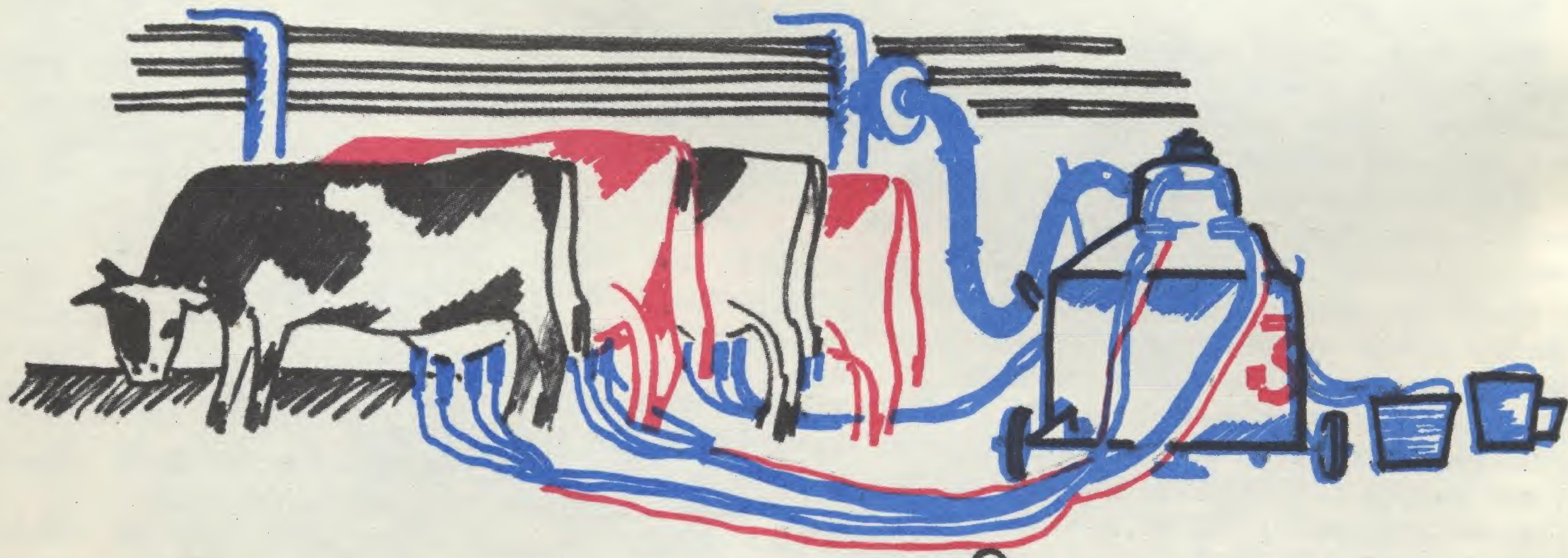
Недавно я был в одной сельской школе, и учителя показали мне сочинения ребят на тему «Кем я хочу стать». Моя профессия в этих сочинениях называлась нечасто. А если и называли ее, то только девочки, мальчики о работе дояра не мечтали. Почему? Привыкли, что доение коров — чисто женское дело? Вроде странно звучит: мужчина — дояр. Но наша профессия называется теперь и по-другому: «мастер машинного доения». Ну, а машинное дело для мужчины всегда считалось почетным. Кроме того, работа эта трудная, и мы, мужчины, не должны перекладывать ее только на женские плечи.

На современной ферме много машин. Механизирована раздача кормов: трактор идет по коровнику, и корма с прицепа попадают прямо в кормушки. Приготавливают корма в кормоцехе: измельчают, смешивают, запаривают, и это тоже делают машины. Убирать коровник помогают транспортеры.

Доение, мы уже говорили, в основном механическое, с помощью доильных аппаратов. Но не каждая корова отдаст молоко аппарату, иногда приходится и руками доить. Молодую корову нужно к аппарату приучить, заставить ее стоять спокойно во время дойки. Тут требуется физическая сила, но и без доброты, без ласкового слова не обойтись. Всякое животное чувствует отношение к нему человека. И от этого отношения, может быть, не меньше, чем от умения управляться с машинами, тоже зависят удои.

Я люблю свою работу. На ферму бегал еще мальчишкой, к отцу. Он тоже был животноводом. Доить я научился в детстве. После восьмого класса поступил в ветеринарно-фельдшерское училище. Окончил его, пришел на ферму, лечил коров. И все-таки работа дояра показалась мне интересней. Но те знания, которые я приобрел как ветеринарный фельдшер, помогают мне следить за здоровьем коров, за их настроением, что тоже очень и очень важно.

Сравнительно недавно считалось что доить коров можно и не кончая десятилетку или



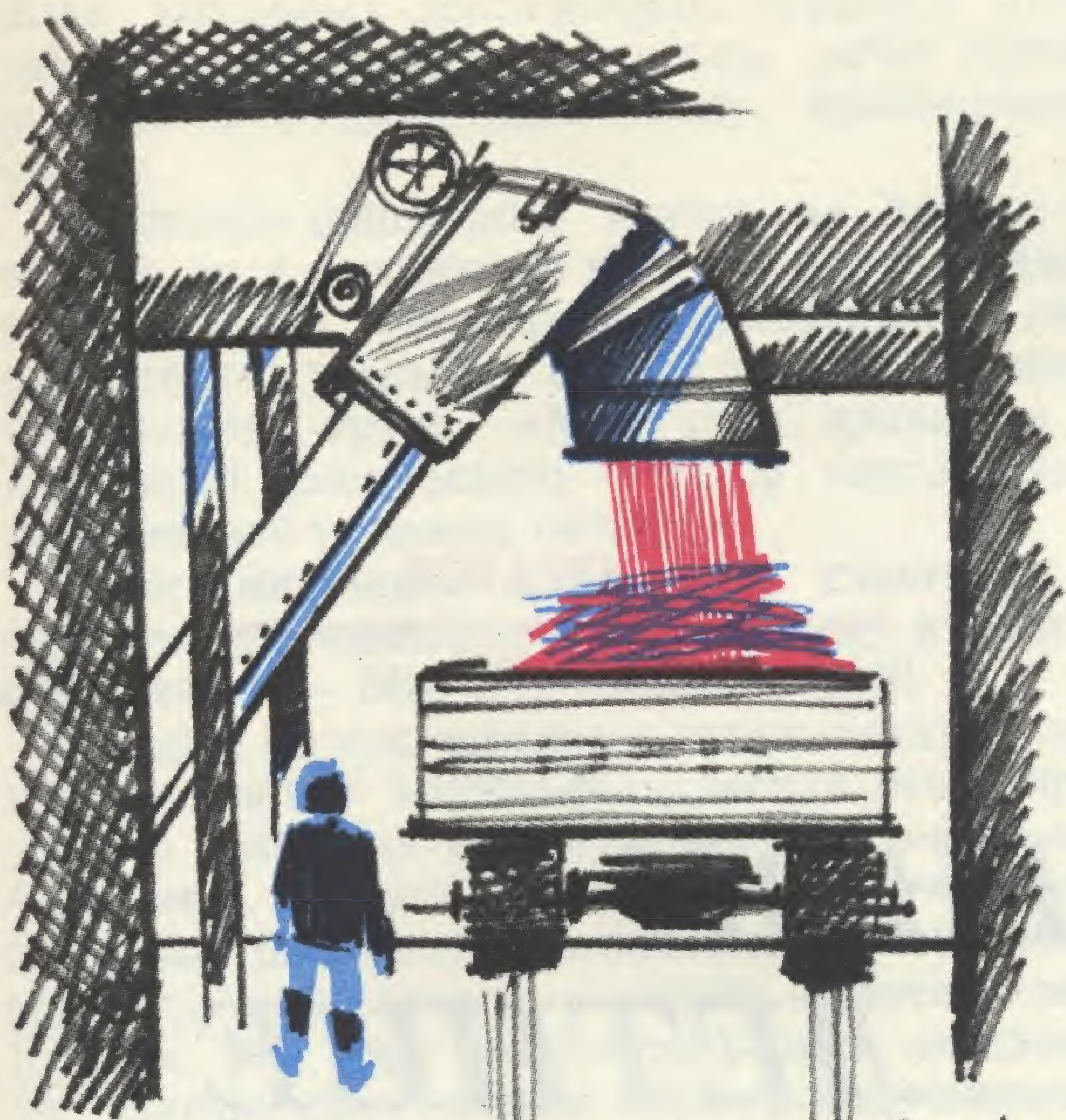
Доильный аппарат

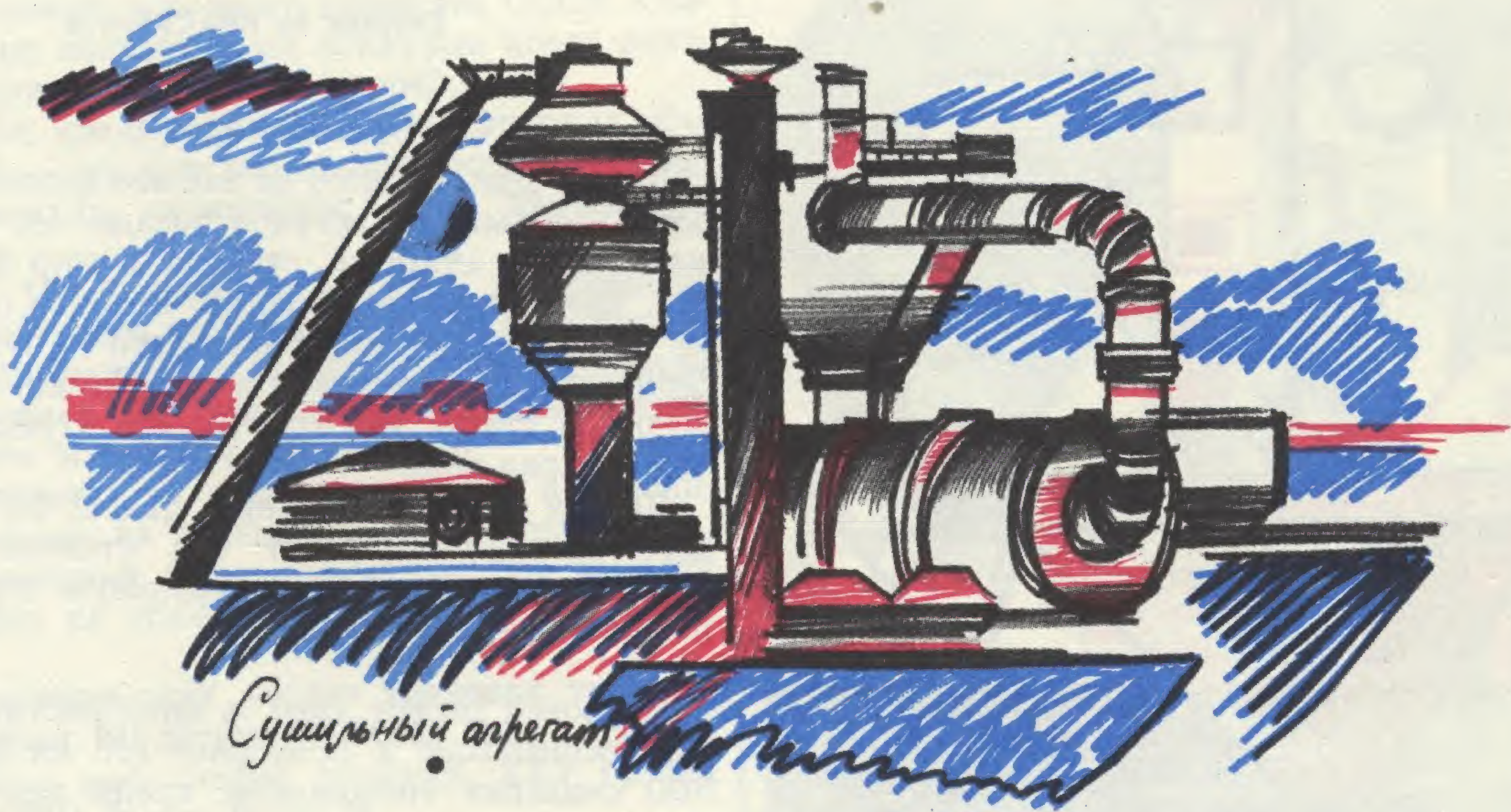
ком. Грубости, жестокости животные не прощают.

Бывает, не ладится что-то в работе или просто плохое настроение — прикрикнешь на корову. Думаете, сойдет с рук? Не дает буренка молока, с какого бока к ней ни подходи. Побегаешь потом, вину заглаживая. И заботы свои и плохое настроение приходится оставлять за порогом фермы.

Это только на первый взгляд может показаться, что все коровы одинаковы. У меня из тридцати коров и двух похожих нет. Майка спокойная, стоит смирно, все молоко отдает аппарату, ее доить легко. Марта нервная, капризная, в еде разборчивая. Во время доения ей может что-то не понравиться, тогда приходится аппарат отключать, доить руками. Зойка любит, чтобы ее погладили, поговорили с ней, скосит глаз, слушает внимательно, кажется, даже понимает. Все это нужно хорошо знать и учитывать в работе, чтобы удои были хорошими.

Не скрою, иногда приходится слышать:

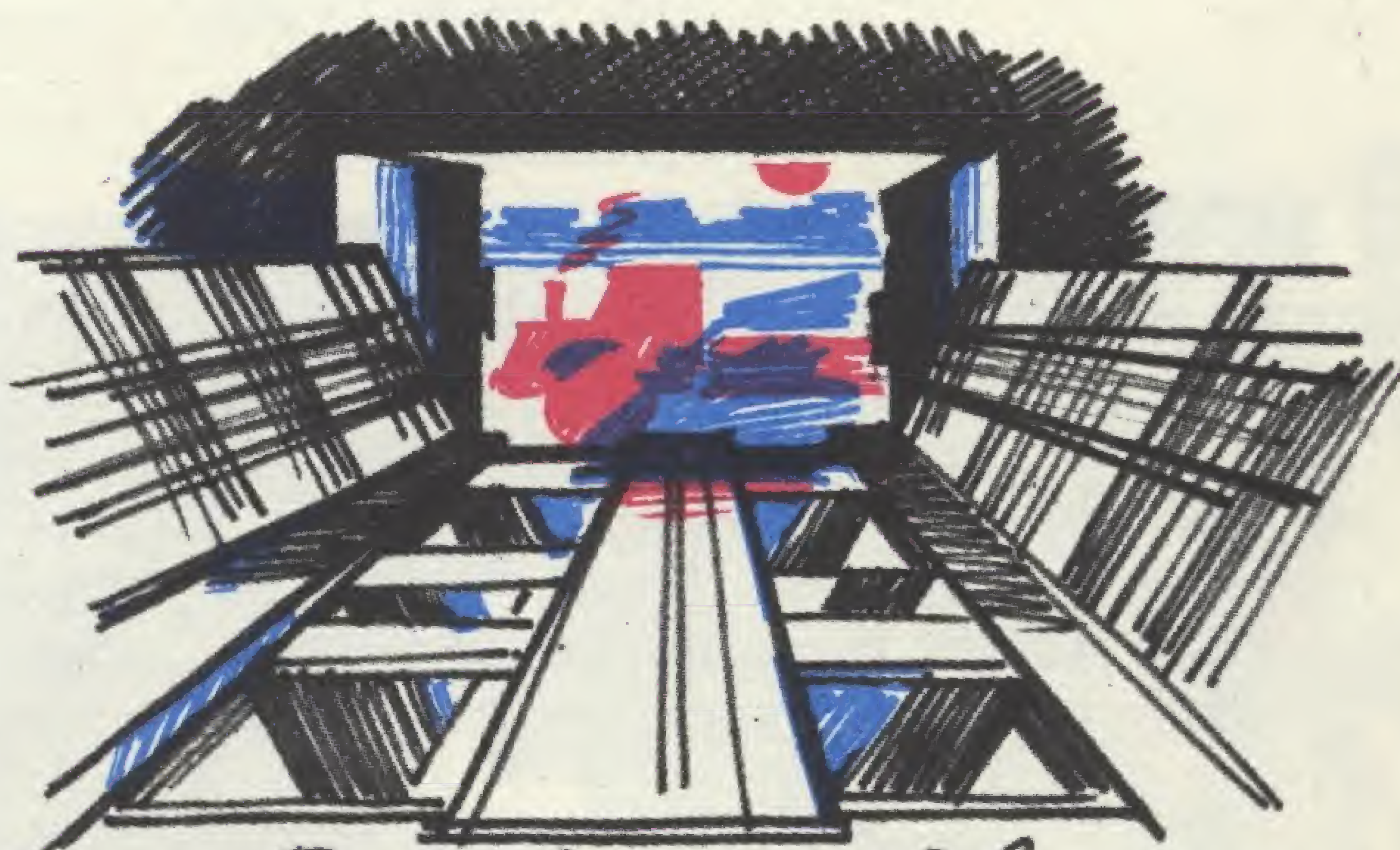

Загрузка машины комбикормом


Сушильный агрегат

техникум. Но теперь каждому ясно, что на современной ферме работать по старинке нельзя.

Немалых знаний требуют машины. От широты кругозора, умения самостоятельно работать с книгой, со специальной литературой и периодикой зависит, насколько ты ориентируешься во всем новом, передовом, что появилось в той области знания, которую ты для себя избрал, в данном случае в животноводстве.

Но каким бы знающим и образованным ты ни был, если ты не любишь животных, ты всегда будешь на ферме случайным челове-


Бункер для корнеплодов

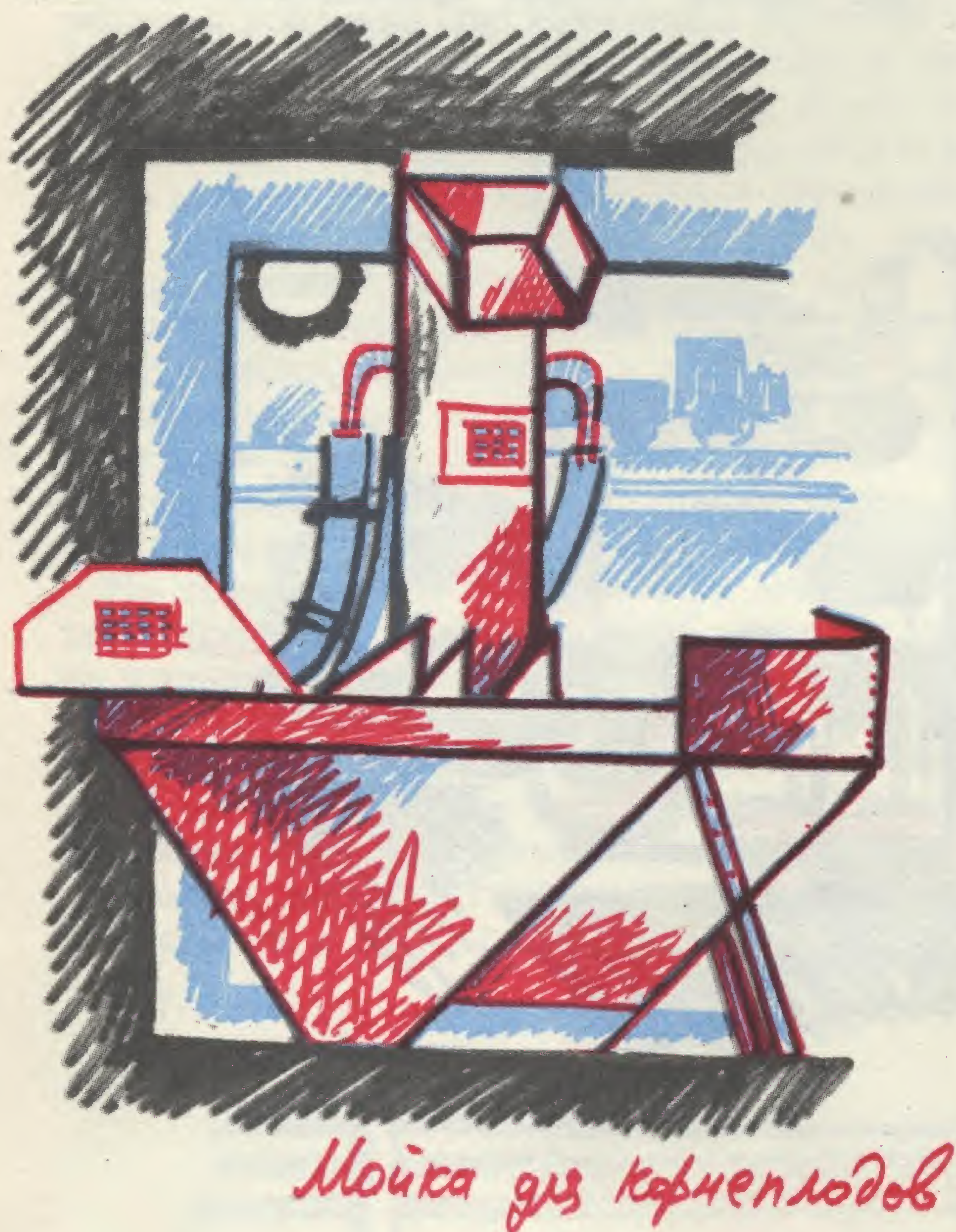
«Ну что за дело ты себе выбрал. Дояр! Не современно как-то!» Я отвечаю, что молочные реки и кисельные берега бывают только в сказке. А в жизни, пока люди будут пить молоко, будут нужны те, кто ухаживает за коровами, доит их.

Ребята и девушки, которые работают со мной, вполне современные люди: любят почитать хорошие книги, послушать хорошую музыку, красиво одеться. Мы часто вместе ездим в город на концерты и в театр.

Не так давно пришла в совхоз на свиноферму совсем молоденькая девушка Наташа. Пришла после десятилетки. Тоже можно сказать: «Что за работа для девушки — свинарка». Да, труд на свиноферме нелегкий, и многие сначала думали, что Наташа уйдет. Но она не ушла, она добилась, чтобы на ферме сделали транспортер, чаще использовали машины. Она считает, что не бежать надо от трудной работы, а думать, как ее облегчить. Очень важно, чтобы то, что ты делаешь, нравилось тебе, чтобы ты чувствовал, что твой труд нужен людям. Труд, который нужен всем, не может быть несовременным.

Наша профессия вечная: мы людей кормим.

Литературная запись
Н. АСТАХОВОЙ.



Ю. МУРАТОВ,
зав. отделом школьной молодежи ЦК ВЛКСМ

ТВОИ ЛЕТНИЕ СТАРТЫ

Рисунок И. КРАСУЛИНА

Лето... Для каждого из вас это финиш — еще один учебный год остался позади. Но лето может быть и стартом, стартом в мир трудовых дел, спортивных состязаний, походов по родному краю. Провел интересно лето — чувствуешь себя окрепшим духовно и физически. Прожил лето без труда, без спорта, без чтения — значит обокрал себя.

Летняя трудовая четверть делает богаче каждого. Для многих ребят она становится ступенью в самостоятельную трудовую жизнь, ступенью в будущее.

«Человек растит хлеб, а хлеб растит человека, воспитывает и проверяет его на зрелость. 500 сельских тружеников, среди них 55 специалистов сельского хозяйства, 5 председателей колхозов и директоров совхозов, породнились с землей в нашей школьной бригаде». В этих словах Андрея Панина, бригадира знаменитой ученической производственной бригады Григорополисской школы Ставропольского края, и гордость за свою бригаду, за свое хлебное поле, за технику, доверенную молодым, и гордость тем, что бригада многим дала путевку в жизнь, помогла найти свое призвание.

В Ставрополье каждый второй земледелец получил уроки труда, первые трудовые навыки в ученической бригаде. Бригада — как бы звено между настоящим и будущим: сегодня ты юный механизатор, а завтра — передовик, новатор производства; сегодня — юный опытник, завтра — селекционер, мастер высоких урожаев.

В ученических бригадах, лагерях труда и от-

дыха, школьных лесничествах, трудовых отрядах старшеклассников миллионы ребят приобщаются к труду, опытничеству, краеведению, спорту.

Советские школьники учатся не только за партой, но и у станка, в поле, на ферме, рядом с передовыми рабочими и колхозниками, специалистами, учеными. Учатся трудовой жизни, творческому труду. «Мой труд вливается в труд моей республики» — таков благородный девиз летней трудовой четверти.

Десять миллионов школьников участвуют в трудовых объединениях. В 1977 году их вклад в пятилетку — 395 миллионов рублей!

Каждый из них осваивает новую технику, потому что знает: научно-техническая революция пришла и на поля родного колхоза и в цеха завода-шефа. Трудясь вместе с рабочими и земледельцами, школьники воспитывают в себе интерес к науке и технике, смелость, чувство новаторства. Это труд творческий, здесь расцветают таланты, применяются знания, полученные в школе. **Сегодня каждый второй старшеклассник ведет опытническую работу в сельском хозяйстве, каждый третий занимается в техническом кружке.** Пятьсот лучших работ школьников каждый год можно видеть в павильонах Выставки достижений народного хозяйства СССР. Стали широко популярными конкурсы юных пахарей, дояров, садоводов, слесарей, швей.

Главное, что определяет жизнь трудовых объединений, — это чувство товарищества, дружбы, коллективизма, стремление жить интересами общества.

Летом 1976 года выпускники костромских школ обратились ко всем школьникам с призывом после окончания школы пойти на объекты Нечерноземья. **На этот патриотический призыв отозвалось 550 тысяч школьников!**

Кто воспитал их такими смелыми, искренними, готовыми на большое дело? Наша школа. Наш Ленинский комсомол. А первую закалку и проверку на зрелость дали трудовые объединения.

В нынешнем году летняя трудовая четверть посвящается 60-летию ВЛКСМ. Она пройдет под знаком выполнения решений XXV съезда КПСС, XVIII съезда ВЛКСМ.

На старт — комсомольцы-школьники!

На старт — юные пионеры-ленинцы!

«Вам, юным, — писал в приветствии участникам Всесоюзного слета трудовых объединений школьников Л. И. Брежнев, — принимать эстафету трудовых свершений советского народа во имя коммунизма. Любите нашу Советскую Родину, заботьтесь о ее могуществе и процветании. Любите и уважайте труд, с юных лет стремитесь любое дело выполнять наилучшим образом, приносить пользу обществу, отчетливо сознавая, что завтрашний день строится сегодня. Будьте достойными наследниками и продолжателями дела Великого Октября, с честью несите по жизни знамя великого Ленина».

Это наказ партии всем, кто своим трудом завтра будет прославлять нашу Родину.

...и подготовились к соревнованию на приз клуба «Кожаный мяч».

ШТАБ ПИОНЕРСКИХ АКТИВИСТОВ «ГОРН»

ОТРЯД ДЕЙСТВУЕТ И ЛЕТОМ

Любовь КОВАЛЕНКО,
вожатая Всероссийского пионерского лагеря «Орленок»

Наступило лето. Разъезжаются ребята твоего отряда — кто куда. В пионерский лагерь, к бабушке в деревню, с родителями в отпуск. Значит, прощай, пионерский отряд, до встречи в сентябре? Нет, считают пионеры. Отряд продолжает работу и летом, как бы далеко от него ни оказались ребята.

Что же надо сделать, чтобы отряд действовал летом?

Летом ребята хорошо отдохнули в пионерском лагере...

Прежде всего каждый пионер должен иметь от отряда на лето задание. Именно каждый. В конце учебного года весь отряд собирается на сбор и решает, кому что на летние каникулы поручить, чтобы самому было интересно и для окружающих полезно.

Предположим, Алеша Соколов едет в деревню к родственникам в Белоруссию. В тех местах сражались партизанские отряды в годы Великой Отечественной войны. Пусть Алеша с новыми своими товарищами пройдет партизанскими тропами, привезет с собой материалы для музея боевой славы, в сентябре выступит на Уроке мужества.

Таня Комарова все лето будет жить на даче. Таня — прекрасная октябрятская вожатая. Вокруг нее всегда много малышей. Летом она может собрать младших ребят — читать им книги, играть, учить их помогать старшим.

Мишу Степанова выбрали председателем совета отряда. Летом он едет в пионерский лагерь. Там он будет ходить в школу пионерского актива, чтобы подготовиться к выполнению своих новых обязанностей.

А ты остаешься летом дома. И в одном дворе с тобой будут другие ребята: и младше и старше. В собственном дворе у вас всегда найдутся дела: и цветы надо полить, и матч футбольный устроить, и на экскурсиях в музеях побывать.

В некоторых городских микрорайонах летом действуют сводные пионерские дружины. Работают они при школах. Руководит работой такой дружины комитет комсомола школы и отряд вожатых, который состоит из комсомольцев-старшеклассников. Вожатыми они становятся по собственному желанию, всю последнюю учебную четверть готовятся к лету. Из взрослых летом с дружиной работают старшая пионервожатая, методист Дома пионеров, папы и мамы, бабушки и дедушки.

В сводную пионерскую дружину принимают всех желающих, которые живут или отдыхают в микрорайоне школы. Планы на лето в дружине обсуждаются заранее, еще в мае. В планах учитывается то, что нравится всем ребятам: игры, спортивные соревнования, турпоходы, трудовые десанты в подшефные колхозы, экскурсии в ближайшие города.

Отряды в сводной пионерской дружине разновозрастные, и ребята постарше помогают младшим.

Пионеры из сводной пионерской дружины города Луги Ленинградской области (я была там старшей пионервожатой) помогали фабрике упаковывать пластилин. Заработанные деньги шли на поездки, экскурсии.

Узнай, может, рядом с твоим домом летом действует такая дружина.

Обычно на сборе в конце учебного года, когда отряд дает задания, некоторые ребята не знают точно, где они будут проводить лето. Конечно, на три месяца вперед сложно предугадать, где ты будешь, кого увидишь, с кем встретишься.

И планы твои прежде всего зависят от планов семьи.

Но если отряд не может дать тебе конкретное задание, это не значит, что ты должен бездействовать. Будь инициативен. Сам реши, что ты можешь сделать доброго и полезного. Помочь родителям по хозяйству, особенно если ты живешь в деревне. Поработать вместе с друзьями в колхозном саду на уборке урожая. Прочитать много прекрасных книг. Скажешь, что это не дело для отряда? Но если книги сделают тебя умнее, интереснее, добрее, разве твоим друзьям, твоему отряду не станет от этого лучше?

Сделай так, чтобы каждый летний день был интересным и радостным для тебя. И все свои

...научились управлять яхтами...

...помогли совхозу собрать фрукты...

...украсили школьный двор...

впечатления и достижения неси в отряд, делись ими с товарищами. Если в пионерском лагере ты научился новым пионерским делам: умеешь по-новому организовать «Зарницу» или шить игрушки, — то в сентябре эти твои знания, конечно, пригодятся отряду. Если за три месяца, проведенных у бабушки в деревне, ты приучил себя ежедневно делать зарядку, то поделись с друзьями, как тебе удалось воспитать силу воли, и как много дает тебе новая привычка. А чтобы не забыть все интересное и полезное, что ты узнал за лето, попробуй вести дневник.

Главное, помни, что ты пионер, член своего пионерского отряда. И даже если летом не будет рядом с тобой товарищей по отряду, не позволяй себе быть равнодушным, когда нужна твоя помощь, трусливым, когда нужна твоя отвага. Ты не имеешь права подводить свой отряд.

Впереди прекрасные летние дни. Сколько можно успеть за это время: стать трудолюбивее, умнее, начитаннее, собраннее, сильнее, храбрее! Желаю тебе, а значит, твоему отряду успеть выполнить все намеченные планы и хорошо отдохнуть.

...и подготовились к соревнованию на приз клуба «Кожаный мяч».

Анатолий КОСТЕЦКИЙ

РОДИНА

Что такое Родина наша?
Солнце, лес, дыхание пашен,
сад в цвету, где не молкнут пчелы,
и твой дом, и огни твоей школы.

Наша Родина — труд и праздник,
сто дорог для тебя, самых разных,
и любовь твоя к папе и маме,
и ты сам — не один, а с друзьями.

Наша Родина — день этот новый,
смелость, твердое честное слово,
флаг, который славой овеян,
наш Октябрь, и Мир, и Ленин.

НОВЕНЬКАЯ

Вчера
с утра
был шум и гам:
явилась новенькая к нам.
Попала в третий «Б»,
в наш класс,—
девчонок только семь у нас.
Она хотела в класс войти,
в дверях сказала: — Здравствуйте!
И мы, мальчишки, сразу
вскочили с мест своих,
как будто по приказу,
как будто сдул нас вихрь:
тот вдруг запел,
тот засвистел,
а этот на голову стал
и у доски минуты две
так и стоял на голове...
Ну, в общем, каждый выходил
и перед новенькой чудил;
Я перед ней и сам потом
прошелся на руках «пешком»!

И лишь отличник наш Юрко,
привстав, без всяких шалостей,
сказал спокойно и легко:
— Садись со мной, пожалуйста! —
И та
пошла и села.
Хорошенькое дело!..
Я усмехнулся:
«Ну и пусть.
Подумаешь, какая!»
Но... может, все-таки пробьюсь
в отличники до мая?

ГДЕ ЖИВЕТ ЛЕТО?

Живет паук в квартирке
из тонкой паутинки.
Кузнечик долгоногий —
в траве, вблизи дороги.
Дом ласточки — повыше,
у самой нашей крыши.

А ласковое лето,
блестя росой рассветной,
синея васильками,
живет в глазах у мамы.

*   *
*

По саду с лейкой я иду.
Я все полить здесь должен.
Мне рад любой цветок в саду:
ведь я иду как дождик!

Работу кончу я свою
и сам немножечко попью...

А в синем небе нет нигде
ни облачка. Как жалко...
Ну до того горячий день,
что даже лесу жарко!

И ель и гриб хотят воды,
и ветки лип хотят воды,
лопух и листья лебеды
хотят хоть по глотку воды.
— Дождинок ждем, дождинок ждем,—
шуршат осины в чаще.

Эх, если б хоть на час дождем
мне стать бы настоящим!..

*   *
*

Вы не слыхали разве,
как говорят растенья?
Их голоса так разны,
их слушала б весь день я...

Как тонко на ветру
звенят вьюнок и колос!
А у сосны в бору
густой и низкий голос.

У вербы возле дома
свой мягкий голос тоже.
Но он звучит знакомо,
на бабушкин похоже.

И за день ошибусь
раз десять я, наверно:
— Звала меня, бабусь?
— Нет, внучка. Это верба.

Перевел с украинского
В. КОРЧАГИН

ЕЖИК

Целых три дня
серый ежик сопел,
целых три дня
он не пил и не ел.
На зиму
теплую норку копал,
в норке
кладовку себе разгребал.
В эту кладовку
на собственной спинке
грушек-гнилушек
принес две корзинки,
яблочек кислых
с яблони дикой,
кучку грибов
и ведро ежевики.
Вот он с картошкой
шуршит у порога...

— Ежик, послушай,
не слишком ли много?
— Много, не много...
Не ваша печаль!
Вы-то, мальчишки,
не смотрите вдаль.
Так не мешайте
моей подготовке,
к длительной,
сложной
суровой
зимовке!

Перевел с украинского
Г. КРУЖКОВ

Рисунки А. ГРИШИНА

С. РОМАНОВСКИЙ

СИНЯЯ МОЛНИЯ

ПОВЕСТЬ

Рисунки В. ДУДКИНА

Вступление

У каждого человека есть своя река. Около нее он родился, жил или живет. Река эта бывает маленькой, до того маленькой, что настоящее имя ее редко кто знает.

Не у такой ли речки живете вы, читатель? А возможно, ваша река большая, и о ней знают все? Какой бы она ни была, сколько бы ни расти вам и ни бродить по свету, вы вернетесь к ее берегам...

Моя река — могучая Кама. На карте или на глобусе обозначено, что она впадает в Волгу. А несет она воды больше, чем Волга.

Я задумал пройти всю мою родную Каму — все две тысячи с лишним километров — от истоков до устья. Где в поезде, где в кузове грузовика, а где и пешком я добрался до ее истока, до села Кулича, до деревни Карпушата.

Я увидел старую березу, что припала к колодцу с двускатной, как у избы, крышей. А на коньке крыши была вырезана деревянная утица.

Из-под колодца, из трубы вытекала несильная струя воды, сбегала к озеру, где плавала дикая утка с утятами.

Вот это — несильная струя воды и колодец, и береза над ним, и лог в зеленой влажной траве, и озеро с дикими утками, и деревня Карпушата в трех шагах на косогоре — и было истоком одной из знаменитых рек мира, местом рождения моей Камы.

Я пожил у истока и потихоньку стал спускаться по течению. Первое время я часто терял реку из виду — раздвину осоку, не сразу найду буровато-глинистую воду и подумаю: «То ли ручеек. То ли болотце. А Кама-то где? Не высохла ли, пока я тут прохлаждаюсь? Жива ли она?»

Жива!

Под кореньями, под стволами деревьев, поваленных бобрами или буреломом, она пробиралась по лесам Приуралья, собирая родники, речушки и реки, и выходила на простор.

Теперь в моих глазах она походила на поле цветущего льна: день такой выдался лазоревый. Цветет лен до края неба, смыкается с ним. И легко земле в лазоревом льняном платье.

По пути я останавливался в городах и селах. И люди мне рассказывали:

— Там в лугах есть столетний дуб. И насыпной вал. Мы по валу ходили, палкой стучали. Гулко стучит земля, показывает пустое пространство. Там находили клады. Отсюда, из пещеры, к тому валу прорыт подземный ход...

Или еще:

— Вон на горе стоит башня из дикого камня — Чертово Городище. Она старше Московского Кремля на несколько веков. Около этой башни есть подземный ход. Он ведет в город.

Таких рассказов, преданий и бывальщин за долгую дорогу я слышал немало и по своему кладоискательскому детству да и по специальным книгам знал, что не все тут выдумка.

И я загадал: приеду домой, отдышусь и напишу повесть про увиденное и услышанное, где выдумывать особенно ничего не надо: сам мальчишкой искал подземный ход через реку. Это будет повесть об отваге и дружбе, о приключениях со счастливым концом, о живом слове и о моей Каме...

А огней на Каме становилось все гуще, как на улице большого города.

Я родился недалеко от Набережных Челнов, теперешнего города автостроителей, и в путешествии моем навестил его. Я помнил Челны тихим деревянным городком с говорливым базаром. А сейчас на закате солнца я увидел бесконечье высоких бело-розовых, как будто высеченных из уральского мрамора домов и долго наблюдал, как в ущельях улиц густеет синий воздух. И я знал, что когда-нибудь — не в этот раз, так в другой! — напишу о городе, который, как каменный цветок, зацвел на моей родине.

А потом я поплыл дальше — до горы Лобач, до села Камское Устье, где Кама встречается с Волгой.

Я поднялся на гору Лобач, перевел дыхание и огляделся. Подо мной было тихое море, и в нем покачивались золотые розы солнечного света. Я в мыслях проследил свой путь — от березы, заслонившей негромкий родник, откуда берется Кама, до седой горы Лобач, заросшей целебными травами. Отсюда далеко видно.

По горе ходила травница, изредка нагибалась, срывала травку и укладывала в корзину.

— Здравствуй, бабушка, — сказал я. — Какую траву ты собираешь?

— Здравствуй, сынок, — ответила она. — Всякую.

— Не всякую, а какую-то одну...

— Хотел бы знать, какую?

— Хотел бы, да ты не говоришь.

— Сказать-то недолго. Я этой травкой в войну в госпитале сколько раненых выпользовала!.. А не тороплюсь сказать, потому что нынешние люди без разбора рвут всякую траву и землю оголяют. Разве можно оголять ее, земелюшку-то? Вот она, «рука-трава».

Старушка подала мне ветвящийся стебелек.

И когда я писал эту повесть, стебелек лежал у меня на столе под рукой, и зимой я слышал его пряный, полынный, летний запах...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Знакомство

Там, где река Белая впадает в реку Каму, видно, как светло-зеленая вода ее сливается с темно-бурой камской. Белая течет по белым известнякам, и потому течение ее отливает серебром. А Кама катит воды свои по глинам, по суглинкам, по супесям, и волны ее потемнее и потяжелее.

Как раз на то место, где встречаются Кама и Белая, напротив длинной луговой стрелки, рано утром на лодке плыл Толя Ичетовкин со своей младшей сестренкой Дашей.

Толя ворочал размокшими веслами, а Даша сидела на корме под отцовским полушубком.

Перегнувшись, мальчуган столкнул с носа лодки якорь, увесистый камень-плитняк, крест накрест перевязанный веревкой. Якорь с плеском пошел в глубину, разматывая веревочные кольца, но не достал до дна: глубоко! Лодку мощно поволокло течением, но скоро камень зацепился за дно, и лодка, вздрагивая, остановилась на натянутой веревке, как сильная рыба.

— Дарья! — капитанским голосом распорядился Толя. — Бросай якорь с кормы!

Под полушубком зашелестело.

— С такими-то матросами... — ворчал Толя, пробираясь на корму и сбрасывая в воду второй якорь, — с такими-то матросами далеко не уедешь.

Второй якорь сел на дно, отчего из глубины поднимались и лопались большие пузыри, от которых пахло болотом. Теперь на двух камнях лодка держалась прочно.

С середины лодки Толя опустил кормушку — вязаный кошель с некрупными ячеями, набитый пареным овсом, отрубями и хлебом. Достал короткое рябиновое удилище, нацепил на крючок катыш горохового теста.

— Сам бы ел, — сказал про тесто Толя. — Да не для меня сварено.

— Почему? — подала голос Даша.

— Есть охота? — спросил мальчуган, опуская насадку около кормушки и чувствуя тяжесть грузила на лесе. — Еще бы не охота: всю ночь не ела...

Близко прошел теплоход, осиянный огнями, и поднял такую волну, что лодку чуть не сорвало с якорей. Она заскрипела на веревках и еле-еле успокоилась.

И тут Толя увидел солнце.

Оно выбиралось из тумана, еще не горячее, даже не теплое, а зябкое со сна и говорило:

— Вот и опять я! А вы боялись!

Туманы стали розовыми, сквозными, легкими, дышалось свободнее, и угадывались в туманах запахи поздних цветов, тальника, чистейшего, по песчинке промытого, прибрежного стекольного песка и острый, как запах свежей рыбы, запах речной вольной воды.

«Да, — подумал мальчуган про сестренку, которая спала под полушубком. — Старые люди правильно говорят: «Женщина на рыбалке — клева не жди...».

И обнаружил, что лодка его стоит как раз на грани, на «гранке» светло-зеленой воды. Белой и темно-бурой камской воды. Толя не успел порадоваться тому, что он угадал как раз эту пограничную желанную для рыболова черту, как рукой почуял поклевку и подсек.

Рыба лениво пошла к лодке, но у самого борта завила воронку, и удилище, согнувшись, затрещало, как на огне. Обеими руками Толя еле сдерживал толчки рыбы. Иногда она показывалась у поверхности воды и, сверкающая, казалась не меньше лодки.

«Что это за рыба? — соображал мальчуган. — Лещ? Нет, лещей таких не бывает. Может, я поймал такую рыбу, какую до меня никто и не лавливал. Как ее зовут, не знаю...»

Неожиданно рыба всплыла и легла на бок.

Она лежала золотым цельнокованым щитом, вытянув длинные, как хобот слоненка, сборчатые губы, и хватала ими воздух.

И Толе стало жалко ее.

«Умаялась, — подумал он. — До того умаялась, что воздух глотает, а не воду...»

Но пожалеть ее толком мальчуган не успел: он увидел, что крючок его удочки зацепился за самый край рыбьей губы, и непонятно, как до сих пор губа не порвалась.

Толя схватил подсачек, подвел под добычу. Рыба с силой ударила хвостом по воде, так что разошелся широкий круг и брызги обожгли Толино лицо и руки. А потом медленно ушла не в светлую, а в мутную — камскую воду. С горя Толя хотел растормошить сестренку, да раздумал. Что с нее взять? Она еще и в школу не ходит. Никакого образования у нее нет.

Толя плакал беззвучно, чтобы не разбудить сестренку, а полушубок на корме, под которым мирно сопела Даша, молчал. Мальчуган думал о том, что после ушедшей рыбины никакая поклевка не обрадует его. Он менял насадку: гороховое тесто на хлеб, хлеб на овес, овес на земляного червя, пока на земляного червя не взял судак.

Это был чудаковатый судак: легко дал подвести себя к борту, почерпнуть подсачком, положить в лодку, прогонистый, полосато-зеленый, похожий на окуня судак-чудак. А потом спохватился: что же, мол, это со мной происходит, обстановка-то какая неподходящая, забеспокоился, заколотился, забился о днище лодки, да было поздно.

Толя посидел еще, пока от забросов не онемели руки, убрал кормушку, втянул в лодку якоря. Со дна вслед за камнями пошли пузыри.

— Ох ты, — удивился Толя, — головы поднять не успел, а лодку во-ооон куда унесло!

Кое-как он сумел выгрести против течения на стрелку, что далеко вдавалась в Каму при впадении Белой, втащил лодку на песок, чтобы не унесло волной.

Из сухого тальника мальчуган затеплил костер, на лопасти весла вычистил и выпотрошил судака, на обеих боках его сделал по семь глубоких надрезов, как учил отец, насадил судака на прут и поднес к пламени, прозрачному при солнце.

Сзади Толя услышал сопение сестренки и спросил, поворачивая судака на вертеле:

— Как спалось?

— Хорошо.

— Дальше, что думаете делать?

— Есть охота.

— Справедливо, — одобрил Толя.

Над огнем из надрезов на боках рыбы сочился жир, закопченный и душистый, и Толя, глотнув, сказал:

— Сейчас приступим...

Он положил судака на лопасть весла. Даша тут же взялась за него, обожгла пальцы и заплакала.

— Старые люди правильно говорят: «Женщине на рыбалке делать нечего!» — в сердцах

сказал Толя. — Сколько раз я тебя учил: поперед батьки в пекло не лезь! Дай подую на руки. Ууу! Ууу! Ууу! Как это бабушка Ульяна говорила: «Ты, конь, рыж. Ты, кровь, не брызжь. Ты, конь, карь. Ты, кровь, не капь». Вот и прошло.

— Не прошло-о-о-о!..

— Мне лучше знать, прошло или не прошло. Я все-таки постарше тебя. Раз я сказал: «Прошло», значит, прошло.

Он заявил это грозновато, и Даша, не сводя глаз с судака, что остывал на лопасти весла, притихла.

Со своей долей мальчуган справился быстро, но не наелся, а почувствовал голод еще сильнее, чем до завтрака.

— Ты сиди и ешь, — сказал он сестренке, — а я в лугах ежевику поищу.

По песчаному берегу мальчуган поднялся в луга, ступил на траву, и его сразу же объял медовый, сенной, грустный ветер, и Толя увидел стога.

И еще он увидел толстого человека лет четырнадцати. На человеке были кеды, джинсы и безрукавка. Полные незагорелые руки его покойно лежали на ружье, что висело на ремне, накинутом на шею. Ружье было необычное — ствол над стволом. Таких ружей Толе не приходилось близко видеть, и он смотрел потрясенно то на человека, который был на голову выше его и раза в два толще, то на ружье и, не зная, что сказать, стыдился своих босых ног, своей немудрящей одежды, сморщенной оттого, что она недавно высохла на солнце.

Человек с ружьем не удостоил Толю ответом.

Украдкой Толя заглянул в глаза человека с ружьем. Они были маленькие, затерянные на тучном лице. И жило в них взрослое выражение, которое можно было понять так: «Я никому и ничему не удивляюсь. Я все видел. Все кино. Все передачи по телевизору. Прочитал все книги. Если не все, то самые интересные. Так что, пожалуйста, ничего мне не рассказывайте. Я заранее знаю все ваши истории. Если хотите иметь дело со мной, то слушайте меня».

Толя пролепетал.

— Здравствуйте...

Человек с ружьем не удостоил Толю ответом. Он едва кивнул, вернее, не кивнул, а движением головы отогнал комара. Да, да, отогнал комара, потому что помотал головой еще и еще и пухлой, в ямочках, ладошкой звучно хлопнул себя по щеке, отчего на ней осталась кровяная отметина.

— Комары у вас всех так кусают? — с укором спросил толстый человек.

Толя не успел ответить.

Подбородком, под которым обозначался второй подбородок, незнакомец показал на песчаную стрелку, на конце которой у дымящегося костра копошилась Даша, и спросил:

— А эта мадам чем занимается?

— Она судака ест.

— Гм... — хмыкнул незнакомец.

По рослой росистой траве на береговом гребне незнакомец спустился на стрелку и, оставляя на песке рубчатые следы, пошел к Даше. Вслед за ним еле поспевал Толя.

Незнакомец двигался в полном молчании. Он подошел к девочке, которая перестала жевать и сжалась при его приближении, и, будто не замечая ее, оглядел Каму своим никому и ничему не удивляющимся взглядом.

— А что, — спросил он, — здесь и судаки водятся?

Толя хотел было перечислить, какие рыбы живут в Каме, но передумал, только кивнул.

Незнакомец оглянулся, не подслушивает ли кто, скосил глаза на Дашу и пальцем поманил Толю к себе. Толя нерешительно подошел. Незнакомец нагнулся и, щекотно дыша в Толино ухо, спросил шепотом:

— А это правда, что на том берегу есть разбойничья пещера?

Толя показал рукой на противоположный, лесистый берег Камы. У его подножия, как длинная серо-зеленая рыба, стояла металлическая нефтеналивная баржа «Иволга», где жили Толя и Даша, а начальницей была их мама Мария Николаевна.

— Она на том берегу, — произнес Толя. — Видите баржу? Это мамина баржа. Чуть правее ее — пещера.

— Глубокая?..

Ответить Толя не успел: он обернулся на крик, доносившийся с лугов. Сюда шел, вернее, бежал человек. Сначала он показался Толе ровесником незнакомца, но скоро мальчуган понял, что это мужчина лет сорока, только маленького роста, в стеганке, в кирзовых сапогах, с объемистым рюкзаком за плечами.

— Сынок, — задыхаясь, говорил мужчина. — Ты куда пропал? А? Я кричу-кричу, никто не отвечает. Не слыхал ты меня, что ли?

— Не слыхал.

С виду они — отец и сын — были похожи. Отец был ниже ростом и худощав, как мальчишка, а сын толст, как начальник из какой-то кинокомедии. Толя никак не мог вспомнить, из какой. Но на лицах обоих, особенно на лице сына, проскальзывало одинаковое важное выражение, будто оба они — сын и отец — отвечают за благосостояние по крайней мере здешнего края, если не всего нашего государства.

— С народом-то познакомь! — попросил старший младшего и, не дожидаясь, пока тот начнет знакомить, протянул руку Толе и назвал себя:

— Митрофан Сергеевич.

Рука у него была жесткая, будто из сухого теплого дерева. Видно, много он поработал на своем веку руками.

— Митрофан Сергеевич, — повторил мужчина на Толино молчание, и мальчуган, сообразив, что от него требуется, назвался:

— Анатолий Юрьевич.

Митрофан Сергеевич присел перед понурившейся Дашей и подал девочке руку. Ладонь его рядом с маленькой ладошкой сестренки показалась Толе очень большой. Кончиками пальцев девочка дотронулась до этой большой коричневой ладони и, еще ниже нагнув голову, тихо прошептала:

— Даса...

— Что-то я такого имени не знаю, — сказал старший, а Толя объяснил:

— Дашей ее зовут. Дарьей Юрьевной. Стесняется она незнакомых людей...

— Привыкнет, — уверенно заметил толстый мальчуган, с плеч которого коромыслом свисал ружейный ремень. Покачиваясь с пятки на носок, свесив жирные руки, он представился:

— Герц.

— Мы люди простые, — рассказывал Митрофан Сергеевич. — Не профессора. Но культуру уважаем. Пошли за грибами и ружье прихватили. Зорю проспали в стогу и уток не видели. Не выстрелили даже ни разу. Теперь за грибами будем охотиться. Я слышал, на том берегу груздей много. Перевезешь нас на ту сторону?

— На корму проходите, — распорядился Толя.

Когда пассажиры устроились на корме, мальчуган прошел к веслам, поплевал на руки, прежде чем грести...

— Толя, — спросил Митрофан Сергеевич, — а вы где живете?

— На барже. Во-ооон под тем берегом стоит... Нефтеналивная... «Иволгой» зовут... «Метеоры»... «Ракеты» подплывают... горючего просят... Мы их горючим напоим, и они плывут дальше...

— Живете-то вы с отцом с матерью? — поинтересовался Митрофан Сергеевич.

Толя ответил неохотно:

— С матерью.

— А отец как же? — допытывался Митрофан Сергеевич.

Толя сильнее заработал веслами и пробормотал:

— Течение здесь сильное... Вон куда нас отнесло...

Про отца ему рассказывать не хотелось. Отец уехал от матери и от Толи с Дашей в большой город Караганду давным-давно и не прислал ни одного письма. Жили они дружно и мирно в селе Чеганда в просторном доме с садом, и отцу эта жизнь, помнится, нравилась. Работал он электриком, отвечал за свет и работу свою уважал. Был он плечистым, добрым, многое умел и любил смотреть на Каму с обрыва.

— Корабли все куда-то плывут, плывут, — говорил он. — И мы плывем.

— Мы сидим, — спорил с ним Толя. — На зеленом бугорке...

— Не-ееет, — с веселой тоской в голосе не соглашался отец. — Мы плывем. Где по течению. А бывает, и против...

И ушел отец из дому, как объяснила мама, искать новую интересную жизнь. Скучно ему показалось на Каме.

После того как отец ушел, он иногда снился Толе. Однажды он пришел во сне, высокий, пахнущий папиросами, явственный до последней молодой морщинки у глаз, и повел сына и дочь в театр, хотя в театре до этого сна они не были ни разу в жизни. На сцене шел балет, и балерины были белы и прозрачны, и со сцены веяло весенним холодом.

— Папа, — спросил Толя, — ты живой?

Отец посмотрел на сына внимательно, и он близко увидел отцовские глаза, даже тени в молодых морщинках, все загорелое лицо его и свежий порез от бритвы на подбородке.

Сын услышал его дыхание, молочное, чистое, с еле слышным запахом папирос и, вдохнув это дыхание, сказал:

— Я же знал, что ты живой.

Были еще сны, а вестей от отца не было, и как этим важным людям — Митрофану Сергеевичу и Герцу — объяснить все? Да и зачем? Кому от этого будет легче?

Толя налег на весла: река всерьез пыталась унести лодку в низовья. Мальчуган ощущал силу и доброту Камы. Кто-кто, а она все понимает, ей ничего не надо говорить, и это хорошо! И он ее понимал: дал Каме отнести лодку, потихоньку уходя на веслах со стрежня, с главной быстрины, поднатужился и легко и споро повел лодку к барже «Иволга», что с мачтой, рубкой, каютой для экипажа и полым металлическим нутром, полным горючего, прижалась к лесистому обрыву и была видна в подробностях.

Из коричневой Камы, как огромная рыба с перепончатыми плавниками — струями воды, вынырнул «Метеор», причалил к барже, чтобы заправиться горючим, и, потеряв скорость, осел и стал неправдоподобно невысоким и смирным. Загребая обоими веслами, оборачиваясь, Толя видел, как мать хлопочет у шланга, по которому идет горючее в чрево вечно нетерпеливого «Метеора», которому надо успеть, успеть, успеть к пристаням, большим и малым, где мальчуган ни разу не бывал. «Метеор» взревел, взметнул перепончатые плавники и помчался в неведомые края. Он поднял волны, и лодку так закачало, что Митрофан Сергеевич и Герц едва не вылетели за борт.

Волна быстро успокоилась, и Толя близко увидел маму. Загорелая, с выгоревшими добела волосами, она, босая, стояла на самом краю деревянного причала перед баржой. Мама держала на весу темные, будто в перчатках, измазанные горючим ладони, отстраняла их от белого, облепившего ее платья. Мама щурилась на солнце, улыбалась и о чем-то громко спрашивала Толю.

Он не понял ее слов, перестал грести и, стесняясь радости, которая прорывалась в его голос, прокричал:

— Судака одного поймали да съели!

— Наелись? — спрашивала мама. Она гремела лодочной цепью, приматывала ее к железной скобе на причале и спрашивала:

— Судак-то вкусный был?

— Наелись, — ответил Толя.

— Нет, — тихо сказала Даша.

— Да!

— Нет...

— Мне лучше знать, наелись или нет.

Мама улыбалась и детям своим, и незнакомым людям, и еще чему-то, может быть, погожему августовскому дню, и распахнутой перед ней Каме в колючих искрах и спрашивала весело:

— Я так и не поняла, наелись или нет? У меня грибовницы полная кастрюля. Всем хватит. И гостям тоже...

Толя влез на причал, помог выбраться Даше и с ревностью перехватил добрый приглашающий взгляд матери, обращенный к толстому Герцу и его худому отцу Митрофану Сергеевичу.

Гости вылезли на причал, Митрофан Сергеевич покачнулся и удивился вслух:

— Не пил. Не гулял. В бане не угорал, а качает на ровном месте.

Толя видел, как он выпрямился, даже шею вытянул, чтобы выглядеть выше рядом с рослой Толиной мамой, и протянул ей руку для знакомства.

— Митрофан Сергеевич. А это сын мой Герц... Наследник.

Герц, как в кино, склонил и тут же поднял голову, и Толя подумал, что ему так не суметь.

— Руки не подаю. — Мама показала ладони. — В машинном масле руки мои. А зовут меня Марией Николаевной. Можно Машей звать. Я руки сполосну. А вы проходите на кухню.

В тесной кухонке, где было жарко, и жар этот был уютный, мама подала гостям по блю-

ду душистой грибовницы, а сама с детьми устроилась у одной тарелки. Гости быстро вспотели от угощения, и Митрофан Сергеевич, расчувствовавшись, сказал:

— Вкуснее ничего не ел!

И прибавил:

— А хозяина в доме нет...

От его слов мама чуть не уронила ложку в тарелку, а Толе стало неловко и расхотелось есть.

— Был бы хозяин, — продолжал Митрофан Сергеевич, — он бы и полочки для посуды наладил, и... Я вот, например... Я вот этими руками могу из жести тарелок и кастрюль настряпать лучше, чем на фабрике. Лучше. Не хвалясь говорю: лучше!

Мама спросила почтительно:

— Вы инженер?

— Нет! — замахал руками Митрофан Сергеевич. — Нет. Не инженер. Я печник. Кладу печи. Хвалят. Говорят, печей не будет, да на мой век их хватит. Знаете, у меня какая самая большая обида? Когда люди говорят, что моя печь не тянет, дымит. Неправду они говорят! Если печь по всем правилам протопить, она никогда дымить не будет. Правильно, сынок?

Герц, что, сопя, трудился над блюдом, кивнул.

— Герц Митрофанович, — задумчиво сказал Митрофан Сергеевич. — Вы, наверное, Мария Николаевна, и имени такого не слыхали: Герц?

— Кто его знает, — ответила мама. — Может, и слыхала...

Митрофан Сергеевич с торжеством объявил:

— Вы не могли слышать такого имени! Оно одно во всем мире. У него. А больше ни у кого. А как получилось? Складывал я печку у учителя физики. А он все зяб и меня просил: «Ты мне потеплее сделай». Я у него нашел брошюру. Название «Генрих Рудольф Герц». Стал я ее читать и про печь позабыл. Вот был человек! Немецкий профессор! Прожил меньше меня, а как прожил? Говорит: «Есть на свете электромагнитные волны!» А народ требует: «Докажи!» Он доказал. А народ опять требует: «Получи!» Он получил. Извлек. «Пожалуйста. Вот они». Я задумался: человек умный, и имя у него складное — Герц. Коротко. Ясно. Красиво. А у меня как раз человек родился. Я и назвал его Герцом. В сельсовете поморщились: «Нет такого имени. Нигде оно не обозначено». Я говорю: «Конституция не препятствует». Так и записали его Герцом. А потом учитель мою печку похвалил и сказал: «Митрофан Сергеевич, ты не обижайся за правду. Ты сына по фамилии назвал. Имя этого немецкого профессора: Генрих. Может, поменяешь?» Я учителю ответил: «Печка греет хорошо?» «Прекрасно, как в бане. Спасибо вам». Я говорю: «И вам спасибо». Так мы с ним мирно и разошлись. Чего ко мне приставать? «Имя! Фамилия!» Главное, складно. Герц... Это имя моей жене-покойнице нравилось... Нисколько со мной не спорила...

Митрофан Сергеевич неожиданно сморщился, будто собираясь чихнуть, и всхлипнул. А потом сразу успокоился, заулыбался и похвалил угощение:

— За такую грибовницу я бы сложил печку-семиколенку и ни рубля не взял бы.

— Надоела бы вам грибовница, — вздохнула мама.

— Это почему же? — как показалось Толе, притворно обиделся Митрофан Сергеевич. — Это почему же надоела бы нам грибовница?

Убирая посуду со стола, мама ответила:

— Сегодня она сладкая. Завтра вкусная. Послезавтра — пресная...

После столования и хозяева и гости вышли на свежий воздух. Нагретый железный пол баржи гремел под ногами, и было похоже, будто люди или голуби ходят по крыше, и она, вознесенная над водой, отзывается на их шаги. Герц увлек Толю за рубку, вытащил из кармана джинсов блистающий никелем электрический фонарик и шепнул:

— Светит, как прожектор. С ним и пойдем в пещеру. Меня просил сходить туда наш кружок краеведов... как храброго человека. Гово-

рят, в гражданскую войну там жили партизаны. Это правда?

— Не слыхал, — ответил Толя.

Герц оглянулся и зашептал:

— Отцу ни слова про пещеру. А то он боится за меня, как за малого ребенка, и близко к ней не подпустит. Проводим его за грибами, а сами в пещеру.

С затаенным восторгом Толя следил, как Герц щелкает выключателем фонарика и на торце никелированного цилиндра загорается и гаснет бледная лампочка.

Подошел Митрофан Сергеевич с корзиной для грибов и спросил:

— Кого это вы днем с огнем ищете?

Мальчуганы вздрогнули, и Герц ответил:

— Человека.

— Ну и как? — спросил Митрофан Сергеевич. — Нашли? А я вот грибы пошел искать. Они ждать не любят. Сегодня они есть, а завтра их и след простыл. Мне Мария Николаевна во-ооон какую корзинищу дала. Так вы что, не пойдете со мной? Поиграете маленько? Ну поиграйте. Я один по лесу поброжу. Подумаю. Грибам покланяюсь. Я никому не кланяюсь, только грибам.

Выпрямился, вытянул шею и по мосткам сошел на берег.

Мальчуганы дождались, когда стихнут его шаги, и тоже сошли на берег — под высокий обрыв, сложенный из песчаников.

У подножия обрыва круглился бугор, заслоненный тальниками по самое темя. Рядом в крутосклон зеленой растрещиной вдавался овраг, утопающий в деревьях, и было слышно: с верховьев оврага, причмокивая, как ребенок во сне, пробирается ручей.

По осыпающейся песчаной тропинке дети поднялись на бугор, и, задержав дыхание, Толя показал Герцу на входы в пещеру:

— Вот они...

Входов было три.

Небольшие, такого же размера и облика, как чело русской печи, от бугра они уходили в толщу песчаника. Правда, левый вход был засыпан почти полностью, а средний наполовину. Зато правый, закопченный по своду факелами древних обитателей или нынешних туристов, был открыт, чернел глубиной, и оттуда дышало подземным холодом. А над головами ребят, над обрывом, держась корнями за самую кромку, вершиной вниз висела сосна — зеленела на золотисто-красном песчанике.

Герц спросил недовольно:

— А чего это пещеры такие маленькие?

Толя обиделся. Он сам не ожидал, что осмелится повысить голос на человека, который на голову выше и в два раза толще его.

— Маленькие, маленькие! — передразнил Герца Толя. — Человека напоили-накормили, а он ноет: «Маленькие, маленькие!» Это они снаружи маленькие, а под землей целый лес, заплутаешься. Без веревки там нечего делать. Ругать-то все мастера. А в пещеру слабо!..

— Слабо?!

Герц опустился на четвереньки и с обращенным к Толе лицом, на котором поселилось обиженное выражение, уполз в темноту.

Толя испугался. Летом он не раз прятался в пещере, спасаясь от жары, но далеко не заходил никогда, помнил слова отца: «Войти в пещеру легко, а выйти трудно. По себе знаю».

— Герц! — жалобно крикнул Толя в темноту. — Герц! Ге-ееерц!

И вдруг, обдав Толю ветром и песком, с неожиданным для грузного человека проворством вылетел Герц и, как большой пес, отряхиваясь и отфыркиваясь на солнце, произнес:

— Действительно, без веревки там нечего делать. У вас нет на барже веревки метров триста длиной?

— Такой веревки у нас нет. В село надо идти. В Чеганду, — ответил Толя. — Там у бабушки Ульяны я дратву спрошу. С возвратом, на день, на два, она клубок даст. Она не жадная, бабушка Ульяна. А больше спросить веревку не у кого. Пойдем в село?

— Пожалуйста!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Травница

Ребята спустились с бугра, перепрыгнули ручей, что, булькая, вытекал из лесного оврага, и Толя весело предложил:

— Побежали?

Топчась на месте, Герц согнул руки в локтях, чтобы бежать по всем правилам, как вдруг Толя, чуть задохнувшись от предчувствия яростного утреннего бега, спросил:

— По-простому побежим или по-морскому?

Герц ответил неуверенно:

— По-морскому.

Бежать по-морскому — значило бежать по самой кромке Камы, по ее тончайшей, смирной волне, чтобы брызги разлетались выше тебя во все стороны, а ты бежал бы по середке мгновенного водного коридора и не знал бы устали.

Толя закатал штаны выше колен, вдохнул полной грудью, зажмурился и побежал вдоль Камы по мелкой студеной воде.

Он мчался все быстрее и быстрее и слышал и не разбирал, что кричит сзади Герц. Толя летел, далеко расплескивая воду, и чувствовал, как на лице, на шее, заползая под рубаху, горят капли, а ноги жгут камушки, без счета рассыпанные на берегу, и на мели, и в глубине.

В камских брызгах справа тяжко перекатывалось все еще невысокое рассветное солнце, оплетенное травами лугов, и Толя не знал да и не загадывал, когда он остановится, надолго ли хватит у него духу гнать по-морскому.

Он споткнулся, но удержался на ногах и пошел шагом, когда впереди увидел село Чеганду.

*Толя вдохнул полной грудью
и побежал вдоль Камы по мелкой студеной воде.
Герц бежал следом.*

И обернулся.

Далеко позади ковылял Герц.

Толя досуха выжал рубаху и штаны, надел их, а сердце все ходило ходуном и не могло успокоиться.

Наконец, пришел Герц, расшнуровал кеды, снял, вылил из них воду, надел, зашнуровал и пробормотал:

— Не для того я кончал семь классов...

Сопя, он поднялся на гору вслед за Толей, и ребята попали в плотное стадо коров. Коровы, не торопясь, подбирали травку, мокрую от росы, жевали и без любопытства смотрели на ребят. Из коровьих ноздрей струями бил пар.

— Неужели так холодно? — подумал Толя и дохнул — из его рта тоже пошел пар. — Утро-то как тянется...

И тут Толя увидел быка.

Бык стоял на открытом пространстве и, нагнув рогатую голову, заинтересованно приглядывался к ребятам, точнее, к Герцу, и вдруг затрубил, так что коровы перестали щипать траву и покорно ждали, что же будет дальше. Бык ударил передним копытом — брызнули комья земли. Бык ударил еще и еще и двинулся на Герца.

Толя сломал стебелек конского щавеля и ласково замахнулся на быка:

— Буран, ты чего?

Тот озадаченно остановился.

— Своих не узнаешь, Буран? Эх ты! Тут чужих нет. Тут все свои. Это мой товарищ — Герц. Он ничего тебе плохого не сделает. Чем он тебе не понравился?

Бык послушал Толин голос, повернулся боком к ребятам и принялся щипать травку. Вслед за ним занялись едой и коровы. Здесь, на зеленом угоре, держался винный бродильный запах стада — молока, жвачки, росяной травки, коровьего дыхания, и этот запах был привычен Толе.

Когда дома жил отец, они тоже держали корову, и мальчуган умел и подоить, и успокоить самую норовистую корову в стаде, и даже утихомирить Бурана. Ушел отец. Жить стало труднее, корову пришлось продать, но старые знакомства остались. Толя не был уверен, помнит ли его Буран, но то, что Буран ценит ласковый подход, это Толя знал точно.

Бабушка Ульяна, маленькая, сухая, ждала, увидев их. Была она одета в великоватую телогрейку и, заслонясь рукавом от солнца, разглядывала гостей не по-старушечьи синими глазами.

— Буран-то Толю призна-ааал, — по-вятски пропела она. — А товарища нет. И я его что-то не признаю. Личность незнакомая.

— Он нездешний! — повышая голос, так как бабушка слышала не очень хорошо, объяснил Толя. — Герцем его зовут.

— Ка-ааак? Герцен?

— Нет! Герц. Герц Митрофанович! — сказал Толя. И прибавил с некоторой гордостью: — В восьмом классе учится!

Бабушка подняла с земли корзинку, сплетенную из зеленых прутьев, и, наклонив, показала синие цветы на дне.

— Я вот васильки собираю. Видеть худо стала, вот и собираю васильки. Васильковым отваром глаза промою, и как заново свет увидела. Вот я их и собираю. Мно-ооого их тут на угоре высыпало. Они осень чувствуют. А все равно цветут.

— Скотина-то не разбежится? — хозяйственно спросил Толя.

Он знал, что бабушка Ульяна испокон веков пасет без кнута и при ней ни одна корова не убежала и не убежит. И спросил он для того, чтобы уважить старуху, а потом уже начать разговор о клубке дратвы.

— Скотинушка-то? — Бабушка Ульяна, не глядя, махнула рукавом стеганки на стадо. И пропела с радостью: — Она от меня никуда не денется!

Солнце грело. Трава дымилась. И по угору предосенней синевой синели васильки.

— Эх ты! — изумился Толя. — Откуда их столько?

И прокричал на ухо пастушине:

— Бабушка Ульяна, товарищ про пещеру спрашивает. Откуда она взялась? Какая она? Кто в ней жил?

Старуха выпростала из рукава стеганки коричневую ладонь, собралась погладить васильки в корзине, но не погладила, только воздух над васильками погладила.

— Глаза и есть глаза-ааа, — пропела она. — Откуда они, васильки? Откуда на землю нашу пришли?

Все трое спускались с угора поближе к стаду, и бабушка Ульяна рассказывала:

— Слыхала я, жил в наших местах Василий, и глаза у него были впросинь синие. Васильков тогда на земле не было. Ни одного. Так-то все росло: и пшеница, и рожь, и ячмень, и яблоки. И шиповник. И шелкова полынь. А васильков не было. И ни один человек не знал, что они могут быть, васильки-то.

Василий — один сын у матери, молодой, красивый. И в армию его не взяли как единственного сына. И он крестьянствовал. Мать ему невесту подыскала. Хорошую невесту-то! Дай бог каждому. А Василий жениться не торопится.

— С эдаких лет, — говорит, — и жениться! Погуляю еще.

Пошел в лес. Во-ооон в тот. По дрова. А дело было зимой. На святки. Выпал снежок. А после пошел сильно, повалил, ничего не видно. Видно только один огонек. Огонек в самом снегу. В Чегандинской пещере. Он, не сгибаясь, в пещеру прошел — тогда она просторная была. А там лучина горит. Напротив на лавке сидит бабушка и прядет. Да страшная такая бабушка-то! Глаза белые. Волосы белые. А зубы черные.

— Чего пришел-то?

— От бурана прячусь, бабушка, — толкует Василий.

А она на него:

— Какая я тебе бабушка?

Из рукава достала зеркальце, протерла, подышала на него. И подает Василию:

— Взгляни-ка сам на себя.

Он принял зеркальце да в одной руке не удержал: тяжелое! Обеими руками еле-еле удержал. И откуда тяжесть взялась! Зеркальце-то маленькое, серебром окованное...

Все-таки заглянул в него.

Чего он там увидел? Туман. И лицо чье-то. Не понять, чье. Только что глаз от него не отвести! Туманом лицо-то заволакивает и Василия тоже. И заснул молодой парень в пещере. Проснулся на лавке.

У него в головах сидит красавица и говорит:

— До-ооолго же ты спал.

— Сколько?

— Да все святки.

Он сел на лавку. Глядит на красавицу и не наглядится. Не видал он такой красоты прежде! Только что голос ее кажется ему знакомым. Чей это голос? Не вспомнить.

— Слушай-ка, — говорит он, — тут бабушка была. Где она?

— Ушла в деревню. А чего тебе она?

— Да так. Живой человек все-таки.

— А я что, мертвая?

И так она глядит на него, так смотрит, что он имя у нее спросить боится. И признается Василий:

— Я такой красоты не встречал. Не думал, что может быть такая красота. Только чудится, что голос твой знаком мне.

Полюбил он эту красавицу. Что она ему скажет, то он и делает. Полы метет. Посуду моет. Белье стирает.

Она его спрашивает:

— Ты все для меня сделаешь? Все, о чем ни попрошу?

— Все, о чем ни попросишь!

Она так на него смотрит и смотрит, а он цвета глаз ее разобрать не может. Не поймет, какие у нее глаза.

И говорит ему красавица ласково:

— Отдай мне твои синие глаза.

Василий задумался.

— Нет, — говорит, — не отдам...

— Почему же ты не отдаешь? Ты же только что клялся, что для меня все сделаешь. Все, о чем ни попрошу.

— Было дело, — говорит Василий. — Обещался. Только что не отдам я тебе свои глаза.

— Почему?

— Потому что не буду я тебя тогда видеть! А если я тебя не буду видеть, так зачем мне жить на белом свете?

Красавица улыбнулась, призадумалась и говорит:

— Крепко ты меня любишь! Я у тебя глаза-то зачем прошу? У меня глаза никакие, а я хочу, чтобы они были синие, как у тебя. Отдай мне свои глаза! А я от тебя никуда не денусь. Скучно тебе будет без меня в темноте — ты до руки моей дотронешься. Вот она.

И руку ему подает. Рука у нее холодная, как лед. Василий до нее дотронулся, власть над собою потерял и говорит:

— Бери мои глаза! И еще, чего душа пожелает, проси...

Только он это сказал, как она взяла у него глаза, и Василий перестал видеть.

Слышит шаги — уходит от него красавица.

— Куда ты?

— На кудыкину гору.

— Куда-ааа?

Она не отвечает, идет из пещеры в поле. Ей надо в чистое поле выйти и луны дождаться на ущербе, чтобы сделаться синеглазою.

Поднялась она из пещеры на угор. Вот сюда вот, на это самое место, где мы стоим, и стала ждать луну на ущербе, на убыли. А в поле снег. Чистый. Белый-пребелый, белехонький! Ни следочка на нем, ни былинки. Белая скатерть, ни в одном уголке не вышитая. Идет красавица и зайца из сугроба вспугнула. Он ка-аак выскочит! Она от испуга глаза и вырони.

Покатились они по угору, и то тут, то там зацвели васильки по белому снегу — синие Васины глаза-то.

Красавица нагнулась, чтобы сорвать два цветка, и услышала голос:

— Тепло!

Красавица этого слова не выносила. Побежала она обратно в пещеру. А сказала это слово мать Василия — она в лес шла по дрова.

— Тепло-то как! — говорит мать Василия. — Прямо весна. И зачем я столько одежды на себя надела? Цветы на снегу цветут. Неведомые. Впросинь синие, как глаза моего Васи.

Сорвала она два цветочка и пошла по следам колдуньи. И следы привели в пещеру.

Вошла она туда, свет засветила и увидела на лавке Василия, а рядом с ним старуху — глаза белые, волосы белые, зубы черные.

Мать ахнула.

— Васенька, — говорит, — сыночек! Ты чего тут со старухой-то прячешься! Мы тебя три недели ищем.

А Василий еще на мать обижается.

— Это, — говорит, — не старуха, а жена моя, красавица.

— Это старуха-то твоя жена? — не поверила мать. — На-ка вот, Вася, цветы. На снегу я их сорвала.

Взял сынок у матери цветы, к лицу их приклонил и все стал видеть. Это же глаза его были! И старуху увидел страшную.

Старуха ему выговаривает:

— Что ты на меня так смотришь?

— Да голос припоминаю, — отвечает Василий. — Голос у тебя, как у жены моей, которая у меня глаза взяла. А мать родная мне эти глаза вернула.

И спрашивает:

— Мама, ты где глаза-то мои нашла?

— На улице-то теплынь, — рассказывает Васина мать. — До того тепло, что синие цветы на снегу цветут. Я их тебе и принесла. Тепло на воле-то! Теплешенько! Растеплым-тепло!

Она и так и эдак это слово-то про тепло поворачивает и не перестает говорить его, чует, что тепло колдунье не нравится.

И стала колдунья от этого слова таять. Каменный пол под ней ушел провалищем, и в провалище остановилась черная вода. Озеро. Не колыхнется. Я молодой была — у этого озера с лучиной стояла. Ни травинки на берегу. Вода в озере не всплеснется. Мужики шесть вожжей связывали, на конец привязывали гирю, опускали. Дна не достали. Говорят: озеро с Камой соединяется.

Все село Чеганда выходило в поле смотреть, что это за цветы цветут посреди зимы. И назвали люди эти цветы по Василию — васильки. А Василий женился на своей невесте, и зажили они счастливо. Семь человек детей народили!

Сначала васильки росли только в нашей местности, а потом от нас, от нашего угора ветром их разнесло по всей земле. Сейчас летом вся русская земля васильками убрана, и никто не знает, что они от нас пошли!

С неожиданным проворством рассказчица побежала вдоль стада; негромко крича на корову, что бочком поворачивала в лес:

— Куда, гулена? Куда? Или тебе здешней травы мало?

Корова остановилась и как ни в чем не бывало принялась щипать траву, повернувшись головой к стаду.

Бабушка Ульяна унимала дыхание и говорила:

— Бригадирова корова... Видно, знает, что ее хозяин большой начальник, вот и вольничает...

С вежливой важностью Герц спросил:

— Скажите, пожалуйста, люди выкопали эту пещеру или она создана природой?

— Так ведь по-разному говорят! — обрадовалась вопросу приезжего человека бабушка Ульяна. — Старинные люди, давнишние, говорят: в прежние времена тут руды копали. Медные руды. Весь крутояр перекопали и всю медь выбрали. А медь была красная, как червонное золото. Пещеры-то и остались. А потом в этих пещерах жили разбойники и купцов обирали. Место-то самое бойкое: Кама — Белая, перепутье!

— А еще не помните, кто в пещере жил? — громко поинтересовался Герц.

— Помним, как не помним! — опять обрадовалась вопросу приезжего человека бабушка Ульяна. — Все Стеньку Разина называют. Да учительница говорит: по книгам не сходится. Не был у нас Стенька Разин.

Не дошел.

А Пугачев бывал. Но в пещере не задерживался. Некогда ему было. По своим делам спешил. Торопился. Мне бабушка рассказывала, что жил в наших краях Гурий Востряков. Крестьянин. Чеботарить любил — сапожничать. Сапоги мог сшить. Сандалии. А то и туфли на высоких каблуках. Господа к нему ездили обувь заказывать. А после хвалили. Коров держал с это стадо, налогов не платил. А молоко, мясо, телят раздавал бедным людям. Правда, была у него своя корова. Одна.

Приехал в село Чеганда царский урядник и говорит:

— Гурий, ты чего налоги не платишь?

— Такого закона нет, чтобы я платил налоги.

Урядник разворачивает бумагу с царским орлом, где золотыми буквами напечатано: «Крестьянству платить налоги за крупный и мелкий рогатый скот».

Гурий и говорит:

— «Рогатый» тут напечатано. А у моей скотинушки рогов нету.

— Покажи.

Пришли они в стадо. Что такое? Ни у одной коровы рогов нету! Гурий царский указ знал и загодя рога спилил.

Урядник щупает у коров головы и говорит:

— Рогов нету, а коровы-то есть! Плати налог!

— Не могу.

— Почему?

— Не могу, — говорит Гурий, — пойти против указа царя-батюшки. Вот если бы был указ про налог за безрогий скот, я бы заплатил.

Урядник уехал, а Гурьев сосед у своей коровы тоже рога спилил и налоги не платит.

Урядник пришел к царю жаловаться на Гурия Вострякова.

— Так-то все хорошо, царь-батюшка, — говорит урядник. — Только на Каме в селе Чеганда живет грамотный мужик и налогов за скоти-

— Бабушка Ульяна,— жалобным голосом попросил Толя,— ты нам не дашь клубок дратвы?..

ну не платит. Почему? У коров рога спилил. А в твоем указе написано: «Крестьянству платить налоги за крупный и мелкий рогатый скот». Мужик просит новый указ с царской печатью, чтобы платили бы и за безрогий скот.

— Сделаем, — говорит царь. — Раз мужик просит, сделаем.

Царь написал новый указ и пошел с царицей на танцы.

А Гурий Востряков узнал про этот новый указ, приехал в столицу, пролез в окно в царский дворец, указ за пазуху и хотел обратно домой на Каму, да тут царь с царицей пришли с бала, с танцев, и по комнатам топают.

Гурий успел спрятаться под цареву кровать, и его они не заметили. Царица повела носом и говорит:

— Мужиком пахнет.

Царь ноздрями пошевелил, вот этак, и говорит:

— Не чувствую. Иди, матушка, на покой в свою спальню.

Разошлись они. Царь разделся, разулся, сапоги около кровати поставил, электричество потушил и лег спать. Царю не спится. Ворочается он с боку на бок, а Гурий лежит под кроватью, слушает, и не терпится ему царские сапоги потрогать, что рядом стоят. Охота ему, чеботарю-сапожнику пощупать их, узнать, как они по швам прострочены, из какого материала сшиты, сможет ли он, деревенский чеботарь-сапожник, такие сапоги сшить или не сможет. Он один сапог к себе под кровать утянул, второй. Потрогал, помял, по швам пальцами прошелся, подумал: «Хорошая работа — царские сапоги. Только и я бы так смог».

И царю не спалось. Сел он на кровати, ногами сапоги шарит и не может нашарить, нету их. Включил царь электричество. Видит: сапоги около кровати как стояли, так и стоят! Гурий успел их на место поставить.

«Да, — думает царь, — заработался я совсем, устал. Все о народе пекусь. Надо будет меньше работать».

Лег царь спать и заснул. Заснул и Гурий Востряков. А там, под царской кроватью, пыли-иии! Слуги только на виду пол мели, а под кровать не заглядывали. От этой пыли Гурий и чихнул. Да громко! Царь проснулся. Проснулась и царица. Пришла из соседней спальни и говорит царю:

— Будьте здоровы, царь-батюшка!

— Нет, это вы будьте здоровы, царица-матушка!

А Гурий Востряков крепился-крепился и опять чихнул, да так, что из-под царской кровати пыль пошла. Тут царя с царицей из спальни как ветром выдуло: побежали они стражу звать.

А Гурий выбрался из-под кровати, надел царскую одежду и сапоги и пошел на выход. Идет, и ему все слуги кланяются.

И все бы у Гурия ладно было, да не привык он ходить в царских сапогах с золотыми шпорами. Ему из дворца выходить, а он задел шпорой за шпору и растянулся перед стражниками. «Ну, — думает, — пропал!»

Стражники подняли его под руки, от пыли отряхнули, честь отдали и сказали:

— Следуйте дальше, ваше царское величество!

Гурий подался сюда, на Каму. Домой не пошел — там его уже солдаты ждали, а поселился в Чегандинской пещере. И первое, что он сделал, — из простой кожи по виду царские сапоги стачал. И шпоры выточил из меди. Поставил рядом две пары сапог — одни работы царского мастера, царевы сапоги, а другие его, Гурия, работы.

И спрашивает земляков:

— Мужики, которые сапоги царевы, а которые мои?

Земляки заспорили.

Ни один не смог в точности сказать, которые царевы сапоги, а которые Гурия.

И бабушка Ульяна замолчала.

— А потом? — спросил, улыбаясь, Герц.

— Потом стали к Гурию прибиваться вольные люди. Жили в пещере. Издалека, с горушки высмотрят купеческие суда, что с Камы на Белую плыли или с Белой на Каму. Высмотрят, встретят на стругах, крючьями закрючат, товары отберут, бедным отдадут, а самих купцов отпустят.

— А что не ловили его? Гурия-то Вострякова? — специально для Герца спросил Толя, который от бабушки Ульяны не раз слышал эту историю.

— Ловили, как не ловили! — оживилась бабушка Ульяна. — Да он проворный был. Верткий. Жилистый. Пришлют сюда стражников без числа. Они пещеру окружат. Идут с огнями в темноту. А Гурия и след не ночевал. Уголья в костре красные, а Гурия нету. Куда он девался-то? В какую сторону подался?

Рукой бабушка Ульяна показала на Каму.

— Там в лугах есть столетний дуб. И насыпной вал. Мы по валу ходили, палкой стучали. Гулко стучит земля, показывает пустоту. Отсюда, из пещеры, к тому валу прорыт подземный ход...

По самому этому подземному ходу Гурий на ту сторону Камы от стражи уходил. Были в пещере другие тайные выходы: в овраг и до Красного Бора. И были они так выкопаны, что не попасть в них чужому человеку.

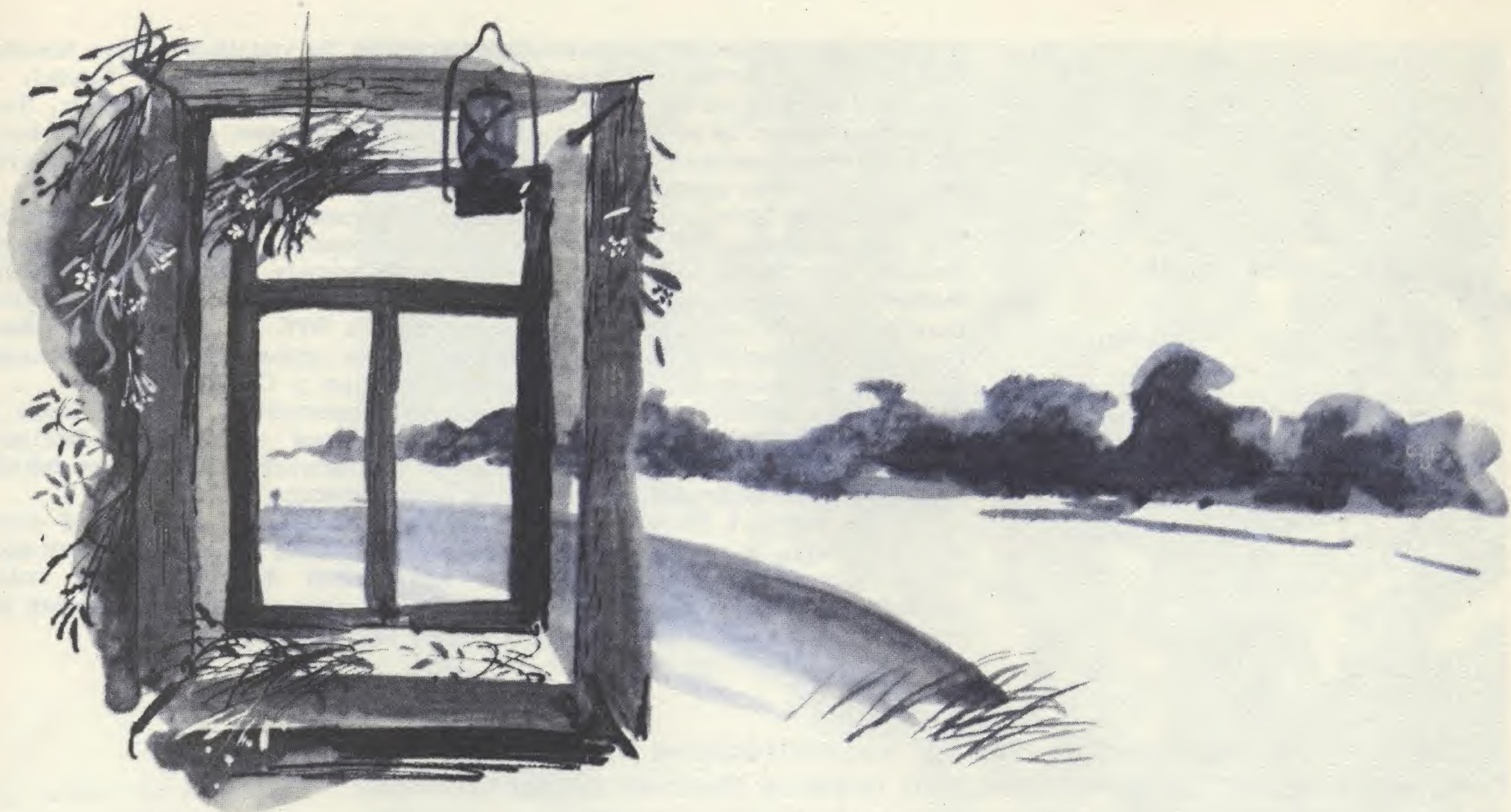
— А правда, что в гражданскую войну в пещере жили партизаны? — спросил Герц.

— Стреляли в той стороне, — не вдруг ответила бабушка Ульяна. — Да я тогда уезжала из Чеганды в Яр, и что тут было, сказать не могу. Не знаю...

— Ничего, — пообещал Герц. — Мы узнаем.

— Бабушка Ульяна, — жалобным голосом попросил Толя, — ты нам не дашь дратвы клубок? На время. Дала бы ты нам клубок дратвы, а мы бы тебе завтра или послезавтра вернули.

Мальчуган хотел объяснить, что клубок дратвы нужен для дела — для исследования Чеган-



динской пещеры, но бабушка не дала договорить.

— Кто это дратву-то взаймы дает? — обиделась она. — Взаймы не дам. Навовсе дам. Кто я — меновщица какая, что ли? Вы идите ко мне домой. У меня дом сроду не запирается. Как попадете в горницу, так по левую руку у меня в запечье клубков десять складено под лавкой.

— Спасибо, бабушка Ульяна, — в два голоса сказали ребята и пошли в село.

С Камы село Чеганда выглядит небольшим, не таким, какое оно на самом деле. Оно уходит от Камы по лощине далеко-далеко, не на один километр, протянулось это людное, прочно построенное село. Изба бабушки Ульяны чуть в стороне от других, на самом берегу, смотрит окнами на Каму, ждет кого-то.

Ребята вошли в незапертую избу, и их с головы до ног объял запах горячих летних трав.

Травы свисали с потолка, лежали на подоконниках, на лавках вдоль стен, и были они все на одно лицо — эти посыхающие, иззолота-серые, ломкие травы.

В избе, как на пасеке, гудели пчелы, и, осторожно отмахиваясь рукой, Герц удивился:

— Что они тут делают?

— Находят чего-нибудь...

— Чего?

— Сласть какую-нибудь. Цветы сухие, а сласть все равно в них прячется.

Из запечья Толя вынес тяжелый смоляной клубок дратвы и сказал:

— Дратва у бабушки Ульяны не переводится. Она, как Гурий Востряков, чеботарит: сапоги подшивает, валенки. Только она не разбойница, а травница.

Теперь пчел вокруг Герца было густо, они слетелись к нему со всей избы, и он отмахивался от них обеими руками.

— Герц, ты руками не маши, — посоветовал Толя. — Не серди их. Так-то они у нее не жалятся.

И внезапное припоминание, как они с отцом в метель забегали к бабушке Ульяне подышать летом, обожгло душу мальчугана. Он освободил угол лавки от трав и пригласил Герца:

— Посидим...

Ребята сидели на лавке и молчали. Пчелы близко пролетали над ними, но Толя не очень-то замечал их. Он старался в высохших стеблях угадать названия живых трав, и когда ему удавалось это, он мысленно называл траву по имени. И ему думалось: чем больше он припомнит трав, тем ближе в воспоминаниях будет к нему отец.

Ребята сидели смирно, и пчелы перестали сердиться на Герца.

Уходить из избы им не хотелось. Здесь загостилось лесное спокойное лето. Видно, вчера бабушка протопила печь; травы подсыхали, потрескивали и пахли ярче; на стенах по сосновым венцам блестели искрасна-золотые натеки смолы; и по ним, принимая смолу за мед, ползали пчелы.

Ребята вышли из избы, прикрыли дверь, поднялись на угор.

Бабушки Ульяны на прежнем месте не было. Они отогнали скотину подальше в поле, и издалека стадо смотрелось нарядным, пестрым и неподвижным.

Оступаясь по косогору, ребята спустились к Каме. Была она синей, местами на ней дрожали лужайки серебряного света, а у самого берега сквозь зеленую воду, янтарно-белые, один к одному, просвечивали камушки.

Впереди шел Герц. За ним — Толя с тяжелым смоляным ядром дратвы в руках...

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Загляни на тридцать первую страницу, там ты увидишь плакат Всемирной федерации демократической молодежи. «Нет нейтронной бомбе!» — написано на нем на английском, французском и испанском языках. Этот призыв услышан на всех континентах. Молодые рабочие, студенты и школьники проводят митинги и демонстрации, требуя запретить производство этого варварского оружия.

Борьбе за разоружение был посвящен трехнедельный «Марш Европы-78», завершившийся в Брюсселе, в нем участвовали посланцы молодежи Италии, Франции и Нидерландов. «Мы хотим мира!», «Образование вместо бомб!» — с такими лозунгами вышли на улицы Гамбурга, Штутгарта, Дюссельдорфа и других городов юноши и девушки ФРГ. По инициативе общества прогрессивной молодежи Турции массовые демонстрации с требованием «Нет нейтронной бомбе!» прошли в Анкаре и Стамбуле.

Боевой трибуной молодого поколения, борющегося за мир, стала X Ассамблея Всемирной федерации демократической молодежи в Берлине. Юноши и девушки разных стран горячо откликнулись на призыв ВФДМ провести День действий молодежи за разоружение.

Не остаются в стороне от этой борьбы и советские пионеры. В отрядах, дружинах и клубах интернациональной дружбы проходят митинги протеста против производства в США нейтронной бомбы и других видов оружия массового уничтожения. Об этом нам пишут ребята из разных городов и сел страны. Одно из таких писем мы публикуем.

Сегодня, собравшись на митинг, мы протестуем против производства нейтронной бомбы — страшного оружия массового уничтожения людей. У нас вызывают возмущение сторонники варварского смертоносного оружия.

Мы знаем, много столетий понадобилось людям, чтобы построить чудесные города, здания, проложить дороги, разбить парки. Все это создано трудом и талантом поколений. И все это может быть уничтожено новой войной. Нейтронная бомба угрожает самому драгоценному на земле — человеческой жизни.

Это дико!

Поэтому мы обращаемся ко всем пионерам с призывом присоединить свой голос к голосам протеста против нейтронной бомбы.

Нет! — нейтронной бомбе!

Нет! — войне!

Пусть крепнет дружба между народами!

Пусть дети никогда не услышат взрывов бомб и снарядов!

Пионеры отряда «Салют»
школы-интерната № 3 г. Чарджоу.
Туркменской ССР.

МУЗЕЙ ЧЕ ГЕВАРЫ

— Пионеры, за коммунизм!

— Будем как Че!

Это девиз кубинских пионеров.

Будем как Че!.. В пионерском лагере имени Хосе Марти, куда приезжают отдыхать ребята со всей Кубы, есть удивительный музей. Он посвящен выдающемуся борцу за свободу Кубы Че Геваре — ближайшему соратнику Фиделя Кастро.

Эрнесто Гевара родился 14 июня 1928 года в городе Кросирио в Аргентине. Че его прозвали друзья, что означает «дружище».

Че был врачом. В 1955 году в Мексике он познакомился с Фиделем Кастро, который жил там после освобождения из тюрьмы. Че Гевара стал его другом. Вместе с другими повстанцами они отправились на Кубу на шхуне «Гранма», чтобы вступить в

Эти ребята из Гаваны учатся в школе имени В. И. Ленина.

бой с ненавистной диктатурой Батисты.

На стендах музея множество фотографий разных лет, и на всех запоминаются живые, темпераментные глаза, добрая и застенчивая улыбка Че.

Когда он уже был министром промышленности Кубы, Че Гевара в свободные часы работал на заводах и стройках простым рабочим.

«Как революционер я выполнил свой долг — вот почему я еду в Латинскую Америку, чтобы продолжать свое дело», — так писал Че Гевара кубинскому народу и Фиделю Кастро перед тем, как покинуть Кубу. Он оставил на Кубе семью, друзей и уехал в Боливию, чтобы там сражаться за свободу в партизанском отряде.

«Че погиб, но его имя и дело стали нашим символом», — говорит смуглая девочка-пионерка, экскурсовод этого музея.

А рядом с музеем, в пионерском лагере имени Хосе Марти, круглый год шумно и весело. В прошлом году здесь отдохнуло десять тысяч ребят.

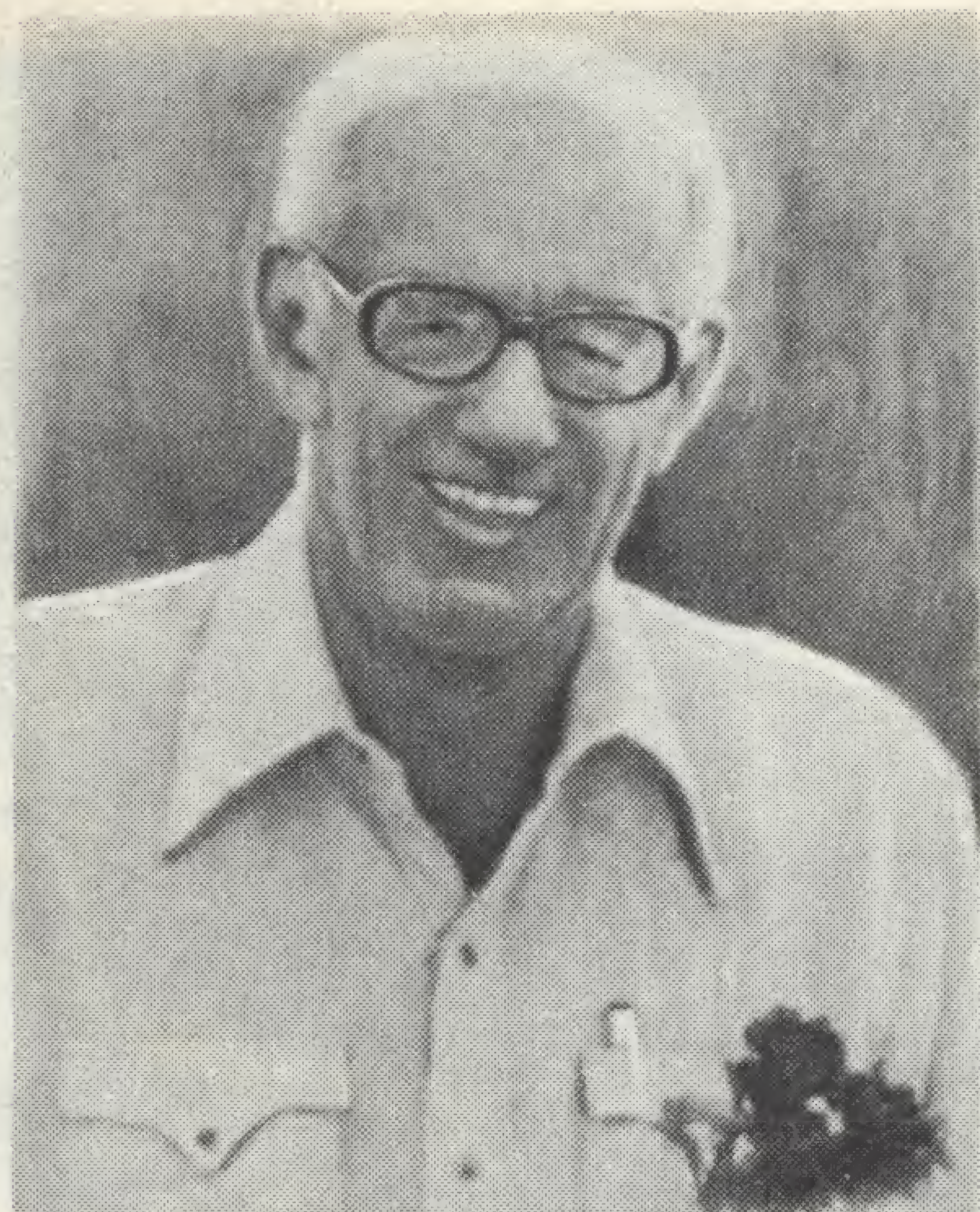
Они приезжают сюда со своими учителями, сами следят за чистотой в палатах и на территории лагеря, занимаются спортом, ходят в кружки. Каждая смена заканчивается детским карнавалом.

Скоро, в дни XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, здесь соберутся дети из многих стран мира. Их радушно встретят кубинские пионеры. Вместе со своими зарубежными сверстниками они поднимут голос в защиту мира на земле, против угнетения человека человеком, за солидарность и дружбу между народами.

В. ЗАХАРЧЕНКО

Фотографии М. ХАРЛАМПИЕВА

В пионерском лагере имени Хосе Марти круглый год шумно и весело.



ЖИЗНЬ СВОЮ ПОСВЯТИЛ ДЕТЯМ

В дни Международного детского фестиваля «Пусть всегда будет солнце!» почетным гостем Артека был известный врач и педагог из США, неутомимый борец за мир и социальную справедливость Бенджамен СПОК. Те, кому посчастливилось быть на Фестивале, наверняка запомнили этого высокого, не по годам подвижного, седовласого человека. Его видели на митингах и манифестациях делегатов, на спортивных соревнованиях и выступлениях художественных коллективов, во время долгих бесед у пионерских костров.

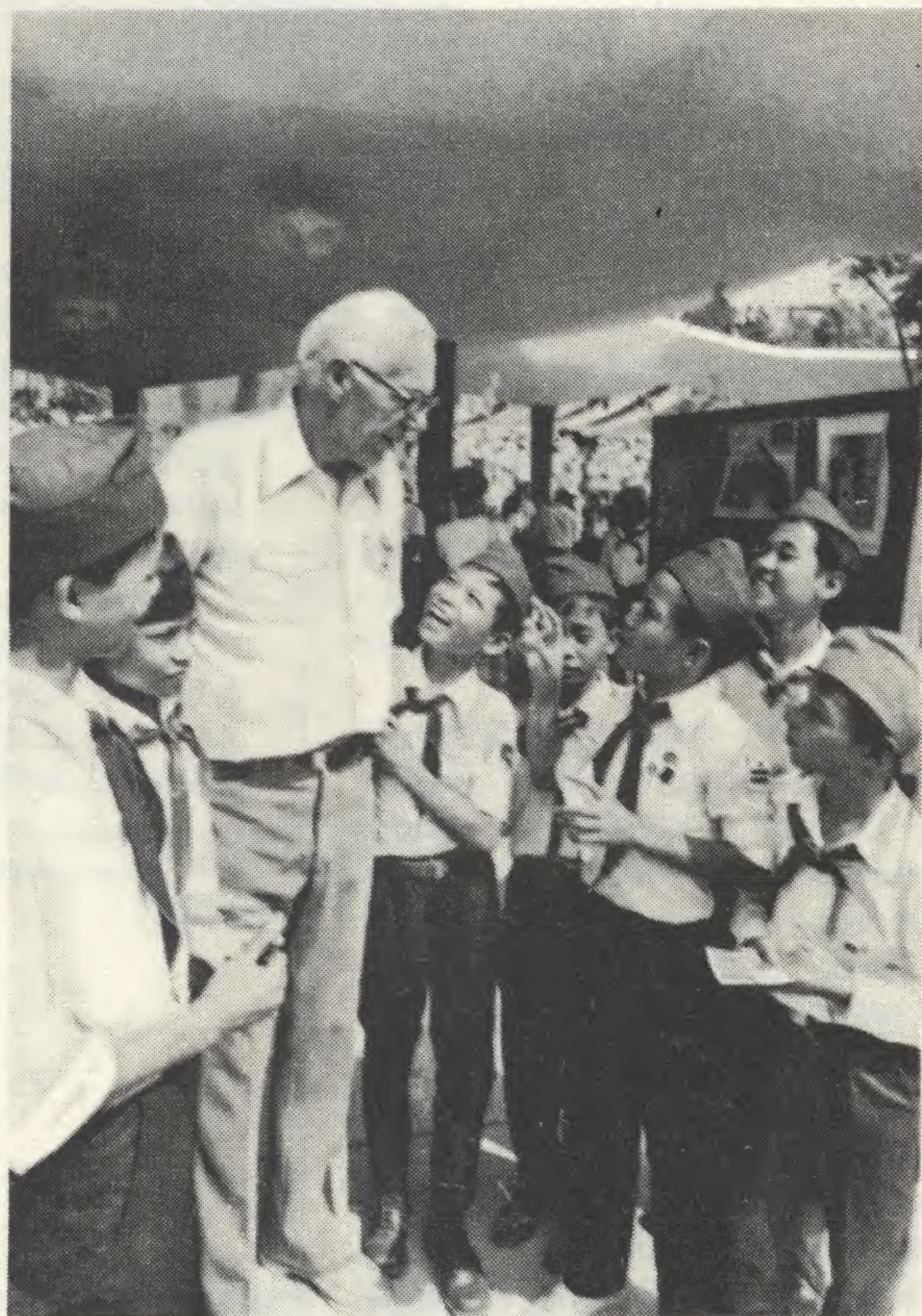
Доктор Бенджамен СПОК ответил на вопросы «Пионера».

«Пионер». Расскажите, пожалуйста, как Вы стали детским врачом.

Б. Спок. Еще студентом я часто бывал в доме для детей-инвалидов, видел, как страдают маленькие больные и с каким упорством борются врачи за их здоровье. Я и сейчас не могу с уверенностью сказать, что поразило меня больше: муки больных или благородная самоотверженность медиков. Я решил — буду сражаться за здоровье детей!

«Пионер». А почему Вы решили стать еще и педагогом?

Б. Спок. Да потому, что я понял: дети страдают не только от болезней. Недуги капиталистического общества гораздо тяжелее, и их труднее врачевать. Например, около 700 миллионов детей в странах Азии, Африки и Латинской Америки страдают от недоедания и болезней, лишены крова, не могут получить образования. Детям с раннего детства внушают расовую неприязнь к сверстникам другого цвета кожи — это преступное воспитание, к несчастью, обычное в несправедливом обществе. Телевизионные передачи, комиксы, кинофильмы в некоторых западных странах способны любого здорового и доброго ребенка сделать агрессивным, жестоким, алчным. И, наконец, безвинными жертвами многочисленных войн становятся дети. С этим не может смириться ни одно честное человеческое сердце. Поэтому в последнем издании своей книги «Ребенок и уход за ним» я призываю родителей обратить внимание на болезненные явления действительности, воспитывать детей гуманными, способными сопереживать чужой беде и чужой радости.



Бенджамен Спок с вьетнамскими пионерами на Фестивале в Артеке.

«Пионер». Выходит, самая мирная деятельность врача и педагога тесно связана с политикой. Можно ли назвать Вас еще и политическим деятелем?

Б. Спок. С полным основанием. Я даже попал однажды в тюрьму за свои убеждения:

Бенджамен Спок участвовал в митингах и манифестациях в защиту мира и прав детей.

во время американской агрессии во Вьетнаме я выступал в печати и на митингах перед молодежью против этой преступной войны. В 1972 году я выставил свою кандидатуру на пост президента США. Я знал, что никогда не стану президентом. Но во время предвыборной кампании я мог привлечь внимание американцев к позорной войне против свободного вьетнамского народа. Я знаю, что и теперь, после моей поездки в СССР, кое-кто в Америке станет показывать на меня пальцем: «Спок, мол, сделался коммунистом!» Но я считаю, что наши две страны, обладающие самыми большими запасами оружия, в том числе ядерного, должны активно сотрудничать, лучше знать и понимать друг друга.

«Пионер». В чем Вы видите свою цель как воспитатель?

Б. Спок. Я бы хотел доказать взрослым, что ребенок и сам стремится стать полноценным человеком, личностью. Что бесконечные «нельзя!», «не смей!», «делай, как я!» тормозят его развитие, сбивают с пути. Ребенок имеет право на уважение к его личности. Он имеет право задавать любые вопросы и требовать на них честного ответа. Если с ребенком хитрят, скрывают что-то от него, то и он с малых лет научится лгать.

«Пионер». Ваша книга «Ребенок и уход за ним» издана в США двадцатимиллионным тиражом. Пользуясь вашими советами, многие родители растили своих детей. Чем сегодняшнее молодое поколение в Соединенных Штатах отличается от старшего?

Б. Спок. Нынешняя молодежь Америки значительно независимее в суждениях и поступках, свободнее в общении; она чаще не соглашается с авторитетами. Именно поэтому американские юноши и девушки восстали против агрессии США во Вьетнаме, выступили в поход против дискриминации негров в Южных штатах, выступают теперь за мир, за разоружение.

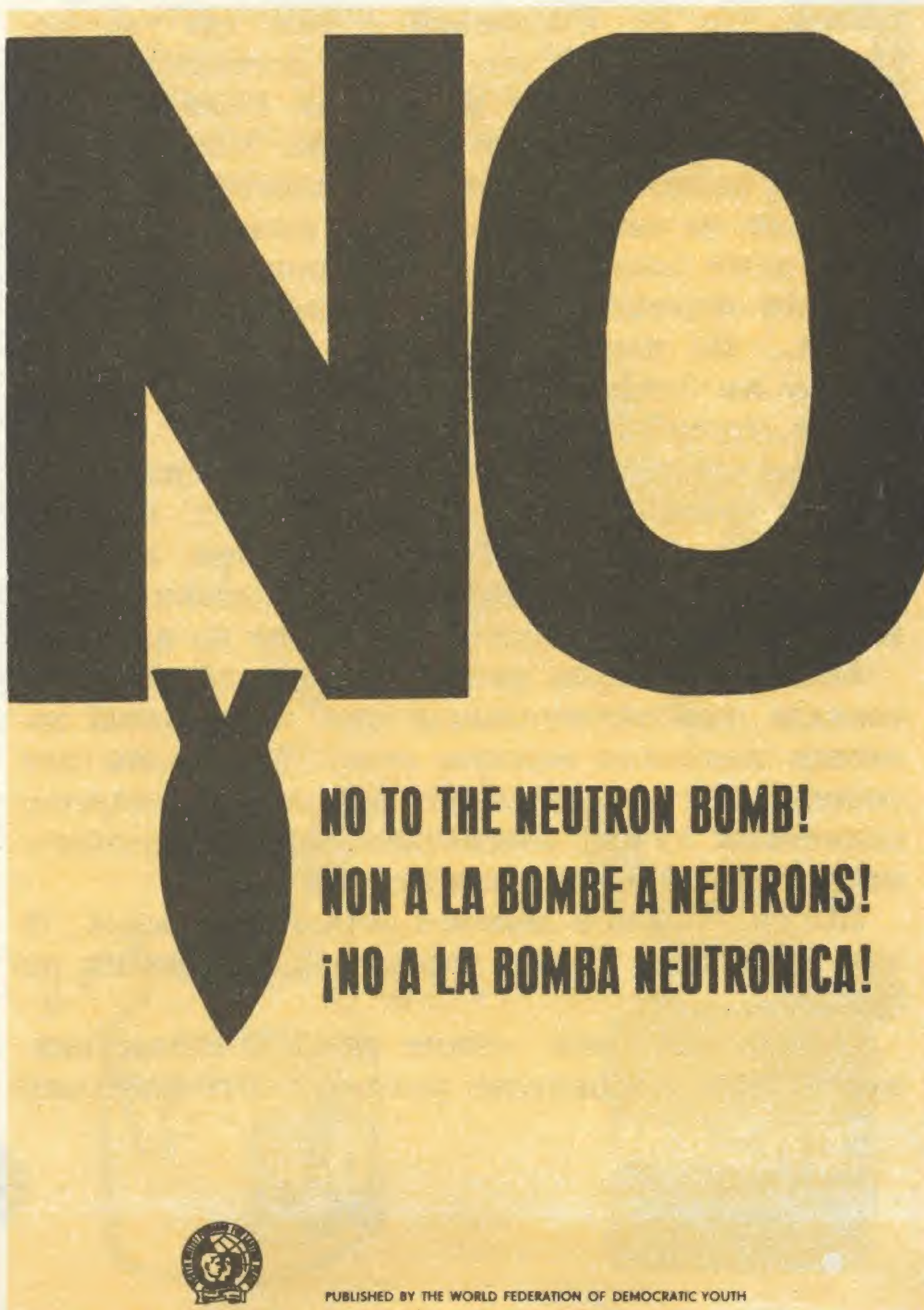
«Пионер». Ваши впечатления о юном поколении нашей страны?

Б. Спок. Я вижу в советских детях горячих энтузиастов. Они охотно берутся за любое доброе дело, сколько бы трудностей оно ни сулило. Думаю, американским детям было бы не только интересно и приятно, но и очень полезно пожить в пионерском лагере, где ребята все делают вместе: гуляют, занимаются спортом, играют, трудятся и сообща решают самые сложные вопросы, волнующие их. Помоему, дети, воспитанные в духе товарищества, редко становятся себялюбцами и эгоистами.

«Пионер». Чего бы Вы хотели сейчас больше всего?

Б. Спок. Быть ребенком в Артеке!

Записал С. МАКЕЕВ.
Фотографии Б. ЗАДВИЛЯ.



НАШ ДОЛГ

И. В. ПЕТРЯНОВ,
академик

Люди уже побывали в космосе, и мы знаем теперь, что во Вселенной — там, где уже побывал человек или его умные, всевидящие посланцы — приборы, — жизни нет. Пока мы знаем, что она есть только на Земле. Может быть, где-то в далеких Галактиках существуют небесные тела, на которых тоже есть жизнь и, может быть, даже разум. Но об этом пока еще только мечтают фантасты. Будем надеяться, что они правы... Но пока мы знаем, что жизнь есть только на Земле. Потому и прекрасна наша Земля, что на ней есть жизнь.

За миллиарды лет живые существа своим дыханием создали наш чудесный воздух. Его нет на других планетах. Только в нашем воздухе есть кислород, обеспечивающий дыхание всего живого и вечный круговорот жизни на планете.

Миллионы веков работала природа, пока не создала наш растительный мир, покрывший зеленым покровом земную сушу. Миллионы лет зеленый лист улавливает и запасает энергию солнечных лучей, обеспечивая жизнь бесконечному многообразию живых существ.

Жизнь — самое великое, что есть в мире. И мы, люди, мы тоже только часть жизни на Земле.

Но на Человеке лежит особая ответственность. Человек наделен разумом. Это дает ему великие возможности, великие преимущества в использовании сил природы. Но это и налагает на него великую ответственность. Люди должны понимать, что, действуя неосторожно, необдуманно, можно нанести непоправимый ущерб жизни на нашей планете.

Казалось бы, какое может иметь значение попавший в воду — в реку, в озеро — скажем, литр нефтепродуктов? Но каждый литр нефти отравит сотни тысяч литров подпочвенных вод. Отравленная в реке вода утечет, но на своем пути она будет продолжать отравлять все живое.

В нашей стране охрана природы — гражданский долг каждого.

Следует всем помнить хорошие и мудрые слова товарища Леонида Ильича Брежнева, прозвучавшие на XXV съезде партии:

«...использовать природу можно по-разному. Можно — и история человечества знает тому немало примеров — оставлять за собой бесплодные, безжизненные, враждебные человеку пространства. Но можно и нужно, товарищи, облагораживать природу, помогать природе полнее раскрывать ее жизненные силы. Есть такое простое, известное всем выражение «цветущий край». Так называют земли, где знания, опыт людей, их привязанность, их любовь к природе поистине творят чудеса. Это наш, социалистический путь».

И в новой Конституции есть одна совсем короткая статья. Она звучит как боевой приказ:

«СТАТЬЯ 67. ГРАЖДАНЕ СССР ОБЯЗАНЫ БЕРЕЧЬ ПРИРОДУ, ОХРАНЯТЬ ЕЕ БОГАТСТВА».

Это наш долг перед Родиной.

А. ЧАПКОВСКИЙ

У ХОРОШЕГО ХОЗЯИНА ДОМ В ЧИСТОТЕ!

Забота о природе, о ее сохранности — одно из самых главных государственных дел. В нашей стране приняты законы об охране лесов и рек, озер и морей, зверей и птиц. Все это — народное богатство. И о нем надо заботиться.

Хороший хозяин содержит свой дом в чистоте. Наша земля, наша Родина — огромный, общий наш дом. И чем чище он будет, тем лучше нам всем будет работать, учиться, отдыхать.

Зачем заводу зоопарк?

Небо, окутанное густым дымом, закопченные здания. За оградой — пустыри, заваленные мусором. Безжизненная, черная вода в речке...

Так выглядели заводы еще в начале века.

Сейчас заводы стали другими: новые цеха — строгие, нарядные, светлые. Между цехами — асфальтированные дорожки, газоны и клумбы. И кругом зеленеют деревья.

Есть в нашей стране замечательное правило. Оно обязательно для всех фабрик и заводов, больших и малых. Это правило гласит: ни одно новое предприятие не начнет работать, пока для него не построят очистные сооружения — химчистку для воды и воздуха.

О каком же заводе тебе рассказать? Подумали мы и решили: о Первомайском химическом комбинате.

Комбинат этот находится под Харьковом. Все, что ему надо, есть поблизости, и лишь одного не хватает — воды. Правда, течет здесь река Северский Донец, но химический комбинат такой водохлеб, что реки ему уже не хватает. Недоглядишь здесь с очисткой — загубишь и рыбу и растения. Как быть?

Вот и решили инженеры: очищать воду и отправлять ее обратно в реку не будем.

Но она же грязная?

А что за грязь в заводских сточных водах? Медь и цинк, олово и серебро, фосфор и азот — это и грязью не назовешь! И не граммы их в воде — завод-то огромный. Рассортировать бы все, разложить по полочкам. А воду не в реку отправить, а снова в цеха.

Вот такое мудрое решение приняли инженеры. Однако сказать легко, да сделать трудно. Все ценные вещества перемешаны, Золушкина работа — белую фасоль отделять от черной — покажется тут сущим пустяком.

Не год и не два трудились химики. И в конце концов создали такие установки, в которых из сложной смеси можно извлекать разные вещества по отдельности.

Были отходы — стало ценное сырье, строительные материалы, удобрения, корм для скота. И главное — чистая, прозрачная вода. Идешь по комбинату и глазам не веришь: рядом с цехом очистки — пруд, плещутся в нем карпы, плавают лебеди. А вода в пруду — та самая, которую в цеху очистили.

Через пруд перекинут мостик. По нему можно пройти в зоопарк. Не простой зоопарк, научный. Звери здесь пьют воду из пруда, а ученые за ними наблюдают. Звери живы-здоровы. Значит, хорошая вода. Чистая.

А в розарии — есть такой цех на комбинате — цветы поливают очищенной водой, удобряют бывшими отходами. И розы вырастают на загляденье.

Первомайский комбинат — прообраз завтрашних предприятий. Без копоти и грязи. Без дыма и гари. Без отходов.

Такие предприятия называют безотходными. За ними — будущее.

Все, что человек взял у природы, он должен использовать полностью, а не растрачивать, не выбрасывать. Тогда чистым будет воздух и прозрачной вода. Тогда расцветут на заводе розы и поплывут по зеркальной глади лебеди.

«Мойдодыр-78»

Почему руки моют с мылом?

Что за странный вопрос? Чтобы лучше их отмыть!

А все-таки: почему они с мылом отмываются лучше?

Не такой уж это легкий вопрос, как может показаться.

Если ты испачкал руки землей, отмыть их ничего не стоит — подставил под кран, и дело с концом.

А если машинным маслом? Вода тут не поможет — ни холодная, ни горячая. Она скатится с масляного пятна мелкими каплями, как с гуся вода. А руки чище не станут.

Но стоит намылить руки — и от масляного пятна не останется и следа. Вытирай руки и садись обедать.

В чем же тут дело?

В хитром устройстве молекулы мыла. Эта молекула как бы мостик, соединяющий воду и масло. Один ее конец не похож на другой. Один «любит» воду и хорошо растворяется в ней. Другой в воде никак не растворяется, зато легко проникает в масло. Растворившись в воде, мыло окружает капельки масла, растаскивает их в разные стороны, а поток воды смывает эти отдельные капельки и уносит их прочь.

Замечательное изобретение мыло! Но сейчас его для стирки почти не применяют. У каждой хозяйки есть пакеты со стиральным порошком. И в прачечных тоже стирают не мылом, а современными моющими средствами.

Придумали эти средства не только ради того, чтобы облегчить труд людей (хотя и об этом, конечно, помнили). Ведь мыло-то делают из растительного или животного жира. А его, как ты понимаешь, намного разумнее съесть, чем тратить на стирку.

Стиральные порошки готовят на химических заводах из нефти, угля, сланцев. И они намного лучше обычного мыла. Отстирывают чище и в любой воде — в мягкой, в жесткой, даже в морской. Обычное мыло в морской воде ни за что не мылится. Не веришь — попробуй.

Все бы хорошо, но однажды...

Однажды работники очистной станции американского города Маунт-Пен обнаружили удивительное явление. Поверхность воды вдруг стала покрываться густой пеной. Белая шапка все росла и росла, и вскоре ее высота достигла полутора метров!

Сигналы бедствия стали поступать со всего мира. Пена от стиральных порошков покрывала прибрежные полосы моря, судоходные каналы, озера. Огромные реки вроде Рейна оказывались покрытыми пенной шапкой.

Что это за нашествие?

Секрет разгадали сразу: задержать моющие средства на очистных станциях очень трудно — ускользают. Проходят все заслоны. Вот откуда в реках и озерах пена.

А обычное мыло — как оно себя ведет? Да оно же из жира! Им могут питаться многие бактерии, живущие в воде. Они расщепляют длинную молекулу мыла, превращают ее в другие молекулы, совершенно безопасные для водоема. А те вещества, из которых состоят стиральные порошки, бактериям далеко не всегда «по зубам».

Так, может быть, лучше отказаться от стиральных порошков и вернуться к мылу?

Делать это не придется. Просто стиральные порошки на наших глазах становятся другими. Химики подбирают и создают такие моющие вещества, которыми, как и обычным мылом, могут питаться микроорганизмы. На станциях очистки строят еще один цех — водоем, заселенный специально подобранными микробами. Пусть себе кормятся на здоровье. Зато в реках пены не будет.

Летающая труба

Ты когда-нибудь задумывался — зачем заводу труба?

А затем же, зачем избе. Чтобы дым глаза не ел. В дыму этом и угарный газ, и сажа, и едкий сернистый газ. Даже после очистки кое-какие вредные вещества все же остаются.

Тяжело было бы работать на заводе без трубы. Едкий дым стелился бы над цехами. Дышать было бы трудно.

Выручала труба. Она выбрасывала дым высоко в небо. Там он смешивался с чистым воздухом и как бы растворялся в нем.

Под действием кислорода, солнечных лучей, микроорганизмов часть принесенных с дымом опасных веществ обезвреживается, а часть так разбавляется воздухом, что становится безопасной.

Вот почему длинная труба лучше короткой. Но дороже. И намного. Особенно, если ее длина переваливает за двести метров. Тогда каждая труба обходится в несколько миллионов рублей.

Но нельзя ли придумать способ подешевле? На этот счет есть немало предложений. Вот одно из них: советские ученые предложили использовать вместо трубы дирижабль!

Понятно, этот дирижабль должен плавать в воздухе не горизонтально, как обычно, а вертикально. Иначе говоря, надо сделать узкую и очень длинную трубу, надутую легким газом, чтобы она плавала в воздухе и не опускалась на землю. А внутри плавающей трубы-дирижабля — дымоход.

Надувная труба стоит раза в три дешевле кирпичной. А поднять ее можно хоть на километр.

Плавает в воздухе над заводом труба, уносит дым за облака. А если на заводе научатся обходиться без дыма, дирижабль можно отдать соседям. Пользуйтесь, соседи, до поры до времени!

Почему до поры до времени? Да потому что лет через тридцать труб не будет и в помине! Предприятия станут беструбными. К тому времени научатся все вредные газы превращать в полезные материалы — в топливо, пластмассы, краски.

И тогда дети будут спрашивать у родителей: а что такое заводская труба?

О самом чистом автомобиле

Один журналист сказал: люди придумали себе семимильный сапог, а потом нашли в нем гвоздь, который впивается в пятку. Что это за сапог и что за гвоздь?

Это автомобиль и выхлопные газы.

Пока автомобилей было мало, с таким недостатком можно было мириться. Не нравится запах — отвернись, пока машина не проедет мимо. Но сейчас, когда автомобили идут по улицам и шоссе нескончаемым потоком, отворачивайся — не отворачивайся, не поможет.

Кто не знает этот особый, «автомобильный» запах, не слишком-то, честно говоря, приятный? От выхлопных газов вянут листья деревьев. В Японии регулировщики на оживленных перекрестках надевают противогазы, чтобы не задохнуться. В некоторых зарубежных городах с особо бурным автомобильным движением были уже случаи отравления на улицах.

Ученые единодушны: семимильный сапог нужен, но из него надо вырвать зловредный гвоздь. Отказаться от автомобиля человечество не в силах — очень уж полезное изобретение. Значит, нужно придумать другой двигатель. Вместо «грязного» поставить чистый, не загрязняющий воздух.

Каких только нет предложений! Вспоминают добрую старую паровую машину. Пусть она не так совершенна, зато ее дым почти безвреден. Построили солнечный автомобиль. На его крыше поставили элементы, которые превращают солнечный свет в электричество. Автомобиль тронулся в путь, но тут солнце зашло за тучу...

Инженеры вспомнили полузабытый электромобиль конца XIX века: воздух не загрязняет, ухода требует мало...

Ты видел, наверное, электрокары, которые развозят по вокзальным перронам багаж и почту. Ведь это же и есть маленькие электромобили! Ездят они, правда, медленно, им часто приходится подъезжать к розетке и заряжать аккумуляторы.

А настоящему большому электромобилю как быть? Каждые десять километров тоже останавливаться у розетки и «кормиться» электричеством? Так не годится. Да и скорость нужна побольше. Но для этого потребуется больше аккумуляторов. А они много весят. Электромобиль станет слишком тяжелым, не сможет разогнаться...

Какой-то заколдованный круг.

Чтобы разорвать его, предстоит большая работа. И она уже идет полным ходом. С каждым годом все легче становятся аккумуляторы, появляются новые источники тока. Мало-помалу прибавляют электромобили скорость, увеличивают дальность пробега.

Электрические машины уже сейчас могут пробежать по улицам больше ста километров, не подкармливаясь у розетки. Они могут развить скорость шестьдесят километров в час — больше в городе и не разрешается. Такие машины очень хороши для развозки почты, продуктов, белья из прачечных. Ездят они вдоль жилых домов, по улицам и дворам, не отравляют наш чистый воздух.

Те электромобили, которые ты можешь увидеть сегодня на городских улицах, — участники большого научного эксперимента. Цель его — чистота воздуха.

Не будем загадывать: вытеснят ли электромобили нынешние автомашины, будут ли они существовать бок о бок. Время покажет.

Но в том, что завтра на наших улицах воздух станет чище, чем сегодня, — в этом ты можешь не сомневаться.

Рисунки А. БОРИСОВА

ЛАГЕРЬ ПИОНЕРСКИЙ

Шел ноябрь 1924 года. В один из зимних вечеров в кабинете народного комиссара здравоохранения Николая Александровича Семашко долго горел свет. Только что он и его друг по работе и революционной борьбе Зиновий Петрович Соловьев вернулись с собрания московских комсомольцев и пионеров. Собрание было бурное и долгое. Выступления делегатов — короткие и деловые. Говорили о том, как участвовать в работе Общества Красного Креста. Зиновий Петрович, всегда спокойный и сдержанный, на этот раз ходил по кабинету возбужденный и взволнованный.

— Я смотрел в зал, на лица ребят. Это же мощные запасы живой силы пролетарской революции... Представляешь, ребята с энтузиазмом приняли предложение помогать обществу «Красный Крест» и организовать пионерскую «службу здоровья». Мои слова об открытии пионерского лагеря в Крыму они приняли на «ура».

Зиновий Петрович говорил о пионерском лагере Артеке, который был открыт летом 1925 года.

— При организации этого лагеря нам нужно проявить максимум чуткости и внимания к детям, — добавил народный комиссар. Этому учил нас Владимир Ильич...

Много лет прошло с того памятного разговора. Тебе сегодня, наш читатель, трудно даже представить себе, какими были первые пионерские лагеря. Простые шалаши, котел для каши, сколоченные из досок скамейки, керосиновые лампы... Брезентовые палатки считались роскошью.

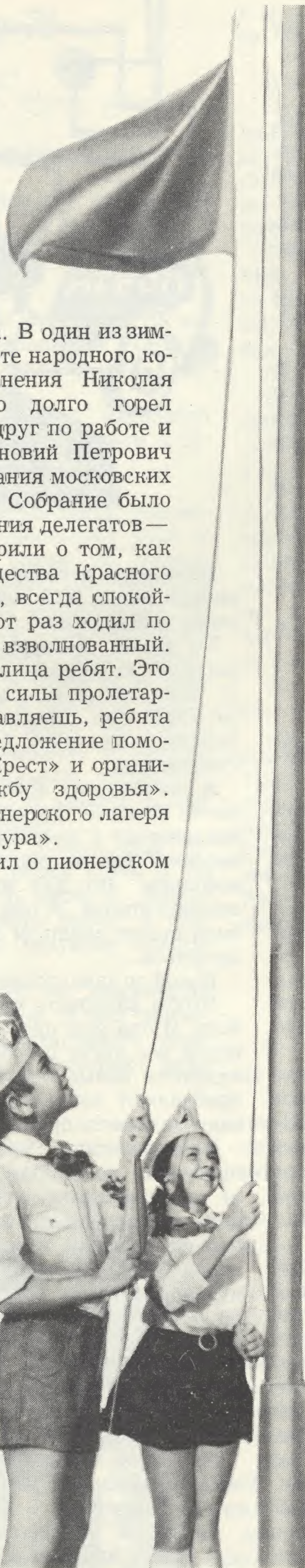
Но первые пионеры не унывали. Они жили весело и интересно. Помогали старшим, устраивали походы, встречались у костра с теми, кто устанавливал и защищал Советскую власть. И, конечно, мечтали. Мечтали о том, какими станут пионерские лагеря в будущем.

Мечта первых пионеров сбылась. Сегодня в нашей стране в самых живописных местах — на берегах рек, озер и морей раскинули свои владения пионерские республики. В нашей стране их 51 тысяча. Каждый год почти 11 миллионов ребят отдыхают в пионерских лагерях, и многие совершенно бесплатно. В прошлой пятилетке почти 50 миллионов ребят отдыхали по бесплатным путевкам.

Вдумайтесь в эти цифры. Партия, Родина заботятся о тебе и твоих друзьях. С каждым годом у нас все больше открывается лагерей труда и отдыха, лагерей для спортсменов, юных техников, натуралистов, для пионерского актива. В 1980 году в пионерских лагерях отдохнут 15 миллионов ребят — население целого государства! Ты, конечно, помнишь слова вождя Октября В. И. Ленина о том, что все лучшее должно быть предоставлено детям. И наш народ выполняет заветы Ильича.

Идет пионерское лето. Ты приехал в пионерский лагерь и стал его полноправным хозяином. Ты в ответе за все: и за интересную работу отряда и за сохранность всего, что так щедро дает вам страна.

Пионерский лагерь — твой родной дом. Береги его и украшай. Береги и все вокруг своего лагеря, чтобы ребята, отдыхающие после тебя, сказали тебе и твоим товарищам спасибо.



В нашей стране 51 тысяча пионерских лагерей, где ежегодно отдыхают почти 11 миллионов ребят. А в 1980 году в пионерских лагерях отдохнут 15 миллионов пионеров.

Дневник отряда «Звездочка»

Прошлым летом ребята из разных мест приехали на каникулы в деревню Захарково Московской области. Они быстро подружились и создали свой тимуровский отряд «Звездочка». Много помогала ребятам врач Валентина Ивановна Куприянова. Она тоже отдыхала в Захаркове. Валентина Ивановна посоветовала ребятам вести свой дневник. Вот записи только за август, а работала «Звездочка» все лето.

2 августа

Пошли в оранжерею за рассадой. День был солнечный и яркий. На шоссе было много машин, и мы пошли лугом, здесь летали бабочки. Потом — через лес, там хорошо пахло сосной. Рассаду привезли на велосипеде и посадили у памятника Павшим воинам. Вечером делали газету. Ира придумывала заголовок, Андрюша рисовал, Вера переписывала заметки.

4 августа

Решили ухаживать за кленовой аллеей, которая ведет к памятнику. Утром Тима объехал на велосипеде всех ребят, и через двадцать минут все собрались на сквере. Надо было окопать клены и вместо засохших деревьев посадить новые. Мимо ехали на велосипедах мальчики, и они тоже захотели нам помочь. Они стали таскать воду. С большим трудом пересадили один клен. Потом мы все вместе поехали купаться.

7 августа

Когда приехали на сквер, Ира уже пропалывала клумбу. Мы стали подстригать кусты около памятника. Скучали у магазина двое мальчишек, мы попросили их помочь. Показали им, как надо стричь кусты, они скоро научились. Хворост, который остался после обрезки, собрали. В конце лета устроим прощальный костер.

14 августа

Задумали провести велосипедные соревнования. Собрались на старте, вдруг услышали гудок машины, на которой по деревням развозят керосин. Побежали на дежурство. Брали у бабушек тяжелые канистры с керосином и подвозили их к домам на велосипедах. Все работали хорошо. Соревнование пришлось перенести на завтра.

25 августа

На велосипедах поехали купаться на Москву-реку. День был еще жарче, чем вчера, но у реки было прохладно. Хорошо, что накануне сделали санитарную сумку. Она очень пригодилась: Саша сильно порезал ногу, и пришлось оказать ему помощь.

Река в этом месте неширокая, и мы переплывали ее на скорость. Все показали хорошие результаты. Тима после заплыва весь посинел и дрожал, но двойная порция конфет его быстро согрела. Обратно девочки пошли по тропинке среди цветов, а мальчики — по берегу реки, выбирали место для рыбалки. Завтра прощальный костер, и надо наловить рыбы к ужину у костра. Марианна набрала красивый букет и, когда пришли в деревню, поставила его в банку с водой у памятника.

26 августа

Сегодня — костер. Рано утром наловили пескарей и плотвичек. Потом стали делать сцену. Приспособили старое колесо от тракторного прицепа, брошенное в поле. На него положили сбитые доски.

Рыбу пришлось сварить и съесть, потому что пойти пообедать домой времени не было. Тима нарезал хлеб огромными кусками, с ухой все быстро съели.

Со сквера на пустырь привезли три тележки хвороста. А когда ехали порожняком, в тележке катали кого-нибудь из ребят.

Праздник начали ровно в семь часов вечера. На концерте выступали все тимуровцы. Сережа рассказывал стихотворение «Одуванчик», на середине спутался, снял берет, почесал затылок, пытаясь вспомнить, и не вспомнил. Но ему все равно хлопали, потому что он еще маленький. С трех сторон подожгли наш хворост. Он тут же вспыхнул и быстро сгорел. От костра осталось немного золы. Мы собрали ее и подкормили утром клены на сквере.

Вот и все. Кончились каникулы. Хорошо бы опять собраться всем отрядом на будущее лето.

Тимуровцы отряда «Звездочка», дер. Захарково, Московской обл.

ЗАЧЕМ И ПОЧЕМУ

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ

«Из чего и когда образовались камни, и образуются ли они сейчас?»

Владимир Бобырев, г. Мурманск

Начнем с того, что камни бывают разные. Обломок гранитной или базальтовой скалы — это камень. Обломки известняков или песчаников — это тоже камни. Валуны, лежащие на полях или в руслах рек, — это тоже камни.

Если остроугольные каменные обломки падают со скал и попадают в горный поток или на берег моря, то вода перекатывает их, обтачивает, делает округлыми и превращает в гальку. Во время извержения вулкана из жерла летят куски вязкой лавы, обломки уже затвердевшей лавы или обломки взорванной части вулканической горы, и эти обломки — камни. Наконец, на Землю падают метеориты, и это тоже камни! Как видишь, камни имеют разное происхождение.

И сегодня реки и моря подмывают скалистые берега, обломки твердых горных пород падают со склонов, окатываются водой и движущимся льдом в ледниках и превращаются в валуны и в гальку. И сегодня извергаются вулканы, и падают метеориты, и каждый обломок твердой горной породы, окатанный или остроугольный, называется камнем.

Дно рек, озер и морей медленно покрывается слоем осадков, которые погружаются на большие глубины и очень медленно уплотняются, цементируются различными солями и за многие миллионы лет превращаются в твердые горные породы.

Земная кора не находится в покое. Те участки ее, которые очень давно были дном моря, стали горными хребтами, состоящими из известняков, песчаников, сланцев. При размыве реками, при обвалах эти горные породы тоже превращаются в груды обломков. Эти обломки вновь попадают в реки, окатываются, дробятся, переносятся в моря, становятся большими и мелкими гальками.

Я говорил о геологических процессах, но камни создает и человек. Многие тысячелетия он обжигает глину и выплавляет металлы из руд. На месте древних домен сейчас можно найти куски шлака, теперь это камни. Обломки древних кирпичных построек тоже камни. Сейчас на берегу моря или в руслах рек можно увидеть камни, созданные человеком.

В. И. МУРАВЬЕВ,
кандидат геолого-минералогических наук

«Почему по глазам человека можно узнать его настроение?»

Ира Рыжова, г. Омск

Настроение человека можно узнать по выражению его лица, по голосу, по походке... Но, конечно, красноречивее всего о том, что делается у человека на душе, говорят глаза. Недаром в нашем языке есть такие выражения, как «счастливые глаза», «гневный взор», «презрительный взгляд». Помните, у Пушкина: «Пирует Петр. И горд и ясен и славы полон взор его».

Загляните в глаза челове-

ку, который весел. Его глаза по-особому блестят. Вместе с настроением человека меняется то, что ученые называют «блеском глаз». От обиды в глазах появляются слезы, и они блестят по-иному.

«Выражение» глаз меняется и от ширины зрачков. Когда человек разгневан, зрачки сужаются, когда радуется, расширяются. Ученые даже по небольшим изменениям ширины зрачка пытаются определить, как напряженно работает человек, насколько он утомлен.

И блеск глаз и ширина зрачков не единственные проявления радости или гнева. Когда мы радуемся или сердимся, в организме происходят большие изменения: меняется химический состав крови, пульс и дыхание становятся более частыми или замедляются.

Наконец, об очень многом говорит движение глаз. Глаза могут беспокойно бегать, пристально смотреть, внимательно следить за движущимся предметом. Иногда вы удивляетесь, как учитель узнает, что вы не слушаете урок. Ведь вы все время смотрите на него! Специальные исследования показали, что «пустой» или «отсутствующий, невидящий» взор сопровождается другим движением глаз, чем внимательный, понимающий.

Глядя в глаза другого человека, мы видим все его лицо. Нахмуренные брови, приспущенные или поднятые веки, морщинки у глаз, горестно опущенные уголки губ или улыбка значительно дополняют то, что говорят глаза.

Ю. Б. ГИППЕНРЕЙТЕР,
профессор,
доктор психологических наук

«Когда появились фамилии, и кто их придумал?»
Ира Гладкова,
г. Горький

«Истомка Феофанов сын, прозвище Лабза. Федор Гвоздь Васильевич Туренин. Ивановская жена Федорова сына Поливанова вдова Ульяна Петрова дочь». Так добросовестные переписчики (или писчики, как их в старые времена называли) выполняли в середине XVII века указ царя «писать всех по именам с отцы и прозвищи», по имени, отчеству и фамилии, как сказали бы мы сейчас.

Переписи населения проводились еще в старину.

Царю подробно докладывали, сколько людей у него в отечестве, сколько солдат можно в ближайшее время призвать в армию, какие доходы получить от сельского хозяйства, лесного и горного дела.

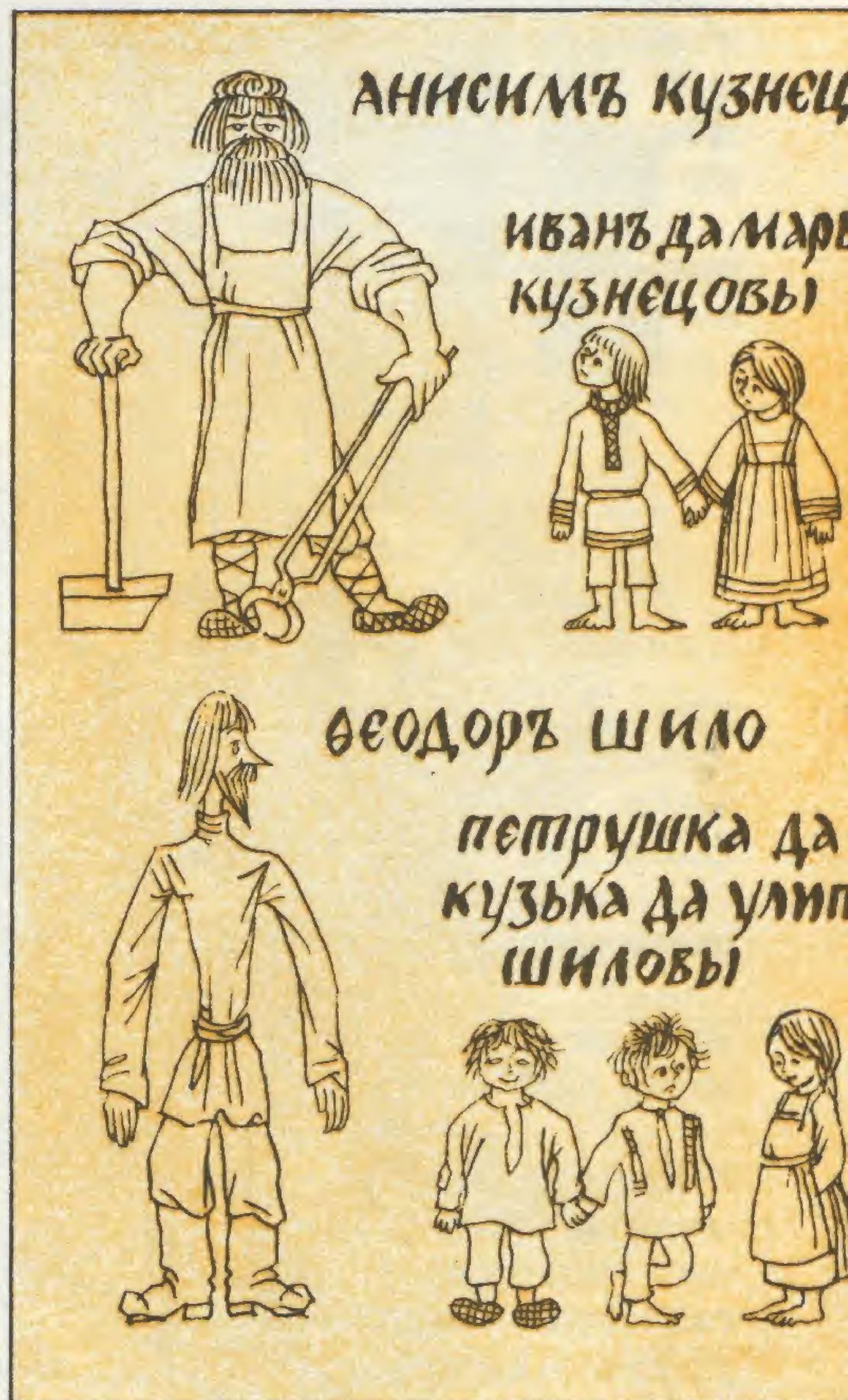
В те времена человека записывали так, как звали его окружающие. Одно и то же лицо могло выступать в одних документах как Кирюха Косой, в других — как Кирила Гавриков, в третьих — как Кирилка Кузнец. Так как в одной деревне все друг друга знали, никому объяснять не надо было, что Кирилл Гаврилов сын это и есть тот кузнец, которого некоторые зовут Кирюха, иные Кирилка, и что у него раскосые глаза.

Но такие длинные и неточные наименования были неудобны в деловой переписке. Поэтому постепенно вырабатывается единый стиль: Иван Иванов сын Смирнов, Наталья Андреева дочь Голикова. Официальные «полуотчества» типа Иванов сын вместо Иванович сохранились в документах до конца XIX века.

Фамилии возникали из всех добавочных имен и прозвищ, какие только мог иметь человек: сын Ивана — Иванов сын — Иванов, сын человека по прозвищу Шило — Шилов, сын выходца с Таманского полуострова — Таманцев, сын кузнеца — Кузнецов, потомок тверских князей (раньше город Калинин назывался Тверью) или потомок крепостных крестьян, которые когда-то принадлежали тверским князьям, — Тверской.

Большинство русских фамилий оканчивается на -ов (-ев), -ин, -ский, (-ской, -цкой). Однако есть небольшая группа фамилий, образованных от прозвищ в чистом виде, без суффиксов. Например, Бессмертный наряду с фамилией Бессмертнов, Тур наряду с Туров и Туровский, Фома наряду с Фомин и Фоминов.

А. В. СУПЕРАНСКАЯ,
доктор филологических наук



Борис КАМОВ

Сумка Гайдара

ПОВЕСТЬ-ПОИСК

Продолжение. Начало в № 5.

Рисунки С. ТРОФИМОВА

«Алена, мы закопали под шулою»

Афанасия Федоровна готовила завтрак, когда в хату вошла немолодая, но еще стройная женщина. Это была Елена Дмитриевна, вдова партизана Игната Федоровича Касича.

— Не помнишь,— спросила ее Афанасия Федоровна,— где Игнат с моим Андрианом ховали ружья, пули и маленький поповский сундучок с бумагами отряда? Ведь они все закопали возле вашего дома?

— Игнат позвал меня: «Идем, поглядишь». А я ревела вместе с тобой, заупрямилась. После Игнат сказал: «Алена, мы закопали по-пид шулою».

— Шулы,— повернулась ко мне Афанасия Федоровна,— по-вашему столбы. У нас когда строят сарай, то сперва вкапывают шулы.

— Значит, закопали в сарае? Он цел?

— Откуда?— ответила Елена Дмитриевна.— Крыша прохудилась, стены, как сито. Но стоит на том же месте.

Мы вышли с Еленой Дмитриевной на окраину деревни. Возле дома, который казался новым, стоял давно заброшенный сарай. Крыша его сгнила. Доски стенок истончились. Непоколебимо стояли только шулы — шесть глубоко врытых опорных столбов: четыре по краям и два посередине.

Сарай был совершенно пуст. Я обошел все углы и с нежностью погладил каждый столб. Я еще не знал, под которым из них склад; но оружие и сундучок находились у меня под ногами. Оставалось лишь попросить у Елены Дмитриевны лопату.

Вместо этого я спросил себя: «Ты надеешься здесь найти рукописи Гайдара?» Нет, на это я не надеялся. Зато я знал: в сундучке лежат комсомольские и партийные билеты. По ним можно уточнить список партизанского отряда, кроме того, в сундучке должны быть служебные бумаги, в которых, возможно, содержатся сведения о боевых действиях, подробности о засаде возле насыпи. Не исключено, что в объяснительной записке я прочту несколько слов и о судьбе сумки.

— А если от бумаг ничего не осталось?..

— Откопаю оружие. Под шулою должен быть ручной пулемет системы Дегтярева с диском-тарелкой на 49 винтовочных патронов. «Дегтярь» в отряде был один. И Гайдар на последнее задание пулемет не брал...

Я позвонил секретарю райкома, который обещал мне помочь в поиске.

Половинка железной тарелки

Помощь прибыла на другой день. В хату Степанцов постучал сержант лет двадцати, в новой шинели и зимней шапке. На плече у него висел миноискатель в необмятом чехле.

— Жора,— отрекомендовался сержант.

Возле сарая Касичей Жора молниеносно свинтил миноискатель.

— Откуда начнем?— деловито спросил сапер и щелкнул рычажком. В тот же миг глаза его округлились: — Послушайте!

Но я уже на расстоянии слышал ликующий вой наушников. Жора схватил лопату. Я тоже. После нескольких энергичных движений металл стукнулся о металл, и сапер выбросил к моим ногам изрядно проржавевший полоз от саней.

— Искать надо в сарае возле шул, — сказал я расстроенному Жоре.

Он тут же направился к первому столбу и сорвал наушники: гулкую пустоту сарая снова прорезал пронзительный звук, свидетельствующий о том, что в этом месте земля хранит металл.

Мы снова копали в четыре руки. Мерзлые комья летели в разные стороны. И вот у наших ног лежит чугунная плита.

К вечеру земляной пол был весь перепахан. Мы откопали груду крюков, скоб, сношенных подков. На месте сарая, видимо, когда-то стояла кузница.

— Не раскисай, Жорик, — сказал я на другой день. — Давай глянем на поле нашей деятельности с птичьего полета.

От стенок сарая не очень-то ровными рядами шли ямы. Они образовывали квадраты примерно одинаковой площади. Но что это? Квадрата возле среднего столба не получалось — только треугольник. У самого подножия стены недоставало контрольного шурфа.

— Жорик, — крикнул я, — склад нашелся!

Жорик нацепил наушники, опустил в яму щуп и радостно улыбнулся:

— На глубине слышу железо!

Но чем глубже мы проникали в землю, тем труднее становилось работать: стены шахты осыпались. Наконец маленькая саперная лопатка чиркнула по металлу. Я торопливо стал отгребать песок руками. Пальцы коснулись края ржавого диска.

— Пулемет Гайдара! — закричал я.

— Ну-ка, товарищ писатель, из ямы! — неожиданно сурово и строго приказал мне сапер.

— Жорик, да ты что?! Это ж не фугасная бомба, а нормальный «дегтярик».

— Из ямы! — снова скомандовал Жора и протянул мне руку.

Я понимал: сержант Астахов действует по инструкции, которая сейчас могущественней нашей с ним кладоискательной дружбы.

Я отошел и вскочил на колоду. Я видел: Жорик наклонялся и распрямлялся, выбрасывая песок горстями. Движения его сделались осторожнее... торопливее... Наконец он повернулся ко мне: «Возьмите». И протянул ржавую тарелку с прорезью. То был даже не диск, а только нижняя крышка от него... Понимая, что происходит катастрофа, я схватил миноискатель и опустил его в яму. Жорик нацепил наушники:

— Я больше ничего не слышу.

Мы уселись на колоду, и я думал: «Могла наша находка оказаться случайностью? Да, могла, если бы мы ее обнаружили на поверхности. Но мы отыскали тарелку между шул (место условленное!), извлекли ее с глубины полутора метров. Скорей всего склад был здесь и диск принадлежал пулемету, который мы надеялись откопать. Но сундучок, охапки винтовок и «дегтярик» кто-то забрал до нас. Кто?!. Командир? Он не успел, полицаи схватили его. Под пытками командир о складе ничего не сказал — иначе бы погибла семья Касича. Сам Касич и Андриан Степанец тоже не успели воспользоваться оружием. Кто же тогда?»

Возвращаясь в дом к Елене Дмитриевне Касич, мы встретили пожилую женщину. Она тяжело ковыляла на болезненно толстых ногах.

— Хлопчики, а чего вы здесь шукаете? — спросила она.

Я объяснил.

— Золотенькие вы мои, вы бы хоть до меня добигли. Вот же моя хата. Нашли ваши ружья, давно нашли!

— Кто?!

— Алена ж писля войны перестраивала сарайчик. Рабочие и наткнулись. Ружья увезли. А ящичек цей валялся. Паспорта в нем были с фотографиями, якись бумажки. Детишки думали: раз валяется, то это уже никому не нужно. И с этим сундучком играли...

Мы с Жориком остолбенели и, не сговариваясь, теперь уже побежали в дом Касича. Хозяйка месила тесто.

— Елена Дмитриевна, — спросил я, — вы знали, что рабочие откопали оружие и архив отряда?

Ее лицо и руки, перепачканные в муке, сделались одного цвета:

— Знала.

— Но мы ж работаем на ваших глазах. С утра до вечера.

— Когда рабочие нашли оружие и сундучок, — медленно произнесла женщина, — я подумала, никому это теперь не нужно. И людей тех давно уже нет... А когда вы приехали, я испугалась. А когда вы копать стали... я и вовсе оробела... Я глядела на вас через стекло и... плакала. Я вспоминала... и не было у меня сил сказать... — И она снова заплакала, закрыв лицо руками.

В каждом доме, под каждой крышей жила еще боль войны.

Доска с могилы А. П. Гайдара. Была установлена в 1944 году капитаном А. Ф. Башкировым.

Неожиданный гость

В Лепляве делать больше было нечего. Я решил обойти и объехать все деревни вокруг Леплявы, опросить тамошних старожилов. Вдруг кто-нибудь из них тоже знал Гайдара или располагает сведениями о его бумагах?

Нет, в этих селах Аркадия Петровича никогда не видели, сказать о его сумке ничего не могли. Но был один вопрос в наших беседах, который мне задавали в каждом доме: «Кто же все-таки предал отряд?»

С предательства начались главные беды: бой в лесу, отступление, решение командира «всем разделиться на группы и уйти в подполье».

...Я жил в Доме колхозника. Однажды, поздно вечером, раздался стук в дверь.

В комнату вошел мужчина лет тридцати во флотской фуражке и бушлате. Я видел ночного гостя впервые. Но могучая фигура, густые темные волосы, глубоко посаженные глаза, широкие губы и мягкий овал лица были мне хорошо знакомы. Откуда?

— Садитесь, — пригласил я.

— Знаете, вообще-то мне некогда, — ответил незнакомец. — Час назад я воротился из командировки. Маты сказала, что вы здесь. И завтра должны уехать. — Он вдруг встал. — Извините. Я не представился. Николай Ильяшенко.

Это был сын убитого комиссара партизанского отряда и родной брат разведчицы — Желтой Ленточки.

— Я давно хотел с вами познакомиться, — сказал Николай. — Помните, с чего начался бой у лесопилки? В партизанском лагере услышали, что немцы едут на машинах. Мой отец с Дороганом пошли на разведку. Отца убили первой же очередью. Дороган остался жив. Почему так получилось? Я думаю, отец узнал предателя и предатель поспешил убить отца. А теперь, если хотите, берите свои магнитофоны, я отвезу вас к одному типу. Он недавно вернулся из тюрьмы. И должен, по моим соображениям, знать, кто предал отряд и про убийство Гайдара тоже.

Встреча

Мы вышли во тьму. Николай взял меня за руку и повел за собой. Бледно засветилась фара старого мотоцикла «БМВ». Я сел на высокое седло.

— Держитесь за меня покрепче, — посоветовал Ильяшенко.

Минут через пятнадцать мотоцикл остановился. Фары высветили обыкновенную сонную хату.

Коля подошел к хате, громко ударил в дверь, и она тут же распахнулась, словно за ней стояли и ждали. Коля первым вошел в сени. Я последовал за ним. Мы очутились в большой душной комнате.

Каменный дом путевых обходчиков («казарма») на краю Леплявы.

— Это человек из Москвы, — сказал он хозяину. — Ты должен рассказать ему об отряде и все, что ты знаешь о Гайдаре.

— Хорошо, — согласился Известный Полицай, — только при нем, — и он показал мне на сына комиссара, — я рассказывать не буду.

В сенях лязгнул засов — это за Николаем закрылась дверь.

— Готовы? — спросил я, включая магнитофон.

Он заговорил, не дожидаясь моих вопросов.

— Я работал в нашем районе по заготовке скота, — начал он. — 18 сентября 1941 года район был захвачен противником. 21-го на площади райцентра состоялось собрание. Нам было объявлено, что создаются новые органы самоуправления. Назавтра я отправился в райуправу. В одной из комнат сидел знакомый. Знакомый говорит: «Иди служить в полицию». Я пошел и стал писарем.

Известный Полицай избегал подробностей. Он умолчал, почему остался в селе. Ни слова не сказал, почему с такой легкостью согласился на должность писаря. Ведь он не просто поменял работу — он поступил служить в немецкую полицию, которая начала с «наведения порядка». Однако и то, что он находил нужным мне сообщить, обличало его.

— Примерно 20 октября, — продолжал он, — районного старосту Костенко срочно вызвали в деревню Хоцки. На обратном пути по его приказу схватили подозрительного человека, который заявил, что он из лесу и готов раскрыть местонахождение партизанского отряда. Это был Александр Погорелов. Из Золотоноши за Погореловым прибыла автомашина с сотрудниками тайной полиции.

А дня через два возле села Леплява произо-

А. П. Гайдар. Последний снимок. Москва, август, 1941 год.

шел бой. Партизаны трое суток сражались с оккупантами. В этом бою героически погиб настоящий коммунист, комиссар отряда Ильяшенко.

Слова «комиссар отряда», «настоящий коммунист», «героическая борьба» легко слетали с его языка. Они должны были убедить меня, что Известный Полицай якобы всегда горячо сочувствовал этой борьбе. Но время от времени он проговаривался:

— Когда я выдавал оружие группе полицаев, то один из них взял у меня две гранаты и сказал: «Это гранаты против партизан». Я тогда его словам не придал значения (?!). А дня через три тот же полицай воротился с хутора Малинивщина и сказал, что им удалось арестовать командира партизанского отряда Горелова: «Только молчи. Никому не говори!» — предупредил меня он. При первом же случае я спросил районного старосту: «Чего будешь делать с Гореловым?» «Как чего? Сдадим его немцам».

Я дал выговориться бывшему полицаю и спросил о главном, ради чего приехал:

— Кто убил Гайдара?

— Не знаю.

— В октябре 1941-го вы уже работали в полиции.

— Ну и что? Мне не доверяли.

— Вы сами сказали, что скоро получили повышение.

— Не имею понятия, кто убил Гайдара.

— А кем и как была организована засада у насыпи в Лепляве?

— О том, что Гайдара убили в Лепляве, я узнал уже в исправительном лагере в Сибири. Мне попала в руки книжка Гайдара. И я прочел в предисловии.

Я чувствовал, что Известный Полицай знал гораздо больше, чем говорил. И между нами состоялся диалог, который я приведу слово в слово, как он записан на пленке. Здесь имеет значение каждая подробность.

Я. Вы прекрасно осведомлены о предательстве Погорелова, который сообщил немцам, где расположен партизанский отряд. Погорелов, по вашим словам, был задержан 20 октября.

ОН. Скорее даже 21-го.

Я. Допустим. Потом вы мне рассказывали, что выдавали оружие полицаям, которые участвовали в бою с партизанами у лесопильного завода. Бой произошел 22-го или 23 октября.

ОН. Совершенно точно. Я помню, что бой шел три дня. Немцы применили даже танк. (Насчет трех дней и танков он нарочно преувеличивал.)

Я. Вы рассказывали о том, как был схвачен командир отряда и когда это произошло.

ОН. Третьего листопада, то есть 3 ноября.

Я. Значит, вы в курсе событий, которые произошли с 20 октября по 3 ноября. А Гайдар погиб 26 октября... И вы об этом ничего не знаете?

ОН. Повторяю. Что Гайдара убили под Леплявой, я узнал, уже находясь в заключении.

Больше он ничего не сказал. Добиваться от него признаний я не имел права.

Первый итог

Что же дала для поиска встреча с Известным Полицаем?

Прежде всего было произнесено имя того, кто предал отряд. Его звали Александр Павлович Погорелов. Но имел ли я право верить Известному Полицаю? Имел, потому что я знал из других источников: Погорелов проявил трусость при выполнении боевого задания. (Свидетельство М. М. Ильяшенко — Желтой Ленточки.)

18 октября 1941 года Погорелов из отряда исчез. На его поиски была послана специальная группа. (Свидетельство И. С. Тютюнника, бывшего начальника штаба отряда.)

После боя у лесопильного завода стала очевидной связь между исчезновением Погорелова и налетом карателей. (Свидетельство А. Ф. Степанец.)

В конце декабря 1941 года Погорелов по-

явился в райцентре. Местным полицаям дезертир предъявил бумагу, что ему дозволено беспрепятственное передвижение до Харькова. (Свидетельство М. С. Станиславской, секретаря-машинистки райкома.)

Рассказ Известного Полицая был еще одним свидетельством.

Всего я встречался с Известным Полицаем шесть раз (последняя встреча состоялась в октябре 1977 года). И каждый раз он божился, что не имеет понятия, как и почему была организована засада на краю Леплявы, но однажды он проговорился (а магнитофон записал):

— У немцев был тщательно подготовленный план ликвидации партизанского отряда. Первый этап — завязать бой у лесопильного завода; второй этап — уничтожить мелкие группы.

...Долгое время считалось, что Гайдар и четверо его товарищей лишь по нелепой случайности наткнулись на немецкий обоз. Выходило, что Гайдар, опытный солдат и командир, погиб от рук обозников! Но свидетельство Известного Полицая, бывшего в стане врагов, подкрепляло мысль, к которой я давно склонялся. Я опросил триста старожилов, живущих в селах нынешней Черкасской области. Свыше тридцати из них помнили партизана Гайдара.

И на основе собранных за пятнадцать лет фактов я попытался воссоздать картину той трагической ночи.

Капкан

Ошибка

25 октября 1941 года во временном партизанском лагере под Прохоровкой было принято решение перебраться на новое место. На дорогу требовались продукты. В разгромленном лагере были запрятаны мешки с копченым мясом.

— Кто пойдет? — спросил командир отряда Горелов.

Вызвались пятеро. Среди них — Гайдар.

Тропа из Прохоровского леса вывела пятерых к железной дороге. За полотном начиналась Леплява. Деревню можно было обойти лесом справа и тропинкой вдоль болота — слева. Но партизанам до утра предстояло дойти до старого лагеря и вернуться. Обход удлинял путь. И пятеро двинулись напрямик: через насыпь мимо дощатой будки с инструментами и ручной дрезиной, мимо кирпичного дома путевого обходчика, именуемого в селе «казармой». И мимо хаты на самом краю деревни, где жил полицай.

В «казарму» Аркадий Петрович наведывался часто. Знал ли он о соседе-полицае? Полагаю, что знал. Но полицаи, опасаясь немедленного возмездия, не притесняли семьи партизан и делали вид, что не знают о существовании отряда.

Однако за трое суток после боя у лесопилки все изменилось. Отряд отступил. Предатели осмелели. Но партизаны этой мгновенно возникшей перемены не уловили.

Глазастый

Вечером того же дня леплявский полицай (назовем его Глазастый) ужинал в своей хате, которая стояла на самой окраине села. Пятнадцатого и двадцать пятого в райуправе полицаям выдавали немецкий паек. Приволок домой пакет в плотной бумаге и Глазастый, но ужин с консервами и зеленым сыром получился безрадостным. В управе состоялось совещание. И районный староста Костенко пригрозил: если не будут отловлены партизаны, отправит всех полицаев в Германию строить подземный завод.

Глазастый услышал шаги. К его дому кто-то шел. Немцы?.. Может, Костенко уже прислал за ним немцев?.. Полицай задул лампу и отогнул край одеяла, которым было занавешено окно. Глазастый увидел пятерых. Они были одеты в русские шинели и теплые ушанки.

«Наши... — с облегчением подумал он и тут же спохватился: — Яки ж «наши»? Це ж партизаны!» — и, раздетый, выбежал на двор.

Держась ближе к плетням, Глазастый двинулся за неизвестными. Автоматов и винтовок у них не было. Только пистолеты. Позвякивало ведро. И у каждого на плече висело по пустому солдатскому мешку. Пятеро шли из Прохоровского леса.

Глазастый вернулся в хату. Мысли в его голове проворачивались туго: «Мешки, пустое ведро. Ведро и пустые мешки... — повторял он. — Ежели им нужна вода, колодец рядом. Но воду в мешках не понесешь. Мешки, небось, тоже для пайка. Для еды то есть. Наберут еды и вернутся. Куда вернутся? В Прохоровский лес. Там у них, видно, теперь табор».

«Думы мои, думы...»

Гайдар с товарищами шел на задание. Во временном лагере под Прохоровкой оставалось прожить ровно сутки — до вечера двадцать шестого. От этой мысли Аркадий Петрович испы-

В бою у лесопильного завода.

тывал чувство радости и душевного облегчения, которые не посещали его давно.

Но избавление от одних забот рождало другие заботы. Лучше всего думалось на ходу. Принять решение следовало быстро. И Гайдар, возможно, поэтому позволил себе ненадолго отключиться.

На новом месте надо было создавать зимний лагерь, набирать людей, налаживать разведку, делать запасы оружия и переводить жизнь отряда на армейский лад: с жесткой дисциплиной, четким разделением обязанностей. А для этого требовалось новое руководство.

Прежнее состояло из трех человек: Горелов — командир, Ильяшенко — комиссар, Тютюнник, — начальник штаба. Ильяшенко погиб. Тютюнник, выполняя приказ, отступил с частью партизан к плавням. Установить с ним связь пока не удалось. Оставался один Горелов.

В мирное время Горелова все знали как умного и трудолюбивого работника. Образование было у него небольшое, но в хозяйственных вопросах он разбирался хорошо. Его хвалили, отмечали. Однако в военном деле Федор Дмитриевич мало понимал. Он был сугубо штатским человеком.

Когда Федору Дмитриевичу доложили, что оккупанты ищут партизанский лагерь и что отряду угрожает нешуточная опасность, он ответил:

— Нехай гитлеровец нас боится. Здесь мы на своей земле.

В отряд из окружения приходили десятки командиров, многие были участниками гражданской войны и войны в Испании. Но Горелов не допустил к руководству ни одного военного. Даже контрразведку он доверил своему довоенному сослуживцу, тоже человеку штатскому и несведущему, хотя среди партизан был старый чекист, полковник НКВД Александров. Он, и полковник Горшунов, и батальонный комиссар Бугаев, и многие другие военные числились рядовыми.

Лишь для Гайдара командир сделал исключение: уступил настоятельным просьбам Аркадия Петровича и позволил ему готовить и проводить диверсионные операции. Однако с Гайдаром, в опыт и умение которого Горелов поверил, он ни разу не советовался. Все общеотрядные вопросы Федор Дмитриевич решал единолично.

Поздно вечером около двух десятков партизан пришли в хату Степанцов.

Феня накормила всех ужином. И после еды Горелов заявил:

— Нужно разделиться на группы и уйти в подполье.

В хате сделалось так тихо, что стало слышно сонное дыхание детей на печке.

— Что значит «уйти в подполье»? — тихо спросил Гайдар. — А сейчас мы разве легальный партизанский отряд имени Гельмязевской райуправы?.. Да, нас теперь мало. Но, пока мы вместе, мы боевой отряд. А если разделимся, — мы беженцы с оружием. Нас по одному переловят.

— Аркадий Петрович, пойми... — начал Горелов.

— Нет! — ударил кулаком по столу Гайдар.

И все это «Нет!» поддержали. Отряд удалось сохранить. Больше того, общим голосованием Горелов в тот вечер был оставлен командиром. Партизанам предстояло решать много хозяйственных проблем: продукты, одежда, боеприпасы. И тут Федор Дмитриевич был незаменим. И в то же время было ясно, что с приходом на новое место в отряде, где все будет построено на армейский лад, потребуется и новое руководство.

Одна из трудностей заключалась в том, что связи с подпольным обкомом Горелов не имел. Назначить нового командира, комиссара и начальника штаба было некому. Оставалось, как это практиковали в гражданскую, выбирать.

Аркадий Петрович был старше всех партизан по возрасту, по давнему армейскому званию — командир отдельного полка. И не было ему равных по боевому опыту: он почти четыре года провел на гражданской войне. Вот почему, я думаю, что в большом партизанском соединении, которое предстояло создать, Гайдар уже не был бы рядовым...

Глазастый спешил к заброшенному зданию станции, вздрагивая от мысли: «Вдруг узнают партизаны...»

Убедившись, что поблизости никого нет, он проник в зал ожидания. Нашел дверь начальника станции. Пальцами нащупал замочную скважину, сунул в нее ключ, бочком пролез в каморку. Леплява была конечным пунктом Золотоношской ветки. Здесь еще действовал железнодорожный телефон.

...Глазастый крутанул ручку телефонного аппарата. Динамка взвыла, как сирена. Лицо предателя покрылось пóтом.

— Станция слушает... Слушает станция! — ответили ему.

— Райуправу мне, — произнес он.

Зеленоватые стрелки часов высвечивали без пяти минут десять.

Реальность фантастики

Семнадцать лет назад Аркадий Петрович простился с армией. Врачи не оставили ему ни малейшей надежды вернуться на военную службу. А он им не верил. Даже зимою Гайдар обливался ледяной водой. Делал гимнасти-

Полковник А. Д. Орлов в 1941 году. Снимок со служебного удостоверения, которое полковник пронес по вражеским тылам в сапоге.

ку по особой системе для командиров Красной Армии. Ел самую простую и здоровую пищу. Носил шинель, гимнастерку, сапоги. Читал книги по военному искусству и знал, что час его придет.

5 июля 1941 года в Москве Гайдар сидел в квартире своего друга Фраермана, который уезжал на фронт. Аркадий Петрович его спросил:

— Ты кем будешь в ополчении?

— Рядовым. А кем еще? — спросил Рувим Исаевич.

— А я, — ответил Гайдар, — могу быть командиром.

На передовой Аркадий Петрович старательно учился: наблюдал за деятельностью командиров, подымался с бойцами в атаку, ходил с разведчиками за «языком», прикрывал отступление товарищей. Его не страшил голод. Он мог несколько суток не спать. В минуту опасности голова его оставалась ясной. И главное: он не боялся взять на себя ответственность за жизнь других. И вот близился его новый командирский час.

Шагая в полутьме впереди товарищей и придерживая в кармане, чтоб не стукались, гранаты-лимонки, Гайдар пытался представить, как же сложится его дальнейшая военная судьба. И неожиданно для себя улыбнулся.

Ведь вот грустил, что не удалось переслать в Москву пакет. Оказалось, к лучшему. В лесах и селах полно окруженцев. В оврагах и рощах много брошенного оружия. Недели, а может, и дни остаются до осуществления его мечты — создать партизанскую армию. И тогда уже непременно понадобится направить через фронт людей для связи с Центром.

Москва станет присылать взрывчатку, боеприпасы, медикаменты, газеты, письма. И давать указания. В Москву можно будет отправлять добытые у фашистов документы, особо важных пленных, образцы нового трофейного оружия, раненых, письма. И рукописи. А их накопилось немало. Очерки и рассказы за подписью «Аркадий Гайдар» снова появятся на страницах «Комсомолки». Только теперь уже с пометкой «Н-ский партизанский отряд».

«Сегодня двадцать пятое, — подсчитывал Аркадий Петрович. — Прохоровский лагерь оставляем двадцать шестого. К первому ноября будем уже на новом месте...»

Переполох

В бывшем здании райисполкома двое дежурных полицаев играли старинными шахматами в поддавки. Один был худ, светловолос, лет тридцати. Другой — усат, солиден. Ему перевалило за сорок.

Играли на самогонку. Усатый видел, что проигрывает, искал возможности сжулить, когда зазвонил телефон.

— Нет пана Костенко, — ответил младший. — Вин спить.

Аппарат зазвонил снова.

— Ну, кто говорит? — не выдержал усатый. — Чего тебе не сидится в хате? Партизаны?! Чего ж ты, подлюга, молчишь? — И повернулся к младшему: — Бежи, хлопче, до Корнея Яковлевича.

Младший вышел на улицу. Сняв с плеча винтовку, двинулся по дороге. Костенко жил неблизко. Но самое страшное могло ждать полицая у хаты Корнея Яковлевича: вдруг это партизаны позвонили, что они в Лепляве, а сами уже здесь? Все же он постучал в толстый ставень.

— Кто там? — встревоженно спросил женский голос.

— Звиняйте. Корнея Яковлевича срочно до телефону. Партизаны! — добавил младший.

Женщина вскрикнула.

— Не здесь... В Лепляве.

Жена районного старосты помнила ту ночь, когда партизаны явились за Корнеем. Они не грубили, не рылись в вещах. Только один, с ручным пулеметом, наказал:

— Напомните вашему мужу, чтобы не забывал, по чьей земле пока еще ходит.

— Ступай в управу. Он скоро будет, — сказала женщина младшему.

Староста в своей хате не ночевал. Он не доверял полицаям, и у него было три тайных убежища. В каком из них он был сегодня, знала только его жена.

Женщина добежала до покинутого сарая, условно постучала. Староста тут же отпер дверь. Был он в шапке, сапогах, в полушубке, наброшенном на плечи. В руках держал автомат ППШ с магазином, который вмещал 81 патрон. На поясе у него висели: парабеллум, финка в ножнах, запасные диски к автомату и холщовые мешочки с гранатами. В та-

ком «наряде» отдыхал «полноправный» хозяин района пан Костенко.

Райисполкомовские часы пробили без четверти двенадцать, когда появился Корней Яковлевич.

Его соединили с Глазастым. Доклад полицая старосту не убедил. Он кинул трубку и толкнул дверь в свой кабинет. Но Глазастому терять было нечего: он уже представил себя работающим на подземном заводе и снова позвонил.

— Высокого я узнал. Он приходил в казарму с ручником. Корреспондент! — кричал он в трубку.

Сообщение «зацепило». Костенко трубку не бросил. О партизане с ручником говорила ему жена: это он, высокий, с пулеметом приходил арестовывать районного старосту. А про корреспондента дезертир Сашка Погорелов также рассказывал: недавно этот корреспондент-письменник переоделся в эсэсмана, остановил на шоссе «оппель» и в упор расстрелял из автомата коменданта города Переяслав-Хмельницкого. Это убийство наделало шума в немецких кругах.

— Будь возле телефона, — произнес Костенко.

Новость следовало продать подороже, то есть сразу доложить в гестапо. Но Костенко не говорил по-немецки, а переводчика в управе не было. Пришлось звонить в Золотоношское полицейское управление.

В Золотоноше дежурный, выслушав Костенко, сказал:

— Не клади трубочку.

Гестапо находилось по соседству, дежурный нашел переводчика, и они вместе пошли к офицеру гестапо. Сообщение было важное. Но гестаповец не любил рисковать собой. Он предпочитал заниматься русскими партизанами, арестованными и доставленными к нему в кабинет. Гестаповец ответил:

— Ловить партизан в лесу — это дело армии, а не тайной полиции, — но был настолько любезен, что сам позвонил в штаб гарнизона.

В штабе дежурил совсем юный лейтенант.

— Благодарю, — ответил он. — Немедленно доложу майору.

Майор, начальник гарнизона, в этот вечер был занят. В ресторане на улице Шевченко шел банкет: отмечали полученные днем награды, первые за русскую кампанию. Лейтенант позвонил в ресторан. Телефон в кабинете директора не отвечал.

Тем временем пятеро партизан, из-за которых начался телефонный переполох, постучали в хату Степанцов. Феня их усадила за стол. И пока они ели горячий борщ и тушеную картошку, она сообщила нехитрые новости: последние два дня в округе спокойно.

Феня предложила гостям остаться ночевать. Но партизаны отказались. И ушли в ночь.

Прерванное торжество

Старательный немецкий лейтенант отправил в ресторан связного с письменным донесением, но швейцар его не впустил. Однако расторопный шофер из штаба погрозил швейцару и втолкнул посыльного в кухню. Там солдата мгновенно приметил официант, тайный приятель офицера из гестапо. Он шепнул майору, что к нему посыльный.

Майор вышел к связному. На кармане офицера поблескивал бронзовый крестик, полученный сегодня. В записке майор выхватил взглядом фразу: «В Лепляве обнаружены партизаны».

...Районный староста Костенко не смог ничего толком объяснить майору. Офицер рассердился: этот болван испортил праздник. И он потребовал соединить его с секретным сотрудником.

Глазастый замерзал у телефона. И когда в трубке раздался голос переводчика, полицай связно поведал о пятерых с мешками и ведром и о том, что один из них письменник.

Майор оценил сообщение: сообщение осведомителя могло обернуться для него, начальника гарнизона, железным крестом, высокой наградой фюрера. И майор велел переводчику записать на листке фамилию этого смышленого осведомителя.

Как получить железный крест?

Судьба посылала майору величайшую удачу. Допустим, эти пятеро — партизанские интенданты. Сколько же тогда партизан в лесу? Но как это узнать? Велеть осведомителю проследить за ними? Нет, завалит. Приказать районному старосте? Еще хуже... Оставалось посадить

Семья Степанцов: Афанасия Федоровна и Андриан Алексеевич с детьми Колей (слева) и Витей. 1938 год.

солдат на грузовики и устроить засаду самому.

Майор отдернул штору и обнажил подробнейшую карту. Он легко нашел Лепляву, железнодорожную насыпь и будку. До Леплявы сорок пять километров. Дороги плохие. Даже днем грузовики ползут не быстрее двадцати километров в час. Ночью — в лучшем случае пятнадцать. Три часа чистого пути. Тридцать минут на сборы. Тридцать — на непредвиденное. Уже четыре часа. К самой деревне подъехать нельзя: партизан спугнет рев моторов. Придется выгружаться километров за пять до деревни — еще минут сорок. Сейчас без десяти полночь, значит, у будки возле насыпи грузовики окажутся не раньше половины пятого.

Майор взял второй листок: осведомитель донес, что партизаны появились у насыпи в двадцать один час. Если они взяли еду у крестьян, они уже давно вернулись.

А если пошли в старый лагерь? По Лепляве идти полтора километра, от Леплявы до разгромленного лагеря — восемь. В оба конца — девятнадцать. При средней скорости пять километров — четыре часа. Час на непредвиденное. Час на отдых. Итого шесть часов.

Если они появились в Лепляве в девять вечера, то, возвращаясь, на тропе будут в три утра. Предположим, идти будут с грузом и обратная дорога займет у них лишний час. Значит, подойдут в четыре. Все срывалось!

Майор заметался по кабинету. Мельком взглянул на карту. Настольная лампа чуть высветила сделанный карандашом кружок. Деревушку с церковью. «Рота! В Хоцках жандармская рота!» Как могло вылететь из головы!

Майор взял циркуль. От Хоцек до Леплявы мимо разгромленного лагеря партизан — шестнадцать километров. На всякие лесные зигзаги — еще два. Полевая жандармерия — это не трусоватые полицаи. Жандармы — асы облав и засад. Если не поленятся, через три часа они окажутся у тропы на Прохоровку.

Он бросил циркуль. Черт побери! Последним приказом рота была передана гарнизону Переяслава.

...Майору ответил низкий, вежливо-раздраженный голос полковника, нового коменданта в Переяславе. Однако майор толково, четко обрисовал обстановку.

— Герр майор, с Хоцками у меня связи нет, — сказал полковник. — Обрыв проводов. Попытайтесь дозвониться по русской связи. Передаю роту на сутки в ваше распоряжение.

«Телефонный мост»

Часы показывали десять минут первого. Если бы в Хоцках действовал телефон, то жандармская рота сейчас уже строилась бы. Майор приказал переводчику:

— Дозвонитесь до Хоцек.

«Русская», то есть местная, связь не была автоматической, шла через подстанции. Чтобы вызвать Хоцки, нужно было сперва дозвониться до Песчаного, потом в Гельмязево. Из Гельмязева — на Подставки. Из Подставок — в Каленики, и только после этого можно было соединиться с Хоцками.

Мост связи Золотоноша — Хоцки выстраивался с трудом. Долго не отвечало Песчаное... Еще дольше молчали Хоцки... Телефон заливался в бывшей конторе МТС, где сонный сторож решал, брать или не брать трубку.

Мешки на деревьях

Отсутствие связи между Переяславом и Хоцками, длительное сооружение «телефонного моста» и даже бестолковость бывшего сторожа играли на руку партизанам. Ни Гайдар, ни лейтенанты-саперы Абрамов и Скрыпник, ни полковник НКВД Александров, ни секретарь Сквирского райкома партии Никитченко не знали, что они обнаружены, маршрут их разгадан и время их вторичного предполагаемого появления возле будки обходчика высчитано с точностью до получаса.

В разгромленном лагере партизаны немного передохнули. Потом Гайдар с Абрамовым прошли к погребку неподалеку от кухни. Разорение было полное.

К счастью, на этот склад особо не рассчитывали, потому что имелся второй. Как раз за неделю до боя в отряд сообщили, что в селе Каленики свиноферма еще не разорена фашистами. И Аркадий Петрович предложил вывезти свиней на... машине.

— Но ведь на грузовике тропками не проедешь, — засомневались товарищи. — По дороге нас обнаружат.

— Кому же в голову придет, что партизаны разъезжают по селам на машине? — усмехнулся Гайдар.

Подготовили полуторку. За руль сел Игнат Касич. Несколько человек разместились в кузове. Автоматы и винтовки положили в сене у ног.

Грузовик неторопливо проехал через центр. Партизан сочли за полицаев, и машина благополучно достигла Каленик.

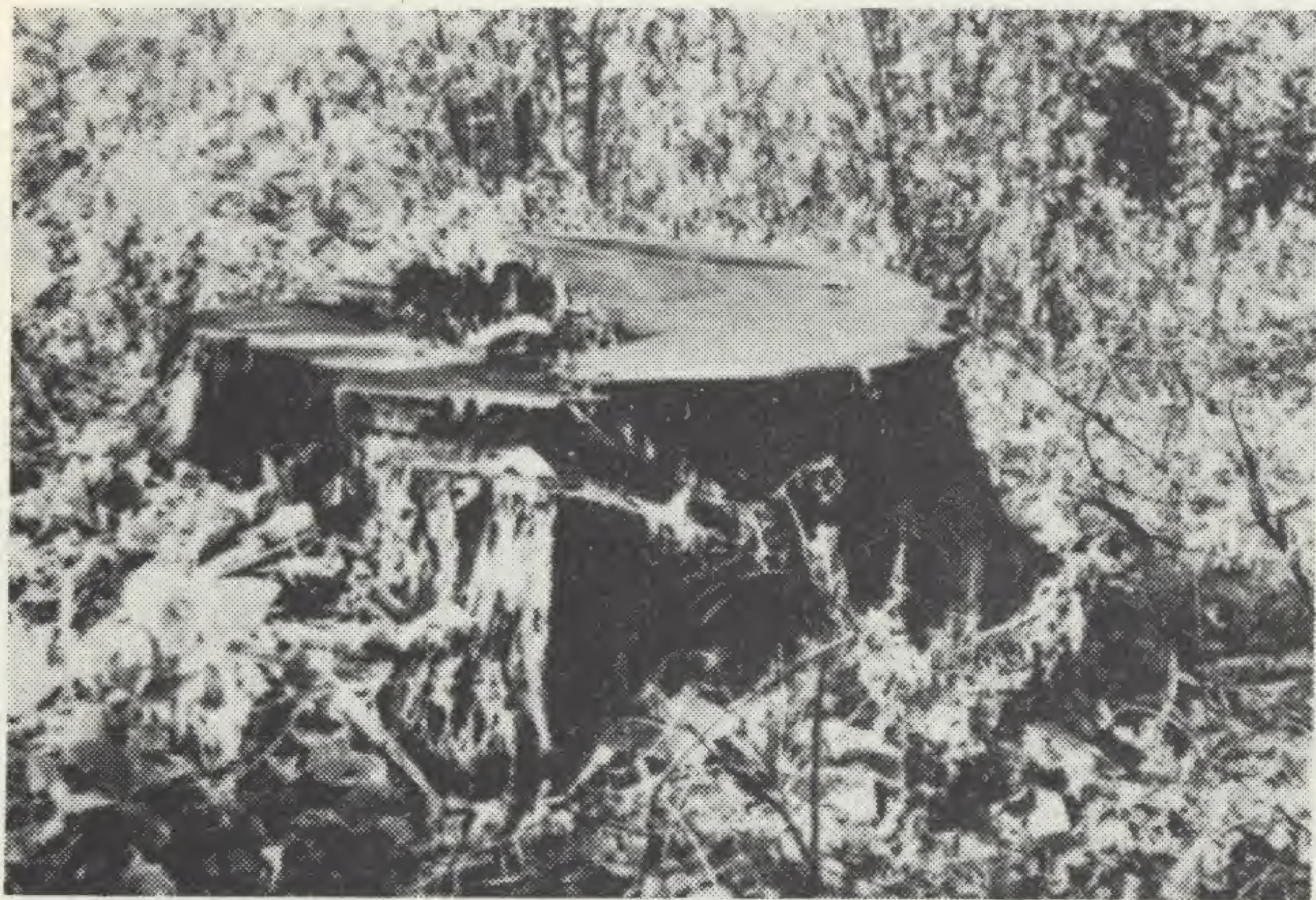
Ферма стояла на отшибе. Обезвредили охранника. И тут операция чуть не провалилась: живьем свиней не повезешь, резать тоже нельзя — подымут визг.

— Надо было, друзья, — сказал Гайдар, — читать повесть Пушкина «Дубровский».

Аркадий Петрович приставил пистолет к уху ближайшей свиньи. Раздался негромкий выстрел. Вскоре тяжело груженная машина отправилась в обратный путь.

Целую ночь после поездки в Каленики в лагере коптили мясо, солили сало и подвешивали в мешках на деревьях.

В ведре вскипел чай.
Это был последний ужин в старом партизанском лагере.



Пень в старом партизанском лагере, на котором любил работать А. П. Гайдар.

За этими-то мешками теперь и пришли пятеро.

Некоторые мешки Аркадий Петрович подвешивал сам. Гайдар отправился искать «свои» деревья, попросив товарищей развести костры. Полицаев и немцев партизаны не опасались. Они полагали, что противник далеко...

Яркие костры ускорили поиски мешков. Не сразу, но все же удалось разглядеть три мешка. Абрамов и Скрыпник, самые молодые, взобрались на деревья и перерезали веревки. Мешки грузно ударились о землю. Их содержимое переложили в заплечные «сидоры». Тем временем в ведре вскипел чай. Торопливо поев ветчины и сала (без хлеба, без картошки) и наспех, по кругу, запив еду кипятком из ведра, партизаны выплеснули остаток чая на землю, заполнили мясом освободившееся ведро, помогли друг другу поудобнее надеть мешки. Погасив костры, с облегчением двинулись в обратный путь: через три часа они будут на месте.

Цепь замкнулась

Двадцатилетний обер-лейтенант безмятежно спал в избе. Его разбудил денщик.

— Что?! — испуганно спросил офицер.

С улицы через двойные рамы доносился занудливый голос. Он напевал одну и ту же бессмысленную фразу:

— Ахвицер, аллё... Ахвицер, аллё...

Обер-лейтенант кинулся к переносному аппарату в кожаном футляре, торопливо покрутив ручку, поднес трубку — мембрана не издала ни звука.

— Приведи, — велел офицер.

Денщик втолкнул старика.

— Гражданин ахвицер... телехвон... В конторе...

Вызов в контору обер-лейтенант мгновенно связал с молчанием полевого аппарата. И, на ходу застегивая пояс с кобурой, кинулся к дверям.

Цепь замкнулась.

Марафон

Покидая лагерь, Гайдар взглянул на часы — ровно два часа ночи. Леплявы они достигнут не раньше четырех. Главное, чтобы их не заметили в селе.

Еще он подумал: несмотря на бессонную ночь, нужно продержаться сутки самому и помочь продержаться товарищам. И главным теперь было: сегодня же вечером покинуть временную стоянку под Прохоровкой.

Всегда, если предстояло трудное, Гайдар делил работу или путь на «порции». Он научился этому, когда служил в Сибири. Сибирские просторы необъятны. Отправляясь с отрядом на задание, Гайдар отмечал сам для себя: «Когда мы поравняемся вон с той голой сопкой, — это будет половина пути».

Вот и теперь, расправив лямки тяжелого мешка, он решил: «Первый большой привал у насыпи в Лепляве».

Обер-лейтенант, командир роты полевой жандармерии, вышел из конторы. Прибыть с солдатами через два с половиной часа к насыпи он не мог. А именно этого требовал майор. Постучав в дом, где квартировал его заместитель, офицер объявил тревогу...

Через десять минут на площади в походном облачении стояли солдаты. Сорок человек. Второй взвод находился в Комаровке, сейчас его невозможно было вызвать.

Подводы появились спустя четверть часа. Обер-лейтенант посмотрел на часы: без десяти два. В телеги погрузили пулеметы, коробки с лентами, ящики с гранатами, и обер-лейтенант сказал солдатам:

— Дорога здесь одна. Половина из вас поедет, половина побежит следом. Потом поменяетесь.

На каждой подводе уселось четверо. Командир сел на первую, крикнул пожилому возчику с покалеченной рукой:

— Леплява! Леплява!

Так начался этот марафон. Партизаны шли цепочкой по тропе, жандармы ехали параллельным проселком, который пролегал всего в двухстах — трехстах метрах от этой тропы. Партизанам предстояло одолеть около десяти верст. Жандармам — семнадцать с половиной, но они ведь ехали на подводах. Взвод солдат и пятерка партизан торопились к одному и тому же месту: к узенькой стежке, которая вела с окраины Леплявы в Прохоровский лес.

Из лагеря партизаны вышли бодро, но скоро почувствовали, что быстро идти не могут. Они очень устали. Их клонило в сон. Сделали два коротких привала. Уже неподалеку от Леплявы пятеро услышали, как по лесной дороге из Хоцек, стуча железными ободьями о корни, тороп-

ливо промчался обоз. Партизаны не имели понятия, что участвуют в марафоне и что удаляющийся стук колес означает одно: в этом состязании уже определился лидер.

Деревья стали редеть. Телега, в которой сидел обер-лейтенант, остановилась.

— Леплява, — сказал возчик и ткнул кнутом перед собой. — Куды ехать? В контору чи на станцию?

Офицер вынул карту и ногтем показал линию железной дороги с темным квадратиком будки на полотне.

— К казарме, значит, — догадался возчик и повернул влево, в объезд деревни.

Выбор

Партизаны достигли той же окраины минут через двадцать. Тропа, которой они шли, и лесная дорога из Хоцек здесь сходились совсем близко.

Гайдар и его товарищи, ничего не подозревая, остановились. Как быть: обойти ли им Лепляву справа, вдоль болота, или слева, вдоль посадок, которые заканчивались у самой казармы?.. Но обход слева и справа удлинял путь. Выбрали самый короткий маршрут — главной улицей.

...Глазастый устроился поудобнее, чтобы видно было насыпь, казарму, дорогу через Лепляву, по которой он ждал партизан, и дорогу справа, откуда могли появиться немцы.

Глазастого била дрожь. Переводчик передал приказ майора: если пятеро появятся раньше солдат, идти за ними следом.

В отдалении остановились подводы. Глазастый прислушался. И различил крадущиеся шаги. Трое или четверо приближались с той стороны, откуда Глазастый ждал немцев. Но немцев должно быть больше. Значит, партизаны.

Глазастого охватил ужас. И тут он различил каски. Предатель, ошалело улыбаясь, двинулся навстречу им. Но пять автоматов системы «шмайссер» нацелились ему прямо в живот.

Если бы не приказ: «Только живьем!» — пять автоматов прострочили бы Глазастого. Фашисты — тоже со страху — приняли полицая за партизана. Глазастый выкрикнул единственное немецкое слово, которое знал: «Я нихт партизан!»

Цепь замкнулась во второй раз.

Схватив с телег пулеметы и коробки с лентами, солдаты полевой жандармерии неслышно перевалили через насыпь.

Один пулемет был установлен в кустах, слева от тропы на Прохоровку. Отсюда простреливалась будка путевого обходчика. Гитлеровцы замаскировались. Замерли. Солдаты опередили партизан максимум на пятнадцать минут.

Партизаны торопливо прошли мимо хаты Степанцов. Возле огороженной штакетником сельрады повернули налево. Размытая тележными колесами дорога вела к «казарме». Если бы они и сегодня пошли тем же путем, то заметили бы подводы. Но усталость вынуждала искать более короткий путь. И пятеро, не дойдя до «казармы», свернули на огороды.

Сердце Гайдара

Приказ гитлеровского майора гласил: «Брать только живьем! Нужны «языки», а не трупы!»

Жандармская рота, затаясь возле тропы, ждала, когда партизаны появятся на полотне железной дороги, а затем углубятся в лес. И уже тут, в лесу, жандармам надлежало без единого выстрела русских схватить, допросить и выяснить, где расположен новый партизанский лагерь.

Из осторожности майор умолчал в телефонном разговоре, что к семи утра сам прибудет

Под этой сосной притаился фашистский пулеметчик.

в Лепляву с подкреплением. И начнет без задержки вторую часть операции «Капкан» — окончательное уничтожение партизанского отряда.

Прячась под деревьями, солдаты не спускали глаз с высокой насыпи, а партизаны появились с другой стороны — они шли между кустарником и насыпью. Это насторожило обер-лейтенанта. Пулеметчик развернул пулемет. А пятеро, не дойдя до тропы, подались вправо. «Хотят идти напрямик, лесом?» — испугался офицер. Но пятеро остановились, кинули к подножию сосен тяжелые мешки и начали устраиваться на мерзлой земле.

«Отдыхают? Ждут других?» — нервничал лейтенант. А пятеро наслаждались покоем. Оставался последний бросок. В этой части села редко кто появлялся. Можно было не спешить.

Внезапно Гайдар встал. Решил идти к обходчику Сорокопуду за картошкой. Он знал, что мясо и сало теперь есть. Хлеб в лагере еще оставался. А картошки нет. В лесу достать ее негде. А Сорокопуд рядом.

Гайдар пошел один. Он видел: партизаны умаялись, и не хотел прерывать их короткий отдых.

Офицер наблюдал: высокий вывалил из ведра мясо и неторопливо направился с ведром к насыпи.

«К колодцу? — прикидывал офицер. — Тогда он принесет воды, они напьются и выйдут к тропе. Небольшая задержка... — И вдруг спохватился: — Подводы! Забыл отогнать подводы. Если высокий их заметит — засада сорвалась».

Но случилось непредвиденное. Когда Аркадий Петрович поднялся на гребень насыпи, пулеметчик, ведя за ним ствол пулемета, задел прикладом запасной магазин. Железо звякнуло о железо.

Гайдар обернулся.

Офицер вдавил пальцы в плечо пулеметчика, чтобы тот с испугу не выстрелил. Он надеялся: вдруг русский их не заметит? Или притворится, что не заметил. Тогда он, офицер вермахта, дал бы высокому уйти за полотно и занялся остальными.

Аркадий Петрович сразу понял, что означает внезапный звук: засада! Мысль заработала с невиданной быстротой. Отсчет времени пошел на доли секунды.

Гитлеровцы сразу не открыли огня: они хотят схватить партизан живьем. Фашисты поняли: обнаружив себя, они обрекли операцию на провал. Значит, они готовы исправить оплошность любой ценой. И ждут, как поступит он.

Еще не поздно перемахнуть через насыпь. Шанс уйти невелик. В двадцати — тридцати метрах, да еще на возвышении, он до обидного отличная мишень. И все-таки шанс этот есть. Есть!.. Но прыгнуть в сторону, умело уйти от наведенных на него стволов — значило предать друзей... И Гайдар принимает единственное возможное для него решение.

— Ребята, немцы! — крикнул он.

Пулеметчик дожал гашетку. Тугая очередь разорвала воздух. Пуля попала Гайдару прямо в сердце.

Мародеры

Не успела смолкнуть пулеметная очередь, как возле тропы взметнулись взрывы гранат, брошенных теми четверыми. Офицер и солдаты прижались к земле. Когда грохот смолк, четверых русских под соснами не оказалось. Операция «Капкан» провалилась. Допрашивать было некого. Местонахождение партизанского отряда осталось неизвестным.

...После стрельбы из казармы вышел путевой обходчик Игнат Сорокопуд, тот самый, к которому направлялся Гайдар.

— Ком! Ком! — поманил его долговязый солдат. И добавил по-русски: — Человек. Хоронить.

Убитый лежал под насыпью лицом вниз. На спине его темнело пятно: пуля прошла навылет. Шапка свалилась и лежала рядом. Ветер шевелил светлые, давно не стриженные волосы. Партизан показался обходчику знакомым, но Сорокопуд притворился, что случившееся его не интересует и он озабочен только тем, где копать могилу. На самом же деле обходчик не спускал глаз с оккупантов и видел: пулеметчик извлек из шинели убитого парабеллум, гранаты, а из кармана гимнастерки — две сафьяновые книжечки. Но тут офицер остро глянул в сторону Сорокопуда. Обходчик испуганно приналег на лопату. А когда Сорокопуд снова посмотрел, что происходит возле насыпи, то увидел, что солдат протягивает обер-лейтенанту орден.

Орден был овальный, массивный, с выпуклыми фигурками рабочего и крестьянки, которые несли над головой серп и молот.

Офицер с неудовольствием заметил, что справа рубиновая эмаль отбита, а серебро примято — след пули.

Офицер подбросил орден на ладони и опустил его в карман.

Уже много лет не дает мне покоя одна мысль: что, если бывший обер-лейтенант жив?.. Что, если где-то в Западной Германии, в его особняке, в шкатулке для безделушек, до сих пор лежит орден «Знак Почета» с помятым пулей ободком и поврежденной эмалью? Орден, известный по миллионам фотографий Гайдара за № 6844?

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Леонид ЯХНИН

* * *

Я хотел бы непременно
Всюду быть одновременно,
Все успеть и все узнать,
Все попробовать руками
И глазами
Увидать.

Высоко под облаками
Посидеть бы с чабанами
И в накинутой на плечи
Бурке, черной, как гора,
Есть соленый сыр овечий
У чабанского костра.

И среди камней в ущелье
В щель протиснуться с трудом,
Сделать шаг — и ты в пещере
Под высоким потолком,
Скрытым в сумраке сыром.

И на Волге или Каме
С рыбаками в лодку сесть,
Плыть бы между берегами
И вытягивать рывками
Из воды тугую сеть.

Принести бы в сад весенний
Нежных саженцев сирени.
Острие лопаты влажной
В землю хрусткую вогнать,
Сняв с корней мешок бумажный,
В ямку дерево сажать.

И в костюме водолаза
Окунуться в воду разом.
Над ребристыми песками
Плыть с цепочкой пузырей
И ощупывать руками
Днища старых кораблей.

С кузнецом стоять у горна,
Раздувать огонь упорно,
Бить по гулкой наковальне,
Плющить молотом металл,
Чтобы лес молчащий дальний
Долгим эхом отвечал.

Я хотел бы непременно
Всюду быть ОДНОВРЕМЕННО.

* * *

Как о ночи расскажу?
Из чего ее сложу?

Из домов неосвещенных,
Из теней густых и черных.

Из лиловых облаков,
Из крадущихся котов.

Из гудков, летящих где-то
Над вокзалом вдалеке.
Из веселой струйки света
От фонарика в руке.

Весна

Последний тоненький ледок
Хрустит под каблуком,
И первый тоненький листок,
Свернувшийся кульком,
Дождинку, капельку, глоток
Хранит на дне своем.

Муравей

Я шел в лесу,
Кричал я: — Эй!
Уйди с дороги, муравей!
Не видишь разве, я сильней.
Вот захочу и наступлю
И вмиг в лепешку раздавлю!

Но вдруг шуршанье раздалось,
И на дорогу вышел лось.
Вот надо мной его рога
И рядом крепкая нога.
От страха сжался я в комок —
Ведь он убить рогами мог,
Проткнуть меня насквозь!
Но повернулся лось,
Суровый и молчащий,
И тут же скрылся в чаще.

Иду дорогою своей,
Лесной тропинкой длинной,
Меня не бойся, муравей,
Хоть я большой и сильный,
Я подожду, беги скорей
Тропинкой муравьиной.

Лев УСПЕНСКИЙ

ВТОРОЙ РАЗ ОБ «И» КРАТКОМ

В самой первой из наших бесед я довольно много рассказал вам об этой интересной букве.

Если помните, получилось, что она служит у нас письменным знаком для звука «йот», имеющегося во многих языках и Европы и остального мира. В ряде языков, которые изучают в наших школах, звуку этому соответствует особая буква. Пишется она так: «j», а называется и произносится в разных языках по-разному.

Немцы, например, так и зовут ее «ЙОТ», а выговаривают похоже на наше «Й» перед гласным (сам звук «йот» — согласный звук). Ну, скажем: «Jagt» — «охота» — для нас звучит как «ЯГТ» или как «ЙАГТ» (это все равно). Французы ту же букву именуют «ЖЭ», а произносят, как наше «Ж». «Иван» по-французски будет «Jan» (то есть «Жан»).

Из этого мы сделали вывод, что наша буква «Я» означает, собственно, не ЗВУК, а сразу ДВА ЗВУКА: «й + а», или, как точнее говорят ученые мужи, «а» ЙОТИРОВАННОЕ. Я привел в той беседе несколько соображений, подкрепляющих сказанное, и оставил за собой право «кое-что добавить к ним».

Вот теперь и добавляю.

Наше «Й» отнюдь не всегда изображает на бумаге звук «йот». В очень солидных книгах вы можете встретить даже резкие возражения против этого: «В русском языке «Й» обозначает **неслоговой гласный**, а отнюдь не среднеязычный согласный, с которым его часто **неточно** сопоставляют».

Видите, как строго? «Неточно», да еще и «отнюдь»! Может быть, мне следует, покраснев и потупясь, пробормотать: «Простите... Ошибся!»

Не думаю. Очень крупные ученые считали и считают наше «й» среднеязычным согласным. Но, с другой стороны, и в познаниях тех, кото-

рые не согласны с ними, тоже нет оснований сомневаться.

В чем же дело? Которая из двух сторон права? Я склонен думать, что обе. Только каждая из них наблюдает нашу букву «й» в своей особой «должности».

Если мы возьмем из словаря некоторые слова, начинающиеся на «Й», вы увидите, что все они будут словами ИНОСТРАННЫМИ: так, например, «ЙОДЛЬ» означает особую манеру тирольцев петь свои песни. «ЙОКУЛЬ» (исландское) у географов — ледник в виде плоской ледяной шапки, «ЙЫР» — так называются музыковедами особые песни дагестанских горцев.

Гораздо больше в наш язык проникло начинающихся с «Й» собственных имен — названий мест и имен личных. В первой нашей беседе я приводил их достаточное число. Это такие названия, как английские Йорк, Нью-Йорк, Йоркшир, как эстонское Йыгева, как венгерская фамилия Йошика, итальянская Йовине, английская Йитс — вы найдете их все в Большой Советской Энциклопедии.

Во всех этих случаях наше «Й» точно соответствует западному (или восточному) «йоту», и мы, как я уже говорил в первой беседе, могли бы с полным основанием писать все эти слова не через «Й», а через «ю», «ё» или «я» (за исключением ЙИТСА и ЙЫГЕВЫ — у нас ведь нет букв для обозначения йотированных «и» и «ы»).

Те же ученые, которые говорят о **«согласном** звуке «Й», имеют в виду эти и похожие на них случаи. Наше «Й» здесь прямо замещает иноязычный «J». Их же противники, очевидно, думая, что раз т а к о е «Й» встречается только в заимствованных словах, так незачем его и считать **русским** звуком, рассуждают т о л ь к о о другом «Й». О каком же?

Вот представьте себе, ваш друг заявляет: «Никогда не ПИЛ лимонада и не собираюсь его ПИТЬ...» Вот — такой чудак. Он чего доброго и мороженого не любит...

Вы ему отвечаете: «А не хочешь, так и не ПЕЙ!»

Вот в этом случае наше «й» не «йотирует» никакого следующего за ним гласного. Тут оно и на самом деле является как бы сжавшимся, укороченным обыкновенным «И». И его с полным правом можно назвать «неслоговым И».

Вас удивляет, что в серьезных ученых работах на один и тот же простой вопрос часто даются две, а иногда и больше взаимоисключающих точек зрения.

Я хочу посоветовать вам никогда не удивляться, а, наоборот, радоваться этому. Даже в точных науках почти всегда при изучении какого-либо нового явления (ну, скажем, в современной астрономии «квазаров» и «пульсаров» — это такие особые, подобные звездам образования в космосе) сплошь и рядом возникает разноголосица мнений. Что же до гуманитарных наук, то в них вообще математически бесспорные ответы получаются куда реже, чем поддающиеся оспариванию. Горевать тут нечего: еще древние люди заметили, что «истина рождается в спорах».

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ

Сергей ИВАНОВ

В СТРАНЕ ПЧЕЛИНОГО ПЕНИЯ

ПОВЕСТЬ

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ

До чего же хорошее это дело — из грохочущего и душного городского лета уехать куда-нибудь на свободу. Спешит, скачет моя электричка, и за окном вместо бурого, пыльного, кирпичного и крупноблочного становится все зеленее, все просторней. Поля, поля, то вдруг лес нахлынет. Гонятся за ними, подпрыгивают одноногие столбы.

Среди полей

Я приехал в небольшой городок. И сразу он понравился мне. Здесь трава дружила с асфальтом. Здесь ни одного дома, ни магазина, ни почты, ни даже милиции невозможно было найти, потому что они все давным-давно пропали в диких дебрях вишневых садов.

Хорошо здесь было, в этом прекрасном городе. Но путь мой лежал еще дальше. Я, кажется, забыл сказать вам, что приехал сюда не так себе, а в командировку.

И я вздохнул, погрузился в «газик» со старенькими сиденьями, из которых торчали ватные уши... Поехали!..

Дорога вилась по самому краю леса. Так что в одном окне у меня без конца мелькали елки-березки, елки-березки. В это время в другом окне широко распласталось поле овса. Он уже колосился, был изумрудно-белый, как посеребренный.

Вдруг после изумрудной зелени пошла зелень совершенно желтая. Это была пшеница. Она стояла густою стеной. Лишь в некоторых местах на поле остались вмятины после вчерашнего дождя и ветра.

День был влажный, солнце парило из-за серых, но высоких облаков. И я прямо чувствовал, как все растет: лес, пшеничное поле и поле овсяное...

Все полно было работы — невидимой, молчаливой, неустанной. Это работала сама земля.

Пасека

И вот я приехал.

Пушистый фиолетовый ковер, длинные ряды разноцветных ящиков на палках-ногах. Это и есть пасека, стоящая среди густых клеверов.

С одного боку ее обступали высокие липы, с другого боку и сзади — березняк. Да еще по всей пасеке рассажены были яблони. Ну что за место, лучше не придумаешь!

Каменный одноэтажный дом смотрел на пасеку тремя большими окнами и множеством окошек застекленной терраски. Здесь живут пасечники? Да, наверное.

Из-за дома вышел человек в джинсах, босой, по пояс голый. Причем шел он не на ногах,

а на руках. Не очень, сказать, быстро, но и не очень медленно — средним таким шагом.

Человек подошел ко мне почти вплотную. Я уж решил, может, надо с ним поздороваться за пятку? Но тут он увидел чужие ботинки и живо стал на ноги:

— А! Это вы должны были к нам приехать? — Он протянул мне руку, которую предварительно отряхнул о штаны: — А я буду пасечник Саня.

Был он ужасно плечистый, ужасно стройный, и мускулам его позавидовал бы иной олимпийский чемпион.

Саня окончил ПТУ, и вот теперь, пожалуйста — двести ульев у него под рукой. Я от сердца пожалел, что в мое время таких ПТУ не было...

Чай с научными работниками

На пасеку приехали научные работники Владимир Иванович, Елена Сергеевна и Таня, их дочка.

Пока знакомились да пили чай с дороги, я их всех потихоньку рассматривал.

Вот они сидели передо мной. Саня, Володя, Лена, шестилетняя Татьяна. Все, конечно, разные, но лица у всех какие-то удивительно чистые и здоровые. Говорят, пасечники — «пчеляки» — живут долго и редко болеют.

На столе, в миске с нарисованными цветами лежал сотовый мед. Смоляные капли медленно вытекали из разрушенных ячеек.

— Ну-ка, тепленького медку-то поешьте, — говорила мне Лена. Это значит — самого свежего, только что из улья.

В распахнутую дверь залетела пчела, присела на краешек миски, попробовала меду, сделала круг над столом, хотела вылететь, да не разобралась, оконное стекло приняла за открытую дорогу, стала ползать по раме и жужжать.

Таня протянула руку к пчеле.

— Подожди, — сказал Володя, — чаю попьем, тогда выпустишь.

— Пускай отправляется, — сказал я, — больше меду соберет, нам же лучше.

Но Володя покачал головой:

— Думаешь, она сейчас на цветы полетит? В улей! И такую сюда ватагу притащит — берегись. Это ж разведчица! Так что, хочешь спокойно чаю попить, лучше пока держи ее под арестом.

Разведчица! Что ж такое разведчица?.. Но спрашивать пока было неловко.

Потом я увидел, как Таня бесстрашно взяла пленную пчелу, поднесла ее к двери и отпустила на вольную свободу.

А вы бы на это решились? Я, например, ни за что!

Режим

Он у нас на пасеке не очень строгий. Но и не ленивый! Каждый занят своим делом, и каждый свое дело знает.

Солнышко раскосое еще только выглянуло из-за дальнего леса, а пчелы уже на работе. Воздух над пасекой весь в мелькании черных точек, весь прошит трассирующим пчелиным гудом.

Вслед за пчелами поднимается Саня. Счастливый человек! Он спит в беседке, что стоит прямо посреди пасеки... Потянулся сладко, умылся под звонким рукомойником и, по обычаю своему встав на руки, пошел к верстаку. Теперь до самого завтрака будет постукивать топориком, строгать доски, чинить старые ульи, мастерить новые — для будущих пчелиных семей. Потом пойдет осматривать пасеку. Двести пчелиных домиков, а лучше сказать, двести пчелиных городов — работы немало. Оттого Саня и любит, наверное, пораньше залечь спать.

В комнатах Володи и Лены тихо — научная работа. Да пчеловоды и вообще-то шума не любят. Я осторожно приоткрываю дверь... Лена склонилась над микроскопом. На рабочем столе, в клетках величиною со спичечный коробок, ждут своей участи пчелы. Лена смотрит в бинокуляры, пишет на большом листе, изрисованном графиками. Идет к Володе, и они о чем-то говорят вполголоса.

Они говорят о новой породе пчел, которую выводят специально для этих мест, где лето мелькает быстро, а цветы цветут ярко, да коротко... Интенсификация, она касается всех, всего народного хозяйства. И пчеловодов, конечно, тоже. Будет новая порода, будет меда больше!

Мы с Татьяной — вольные казаки. Наше де-

Цветет липа — богатый медонос.

ло — посуду помыть. Потом один из нас опять принимается за своих кукол, а другой — писать эту вот повесть...

Открытый улей

Лена, Володя и я идем меж ульями. Мы в шляпах с сетками, закрывающими лицо и шею. В руках у Лены тетрадь для записей и дымарь... Это что-то вроде кофейника, только с очень коротким носом. Внутри «кофейника» дымят гнилушки. К дымарю приделан как бы насос. Нажмешь — из дымаря выходит пухлая ватная струя дыма. Пчел пугать...

Улей. Вход, узкая щелка, называется летком. Двести ульев — двести летков. Над каждым вьется облачко пчел. Беспрестанно пчелы садятся на прилетную доску, наклонно идущую от земли к летку. Это как бы аэродром.

Володя с Леной о чем-то спорят. Я не слышу: с непривычки страшно идти по пчелиной территории. И с завистью я смотрю на Саню, что строгает свои дощечки в безопасном месте, под шелестящими березами.

Володя начинает открывать улей. Снимает квадратную крышку, обитую железом. Из-под нее достает подушку... Самую обычную подушку — она предохраняет улей от слишком горячего солнца, а в холодные дни сохраняет тепло. Потом осторожно снимает слой материи — как бы потолок улья. Все, открыто!.. Но ничего страшного не происходит. Лена отправляет в улей струю из дымаря. И пчелы тотчас облепляют соты.

Теперь можно все хорошенько рассмотреть. Улей — это разборный дощатый ящик, внутри которого в ряд подвешены рамки, сбитые из реек. В рамках пчелы лепят свои соты.

Володя вынул одну такую рамку. Она величиною была примерно с этот журнал... И вся черная от пчел! Вид у них был жутко сосредоточенный.

Раньше многие-многие сотни и тысячи лет пчелы жили в лесу. И вот у них постепенно появилась такая привычка, или, еще говорят, **рефлекс:** как заслышишь запах дыма, скорей выпей меду на дорожку и беги. Потому что нет для леса страшнее бедствия, чем пожар.

Этим пчелиным рефлексом и пользуются пасечники. Пустят в улей струю — пчелы тотчас на соты с медом. И можно спокойно работать.

Володя вынул другую рамку. Она была почти чистая от пчел.

— Здесь, видишь, медовых сотов нет, — сказал Володя. — Это рамка с детвой.

А я, уже кое-что читавший про пчел, знал, что детва — это пчелиные личинки, будущие пчелы... Из некоторых ячеек высовывались головки молодых пчелок.

Они тоже учуяли запах дыма и хотели бежать, но выбраться не могли, не хватало сил до конца разгрызть восковую крышку. Вот страху-то небось натерпелись.

Сначала было яичко, потом личинка, куколка — и вот перед вами новорожденная пчелка!

Больно

И здесь меня ужалила пчела. Она села мне на руку, я невольно вздрогнул. Пчела слетела. Но тотчас села опять, я махнул рукой что есть силы.

— Не маши! — крикнул Володя.

Поздно. Как коршун, пчела кинулась на меня... Ай! Я увидел крохотную ранку и черную точку жала. Под кожей стала растекаться красная клякса.

Оказывается, здесь тоже сработал рефлекс, только не пчелиный, а наш. Впрочем, не только наш. Так же и медведь поступит, и обезьяна, и кошка — всяк, на кого села пчела. Мы непременно стараемся ее прогнать — пчелы так и распознают своих врагов. А стоит только одной из них выпустить яд — другие сразу чуют... Тогда берегись!

Молодая пчелка — желтенькая, пушистая — сразу же стала чистить ячею, в которой сидела.

Ох как трудно отучить себя от этого рефлекса — не дергаться, не бежать. Но все-таки можно. Можно пересилить себя.

Это случилось через несколько дней. Лене для работы нужно было два десятка молодых пчел. Я вызвался ей помочь. Открыли улей...

— Ну, чего ж ты, доставай, — сказала Лена.

С упавшим сердцем я запустил руки в улей — страшно было несказанно! Вынул кишащую пчелами рамку. Они сосали мед, и такой звук от них исходил — я все никак не мог вначале сообразить... Пожалуй, так шипит ра-

скаленная сковородка, на которую попадет вода.

И тут я увидел, что у меня на указательном пальце сидят три пчелы и как-то подозрительно водят усами, топочут ножками. О, как хотелось мне бежать или хотя бы дунуть на этих пчел!

— Лена! — сказал я отчаянным шепотом.— Меня хотят укусить.

— Не укусить, а ужалить,— объяснила Лена.— Я ж тебе уже говорила: у пчел зубов нет.

Личинки, личинки, личинки... У пчелы-кормилицы много работы.

Наконец она мельком глянула на «моих пчел»:

— Не думают они тебя жалить, они чистятся. Не трусь!

Плывут по Нилу плоты

На пасеке режим деревенский. Рассвело — значит утро, пора на работу. Чуть стемнело — ложимся спать.

Сейчас вечер. Но так он хорош, что мы все не можем решиться разбрестись по своим комнатам, и даже Саня не идет спать... Сидим за столом, врытым перед домом в землю. На столе полуостывший самовар. Небо светлое, июньское. И кругом ни звука.

Сейчас я уже не помню, с чего начался наш разговор. Наверное, ни с чего. С того просто, что не хотелось расходиться. Лена стала рассказывать мне о старых и даже древних пчеловодах.

...Вечернее июньское небо, заснувший березняк. А кажется, будто где-то рядом течет никогда не виданная нами река Нил. Древний Египет. Царствуют фараоны. Трудно строится новая пирамида...

По Нилу плывут плоты... Вот кричит что-то надсмотрщик — бухают по воде тяжелые весла, плоты пристают к берегу. На них... ульи. Какими были они, те древние ульи, не знает никто. Лишь известно, что ранней весной их привозили в верховье Нила, к самому истоку. Это

В улье полный порядок — постарались пчелы-чистильщицы.

юг Египта. Там весна начиналась раньше всего. Значит, раньше распускались цветы.

С юга на север шла по берегам Нила весна. А вслед за ней, за цветами, за нектаром плыли плоты с ульями.

Но все-таки чаще всего в древние времена за пчелами, за медом просто охотились. Шли в лес, искали дупло, в котором жила пчелиная семья, беспощадно напускали в дупло дыму. Это называлось «закуривать пчел». Семья пчелиная гибла. Дупло ломали, вырезали соты с медом. Так она и шла, эта охота.

Бортник дядя Гаврила

Долго ли, коротко ли, однако времена потихоньку стали меняться. Может, пчел поубавилось, а может, люди просто поняли, что неразумно так вести себя.

И появились бортники. Они тоже искали пчел. Но уже не закуривали их, а, дождавшись осени, осторожно вытаскивали соты через специально пробитые отверстия. Рядом с настоящими дуплами бортники выдалбливали в дереве новые, удобные для пчел жилища. Эти рукодельные дупла и назывались бортнями. В разгар лета, когда пчелиная семья начинала роиться, половина пчел вылетала в поисках нового дома... Глядь, вот оно, дупло — рядом.

А надо сказать, мед в те времена очень был дорог. Из свеклы и тростника сахар варить еще не умели. Одно сладкое и было на всем белом свете — что бортники из лесу принесут.

Когда бортник находил новое дупло с пчелами, он вырубал на дереве свое «знамя», то есть знак, клеймо: вилы, сума-калита с поясом, «четыре рубежи» (четыре зарубки) — у всякого был свой. А кто ограбит чужую борть, тому несдобровать. Иной раз доходило даже до смертной казни — так строги были законы.

Но были воры, которые из всех законов знали только один: «Меду хочу!» На вид вроде

У леткá — злые сторожа.
Только сунься, вражина!

добряк. Однако злобы хватает. Особенно когда что-нибудь «поперек его ндрава»... Хозяин леса. Большой любитель медом ведать. За то имя свое и получил: медведь.

Не раз приходилось бортнику схватываться с медведем. Вот они стоят друг против друга. Медведь поднялся на задние лапы. Бортник выставил вперед левую руку, обернутую бараньей шкурой. Шкура та не проста, она хитро обмазана дегтем. Сейчас медведь бросится на шкуру да лапой и соскользнет по дегтю — прямо на длинный нож, что сжимает бортник в правой руке.

Здоров ты бортник, дядя Гаврила. Но медведь-то куда огромней. Ревет!

Ну, как не соскользнет его лапа с бараньей шкуры? Ну, как... Страшен дикий лес, глух... А на высокой сосне, в бортях пчелы радуются солнцу, таскают и таскают нектар.

Колода, посéка

Так бортничали люди. Испокон веку, из рода в род. Не одну долгую сотню лет. Дело трудное, и меду не сказать что много.

Наконец додумались: стали чурбаки с дуплами, по-тогдашнему колоды, из деревьев выпиливать и осторожно сносить на специально вырубленную в лесу поляну, потому что думали: пчелы без лесу жить не будут...

Поляны эти назывались «посéками» («сечь» значило «рубить»). С тех пор и пошло в языке знакомое нам слово «пасека».

— А потом что? — спросил Саня.

— А потом еще много всего, — ответила Лена. — Тебе, пчеловоду, надо, однако, книжки читать. ПТУ ты кончил — молодец. Но ведь и про техникум подумать не вредно...

Матушка Пчелиная Царица

Целый день и целую ночь лил дождь. Пчелы безвылазно сидели в своих ульях. А мы в своем.

Это был совсем не тот дождь, что веселит душу, что грянул и пропал. Эх, тоска-тощевна, скукота-иванна.

На тераске — здесь как бы наша кают-компания — висела самодельная полка с книгами. Все больше научные труды — графики да цифры... И вдруг — старинная роскошная книга! В тёмно-коричневой коже! С золотыми буквами! Правда, потрепанная... Я посмотрел год издания. Ого! Больше ста лет!

Пчела—приемщица нектара встречает летных пчел с добычей.

Володя высунул нос из двери, покачал головой:

— Ну и погодка! — Увидел, что я взял старую книжку: — Правильно, полистай. Хорошая сказка.

Сказка... В предисловии я прочитал, что это сборник самоновейших научных статей... Правда, столетней давности...

Книжка и в самом деле оказалась сказкой. Рассказывала про чудеснейший город Улей, где живет Пчелиная Царица, окруженная своей свитой. А есть в том городе пчелы-уборщицы, пчелы-воины, пчелы — собиратели меда и пчелы-строители. Все рассчитано, расчислено. Никто никому не перечит. Кончалось это словами: мол, хорошо бы и нам так жить!

Я отложил старинную книгу. И задумался... Ну, пусть прав Володя (да я с ним и согласен): это сказка. Конечно, пчелиная матка — в старых книгах ее называли Царицей — никому не приказывает. Она только ползает по сотам и откладывает яички. Из них развиваются личинки, куколки и наконец появляются новые пчелы. Но я сам видел однажды в стеклянном улье (есть такие ульи для наблюдения, где все стенки из стекла), что матка действительно окружена плотным кольцом пчел — чем не свита? Сам видел, как одни пчелы кормят ли-

чинок, другие чистят ячейки, третьи сторожат вход. Это все факт. Это все существует.

Ну, пусть не матка приказала им всем заниматься своими делами. Тогда кто? Или, может, они сами такие умные — знают, что им делать сейчас, а что через полчаса. Загвоздочка. Я постучал к Володе.

— Давай, выручай, товарищ кандидат наук.

Володя, прищурившись, посмотрел на меня, улыбнулся и сказал:

— Завтра...

Странная пчела

Назавтра опять стало солнечно. А как оно хорошо бывает ранним утром, и ранним летом, и после большого дождя — я об этом вам говорить не буду!

Пчелы еще не показывались из-за недавнего дождя. Володя наклонился, приложил ухо к задней стенке улья. То же сделал и я... И услышал мерное, беспрестанное шуршание.

— Уже проснулись?

Володя улыбнулся и ничего не ответил...

Часа через два, когда просохло, и раскрылись цветы, и пчелы без устали летали и летали, и трудовой гуд стоял над пасекой, Володя сказал мне:

Получив сладкую каплю, пчелка несет ее в ячейку.

— Ну пойдем, попробую тебе кое-что показать.

Он выбрал улей, где жила сильная семья, то есть где пчел было много. Они так и клубились, так и гудели над прилетной доской.

Мы стали сбоку, чтобы не мешать им. Шло время. Но если ты решил наблюдать жизнь животных, надо иметь терпение...

Вдруг Володя наклонился к летку.

— Видишь пчелу?

Для меня она ничем не отличалась от других. Пожалуй, только слишком уж медленно ползла по прилетной доске.

— Запомни ее! — сказал Володя.

В ответ я лишь пожал плечами: как ее запомнишь?.. Пчела ушла в леток. И мы прождали еще несколько минут...

— Вот она, — сказал наконец Володя.

Другие пчелы с озабоченной суетливостью вбегали в улей и выбегали наружу. У всех полно было дел. Эта медленно брела поперек общего движения. И мне казалось даже, что она покачивается, хотя это, конечно, на шести лапах никак невозможно.

Вот странная пчела добралась до края прилетной доски, постояла секунду, словно о чем-то вспоминая или раздумывая. Сделала еще усилие, еще полшага... и вдруг свалилась в траву.

Володя поднял пчелу. Она была мертва. Ветерок катал ее по Володиной ладони — серый невесомый комочек.

Хочешь быть жуком?

Родилось насекомое — таракашка, жук, муха или та же пчела. Только вылезли они «на свет божий» и сразу готовы делать то же, что взрослые насекомые: добывать еду, удирать от врагов... ну и тому подобное.

Родился человек: беспомощный, слабый... Но он растет, становится умней, учится. И после может летать, как птица, или плавать, как рыба и нерпа, или, если очень постарается, может даже пройтись по Луне. Может стать кем хочет. Потому что он умеет учиться.

А вот, например, тот же таракан, он в жизни не научится плавать, как водомерка, или брызгать во врага кислотой, как муравей, или рыть подземные ходы, как дождевой червяк.

Каждое насекомое умеет только то, что от рождения дала ему природа.

Примерно так начал свой рассказ Володя. А я его старался побольше перебивать, чтобы все как следует разузнать.

Жизнь пчелиная...

Сперва она была яичком, потом личинкой, потом куколкой, потом стала пчелой, прогрызла восковую крышку ячейки, в которой сидела до этого положенные дни, — и вот вам готовая пчела.

Наконец, пчела вылетает из улья. Счастливого пути вам, летные пчелы!

Они никогда не спят.

— Была она желтенькая и пушистая, — говорил Володя.

А я в это время смотрел через лупу на мертвую пчелу и видел, что она темная, и волосков-пушистинок на теле ее почти не осталось, и крылья все измочалены и разодраны по краям.

...Только вылезла пчела, отряхнулась и сразу стала чистить ячею, в которой сидела, — грызла ее, выскабливала. Наконец ячейка заблестела тусклым восковым стеклом. А новенькая пчела пошла искать другую ячейку, третью. Так она без устали работала четыре дня.

Потом вдруг ее совсем перестала интересовать чистота в ячейках. Она почувствовала, что изо рта у нее капельками стало выступать молочко — очень ценный и очень питательный пчелиный корм. И наша пчела сама не заметила, как оказалась в «свите» пчел вокруг матки. Матка без конца червила, откладывала яички и то и дело слизывала молочко, которое давали пчелы — все молодые, пушистые...

Прошла еще неделя, молочко у нашей пчелы стало пропадать. Она теперь кормила детву — молочко вперемешку с нектаром отдавала в ячейки личинкам. И те росли.

Потом у нашей пчелы совсем не стало молочка. И с той поры ее больше не интересовали ни матка, ни детва. Теперь у нее на брюшке заблестели вдруг крохотные и тончайшие зеркальца — воск. Вместе с огромной армией таких же строительниц, как она, пчела снимала с себя вощинки, разжевывала, разминала их, прицепляла к недостроенной стенке ячеи, вытягивала стенку — строила соты. Потом терпеливо ждала, когда у нее опять вырастут восковые «кирпичики».

Несколько дней все было чудесно. Но вдруг почему-то вощинки начали расти все медленней. И пчела вдруг из опытного строителя превратилась в полную неумейку. Забыла секрет, не могла больше лепить на диво ровные шестигранники.

Вскоре она совсем ушла от строительниц. Стояла теперь у самого летка, и как только в него вбегала прилетевшая с цветков пчела, наша подходила к ней, раскрывала рот. И прилетевшая отдавала крохотную каплю нектара, свою добычу.

Однако наша пчела вовсе не ела нектар, она относила его в глубь улья, в медовые кладовые, и там выливала в ячейку — раз за разом, снова и снова, пока ячейка не наполнялась до краев. Наша пчела стала теперь приемщицей корма...

Здесь было много таких, как она. Но только одни принимали нектар, другие — комочки цветочной пыльцы, без которой пчелы тоже не могут прожить. Недаром ее называют пчелиным хлебом. Третьи приемщицы брали воду. Но не выливали ее в соты, а держали в своих зобиках и становились пчелами-бидонами, или пчелами-кувшинами. Каждый, кто хотел пить, подбегал к ним, и «кувшин» отдавал крохотную бусинку воды.

А еще вода нужна в пчелином хозяйстве, чтоб разбавлять корм для личинок. А еще, чтобы разбрызгивать в улье, когда становится слишком жарко.

Кстати, о жаре. Поработав недельку приемщицей, наша пчела стала санитаром. Она выбрасывала всякий сор и трупы зажаленных врагов, проникших в улей.

В жаркие часы пчелы-санитары становятся вентиляторщицами. Они поворачиваются спиной к летку, поднимают брюшко наподобие маленьких пушек и начинают отчаянно бить по воздуху крыльями. Прислушаешься — словно гудит отлаженный мотор.

Работают вентиляторщицы — из ульев идет нагретый воздух, медовый дух. И тут на пасеку слетается, сползается, сбегается немалая армия всякого жулья: мухи, жуки, муравьи. Несколько последних дней перед вылетом из улья наша пчела была сторожем, стала злой, недоверчивой. Только сунься, вражина!

Вон они лежат в траве — три мухи, пчела из чужого улья (пчела-воровка) и еще задушенный жук-бронзовик. На нем броня, как на танке, пчелиные жала ему не страшны. Но пчелы облепляют его сплошным клубком. И не уйти бронзовику.

Наконец, пчела вылетает из улья! Правда, перед этим в особо погожие дни молодняк уже вылетал раз или два. Но как осторожно, как боязливо! Пчелки все время держались поближе к улью. Минуту-две повисят в воздухе — и домой. Страшно в открытом космосе!

Однако после нескольких тренировок пчелы осваиваются с новым делом. И вот настает их пора, они теперь летные.

— Наконец-то! — сказал я, довольный, что пчелка, о которой мы столько времени толкуем, сможет полетать — по цветам, по солнышку, по хорошей погоде...

Володя, улыбаясь, покачал головой.

— Пчелы, между прочим, улей свой, свою семью любят куда больше, чем полеты. За всю жизнь на улице пчела проводит дней шесть-семь…

— Сколько же всего она живет?

— Зимняя — дольше, а летняя — месяц, месяц с неделей…

Я смотрел на веселую гудящую пасеку. Я собрался жить здесь месяца полтора. И не мог поверить, что все это такое несметное пчелиное государство к моему отъезду умрет. А будут летать уже совсем другие пчелы.

Но это было так!

…У летной пчелы трудная работа: собрать нектар или собрать пыльцу, а потом с огромною этой ношей лететь в родной улей. Теперь я понимаю, почему так тяжело опускаются пчелы на прилетную доску. И сидят несколько секунд, вздрагивая брюшком — дышат… Потом скорей-скорей в леток, к приемщице корма. И снова на работу — ей надо много успеть!

День за днем летала наша пчела. Но вот настал ее срок, она состарилась, а вернее износилась, как изнашивается старый автомобиль. В последний раз вылетела она за взятком. Насобирала нектару, как всегда, полный зобик, ничуть не делая себе послаблений. Полетела назад, то и дело проваливаясь на изорванных, неверных крыльях, но кое-как дотянула все же до знакомого аэродрома, спасибо, встречный ветер утих.

Она тяжело бухнулась на прилетную доску и пошла, шатаясь, к летку. Ее не жалели, на нее никто не обращал внимания. И она не жалела себя, спешила, пока не настала смерть, сделать все, что еще осталось ей сделать.

Вошла в леток. И к ней тут же подбежала приемщица. Вытянула капельку нектара, и прочь, ничуть не думая — старая перед ней пчела или новая, увидит она ее когда-нибудь еще или нет…

Не увидит!

Старая пчела больше не любила родного гнезда. Теперь все ее существо стремилось только к одному: «Прочь отсюда!» Она выползла из летка, доплелась до края прилетной доски. Все. Санитарам будет меньше работы — последний долг перед ульем выполнен…

— Понял теперь, что это за пчелу мы подобрали? — сказал Володя.

Я посмотрел на то место, где лежала мертвая пчела… Лупа, раскрытая книга, папиросы… Пчелы нет. Наверное, ее подтолкнул ветер, она упала со стола и затерялась среди дремучего травяного леса.

Вечером часов в десять Володя, словно что-то вспомнив, тронул меня за плечо.

— Пойдем-ка.

Мы вышли на пасеку, остановились около одного из ульев.

— Ну-ка, послушай, — сказал Володя.

Я, как утром, приложил ухо к стенке улья — и снова за стеною был шорох от движения тысяч и тысяч пчел.

— Не спят еще? — спросил я удивленно.

— Они никогда не спят, — сказал Володя, — ни одного часа за всю свою жизнь!

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Иван-чай, одуванчик, гречиха, лесная герань, татарник, душица, клевер, донник — вот они, пчелиные джунгли. Отсюда пчела возвращается в улей с тяжелой ношей — нектаром или пыльцой.

Рисунок И. КРАСУЛИНА

Этот веселый черноволосый человек живет в городе Ашхабаде. Зовут его Агагельды Алланазаров. Встретились мы с ним в Москве, на VI Всесоюзном совещании молодых литераторов, и с тех пор посылаем друг другу письма и стихи. Я искренне полюбил веселого, любознательного и независимого маленького героя его стихотворений.

И я рад, ребята, познакомить вас сегодня с несколькими стихотворениями хорошего туркменского поэта, которые я перевел.

Порадуйтесь вместе со мной!

Равиль БУХАРАЕВ

Агагельды АЛЛАНАЗАРОВ

Куда спешит аул?

Летом
я всегда ношу
легкие ботинки.
В гости к бабушке
спешу
по степной тропинке.
Съем урюк и курагу,
горку винограда,
на бахче ей помогу,
то-то будет рада!
Эй, тропинка,
приведи
поскорее в гости.
Вот остались позади
и канал
и мостик.
Ветер,
хлопнув по спине,
посильней задул.
И бежит навстречу мне
бабушкин аул.

Когда ты верхом на коне

Соколом в седло взлетаю!
Можно выезжать!
Тут ведь главное — поводья
правильно держать.

С четырех сторон простор,
и скачи во весь опор!

Гул копыт. Пустыня — словно
барабан гудит.
На коне сижу я ровно.
Так отец сидит.

Еду, солнце обгоняя,
И пускаюсь вскачь!
Солнце прыгает по небу,
будто желтый мяч.

Солнце вслед за мною мчится!
Солнце, поспеши!
Вот колючая пшеница.
Это камыши.

Я от ветра тюбетейку
прячу на груди.
В камыше ищу лазейку,—
берег впереди!

Странное какое дело:
в озере, дразня,
солнце плавает...
Успело
обогнать меня!

*

Прозрачное озеро
плещет у ног.
Пущу по волне
камышовый челнок!

А знаете, чем
удивляет вода?
Она подражает
всему и всегда!

Вот сделалась небом:
колеблясь слегка,
неспешно плывут
по воде облака.

Вот белая птица
на синей волне.
Сквозь птицу я вижу
растенья на дне.

Я радуюсь! Озеро,
словно кино:
коня и меня
показало оно.

*

Конь по пустыне идет деловито,
в мягкий песок окуная копыта.

С вихрем беседую я иногда.
Вихрь улетает, и вновь — ни следа!

Едем. Трава здесь была зелена,
сеном некошеным стала она.

Вот черепаха, покрытая каской,
вдруг на меня поглядела с опаской.

Жарко! Попрятались змеи в тени
и насекомые. Только одни
оводы кружат, туда и сюда
осликов бедных гоняя стада.

*

Конь птицей взлетел на бархан!
Вздыхает, уздечкой звеня.
Прекрасней неведомых стран
родная пустыня моя!

Легко предо мною легли
веселые краски земли.
Как будто плывут корабли,
мираж исчезает вдали.

Мы вниз устремимся стрелой
по жарким пескам, напрямик!
Столб пыли несется за мной.
Журчит предо мною арык.

Преграды для всадника нет!
Дивятся, тряся бородой,
две ивы седые мне вслед,
склонясь над блестящей водой.

Но не оглянусь я назад,
скачу и скачу по стране.
Весь мир открывается мне,
когда я верхом на коне!

Перевел с туркменского
Р. БУХАРАЕВ

*

Седые горы из окна видны,
В селенье упираются они.
И вот однажды я отправлюсь в путь —
На спины их блестящие взглянуть.

Я не устану и не побоюсь —
На самую вершину заберусь,
Над облаками выросту с утра
И стану выше. Выше, чем гора!

Перевел с туркменского
Яков АКИМ

ПУТЕШЕСТВИЕ ЧЕРЕЗ ГОДЫ

Что нам читать?

Есть писатели, о которых думаешь с восхищением и даже с завистью: «Вот повезло человеку! Где он только не побывал, чего только не насмотрелся! И сколько бы он ни рассказывал, всегда кажется, что у него еще запас преогромный! Еще не на одну, а на множество интереснейших книг».

Вот такое восхищенное чувство испытываешь и перед Марией Павловной Прилежаевой, книги которой известны всем нашим ребятам и их родителям тоже. Мария Павловна Прилежаева поразительно много видела и знает — оттого мы и читаем ее книги с таким увлечением, радуемся или горюем над ними вместе с нашими любимыми героями — с Машей Строговой, с Варей, с Катей Бектышевой и многими-многими другими.

Но приходилось ли вам, ребята, размышлять над книгами не только о судьбах героев, но и о судьбе, о жизни написавшего их человека? Наверное, каждый из юных читателей по-своему представляет себе писательницу Марию Павловну Прилежаеву. Это зависит от того, какая из ее книг стала для тебя самой любимой.

Если «Юность Маши Строговой», то ты совершенно уверен, что автор этой книги принадлежит к поколению, которое юным встретило Великую Отечественную войну. Повесть о молодой учительнице Марии Кирилловне Строговой написана с такой искренностью, с такой правдивостью в каждом слове, что кажется автобиографической.

Однако другой читатель, особо полюбивший повесть «Семиклассницы», совершенно убежден, что Мария Павловна Прилежаева в годы войны была еще школьницей, ученицей седьмого класса женской школы. Иначе откуда бы автору повести так хорошо знать чувства и мысли тогдашних ребят, их раннюю чуткость к чужому горю, их умение прийти на помощь.

— Нет! — решительно скажет читатель, у которого дома на книжной полке стоит много раз читанная книга «Третья Варя». — Мария Павловна Прилежаева всего лишь несколько лет назад закончила школу. Вот почему ей так близки и понятны современные подростки, наш огромный интерес к истории нашей Родины, к традициям, протянувшимся от передовых людей прошлого в наше стремительное сегодня.

В то же время многочисленные читатели таких замечательных книг Марии Павловны Прилежаевой, как «Жизнь Ленина», «Удивительный год», «Три недели покоя», «С берегов Медведицы», «Под северным небом», «Начало», вправе утверждать, что писательница непременно сама была лично знакома с Владимиром Ильичем Лениным, Михаилом Ивановичем Калининым, Надеждой Константиновной Крупской, со многими героями большевистского подполья и Октябрьской революции.

Но почему же одному человеку может быть дана счастливая возможность стать так близко причастным к жизни разных поколений? Откуда берется умение свободно путешествовать сквозь годы? В чем секрет того, что книга писателя, волновавшая ровесниц Маши Строговой, продолжает пользоваться успехом у нынешних подростков и непременно увлечет тех читателей, которые пока что еще только учатся складывать из букв первые слова?

Ответ на все вопросы один-единственный — это и есть необходимейшие качества истинного литературного таланта, это и есть призвание писателя, его каждодневная работа над книгами для детей.

Детским писателем надо родиться. Так говорил великий русский критик Белинский. И, родившись детским писателем, надо еще положить годы и годы жизни, чтобы утвердиться в этом очень почетном у нас в стране звании — детский писатель.

Вы помните, как в повести «Зеленая ветка мая» Катя Бектышева сочиняла и читала подругам по гимназии свои первые литературные творения? Эта девочка родилась с талантом писательницы. Но, чтобы талант ее не пропал, а окреп, чтобы обрести силу и право учить своих читателей, быть добрее душой и смелее, больше делать для других людей, для всей нашей страны, — для всего этого потребовалось еще очень и очень многое, о чем и рассказано в повести.

«Зеленая ветка мая» — произведение автобиографическое. В нем детство и юность Марии Павловны Прилежаевой высвечены ярчайшим пламенем революционных преобразований — так родился прекрасный образ Кати Бектышевой, начинающей свой самостоятельный жизненный путь в ту пору, когда начинала свой путь молодая Советская республика.

Марии Павловне Прилежаевой не посчастливилось лично встречаться с Лениным, но зато ей посчастливилось с юности посвятить себя работе во имя претворения в жизнь Ленинских предначертаний. В начале двадцатых годов она приехала учительствовать в село Петрищево, Переяславского уезда, Ярославской губернии. Молодая учительница провела свой первый урок в классе деревенской бревенчатой школы. Сколько там было учеников? Не так-то много. А теперь Мария Павловна Прилежаева своими книгами разговаривает с ребятами в тысячах школ и детских библиотек. И в этих книгах — вся ее жизнь, посвященная любимому делу, литературе для детей. А в этой литературе свой счет прожитым годам, и детскому писателю сама его работа для вечно юного читателя и постоянное общение с детьми даруют неиссякающую молодость и энергию.

Мне не приходилось видеть Марию Павловну скучающей, в стороне от людей и кипучих дел. Она всегда полна жизни, стремительная, увлеченная, умеющая дать бой за справедливость, прийти на помощь товарищам по работе и вовсе не знакомым людям. Работает Мария Павловна очень и очень много. И к себе самой всегда очень и очень требовательна, строга. Она не любит говорить о незаконченных еще книгах, о том, что еще в замысле или в работе, но можно надеяться, что в скором времени юных читателей ждет встреча с новыми героями любимой писательницы, герои эти уже в пути.

Ирина **СТРЕЛКОВА**

ПУСТЬ СВЕТИТ СОЛНЦЕ

Это очень красивая книга — яркие, многоцветные рисунки заполняют каждую страницу. Это рисунки ребят разных стран. А текст книги написала писательница Надежда Августиновна Надеждина. Книга вышла к международному детскому фестивалю «Пусть всегда будет солнце!».

Когда смотришь на картину, на рисунок, кажется, что говорить уже ничего не нужно — все сказано художником. Но кому-то кажется так, а писательница поступила по-другому. Она увидела рисунки ребят, присланные на выставку «Я вижу мир». Увидела, эти работы много ей сказали о тех, кто рисовал, о странах и городах, обычаях, играх, занятиях ребят, об их чувствах и мыслях. Рисунки вызвали у нее радость, грусть, надежду. Этими своими мыслями и чувствами писательница и поделилась с читателем, об этом и написана книга.

Почти во всех книгах рисунки иллюстрируют текст. А здесь наоборот — текст как бы дополняет, иллюстрирует рисунок.

Вот картинка — зебры, красивые, полосатые и немного беззащитные. «Зебры хорошо бегают,— написано в книге,— но эта шестерка прибыла на самолете. Не добежишь от Сингапура до Москвы — слишком далеко».

И сразу задумаешься — Сингапур, далекие края. Но и там живет Тэй Сью Лэн шести лет, который взял лист бумаги, пастельные карандаши, сделал свой прекрасный рисунок и захотел прислать его в Москву.

А вот еще один рисунок — дед и бабка сидят за самоваром, льется кипяток в чашку, а чашки расписные, самовар блестит, дед вытирает усы, видно, попил чайку со вкусом. Это работа советской девочки Вики Маленковой, она первоклассница. Русские мотивы — самовар, баранки, петухи на занавесках.

У каждого народа свои обычаи, свой быт, свои особенности. И дети их знают и чувствуют. Но есть много такого, что одинаково трогает и мальчика из Японии и девочку из Ирана — всех детей на свете. Это тема любви к своей маме.

Один из разделов книги называется «Все мамы — красавицы». Польская девочка Дорота Плазевска нарисовала, как их семья идет на прогулку. Мама, папа и сама Дорота. Здесь же маленькая собака. А мама, как все мамы, позаботилась о том, чтобы ее семье было сухо и тепло — вон какой большой зонт держит мама.

А мама, нарисованная Евой Смердовой из

Чехословакии, стоит у плиты и варит обед. Обязательно получится вкусно. «Конечно, придиры могут сказать,— написано в книге,— что голова у Евиной мамы слишком велика по сравнению с туловищем, левая рука короче правой, один глаз выше другого и нос на боку. Ева очень старалась, но что поделать, если кисточка подвела, не туда заехала. Все это неважно: Ева не сомневается в том, что ее мама красавица».

Писательница с юмором и теплом говорит нам, чтобы мы простили первокласснице несовершенство рисунка. Главное в нем получилось: мама — душа семьи, доброе начало дома.

Все мамы прекрасны, добры, настоящие красавицы. А как же может быть иначе? Мама есть мама.

А вот рисунок Ани Клыковой «Портрет брата».

«В голубой курточке он стоит на пороге, доверчиво глядя на нас своими большими темными глазами. Аня широко распахнула дверь, словно открывая малышу дорогу в будущее: шагай смело, никто тебя не обидит!

В руках у мальчика модель корабля. Он несет ее, словно сокровище, так бережно прижимая к груди, что мы понимаем: кораблик для него не просто игрушка, а заветная мальчишечья мечта».

Нарисованы мальчик и кораблик, а писатель раскрывает нам то, что не изображено на картинке красками, но что есть в ней кроме изображения — отношения. Любовь девочки к брату. Увлечение мальчика кораблями. И от всего вместе веет теплом, дружной семьей, где младшего брата понимают и оберегают.

«Осенний лес молчалив,— говорится о работе американского мальчика Алана Айвса,— в нем не услышишь птичьего пения... В эту пору по лесу можно идти в сумерках без фонарика — все видно: палый лист освещает путь.

Потом лист пожухнет, побуреет, потеряет свой яркий цвет. Но что-то засветилось в сердце у Алана, когда он рисовал осеннюю огненную землю, и будет светить ему всю жизнь».

Эта картинка называется «Деревья под ветром», Алану всего шесть лет. Ты, наверное, тоже видел не раз, как ветер налетает на деревья, может быть, у тебя тоже возникли разные чувства: тревожные — пришел конец веселому лету; или смелые — все равно злой ветер не победит крепкое дерево, оно выстоит и весной опять зазеленеет яркими листьями.

Люди об одном и том же часто думают похоже, а художник как бы соединяет мысли и чувства разных людей в своем произведении. И тогда люди, живущие на разных концах планеты, сближаются, становятся друзьями.

Книга Н. А. Надеждиной посвящена детскому рисунку. Но не только рисунку. Это книга о добрых силах, о светлых мечтах.

Она и заканчивается такими словами:

«Два друга идут по дороге. Домик с разноцветными стеклами всеми своими окнами дружелюбно смотрит им вслед. Может быть, на дороге им встретятся камни и рытвины. Но, держась за руки, ребята улыбаются. Над ними сияет солнце, широко раскинув в небе лучи.

Веселое доброе солнце освещает им путь».

Это о рисунке чехословацкой девочки Ренаты Затроховой, чей рисунок стал афишей выставки.

Ребята играют, учатся, поют, рисуют, помогают взрослым. Все это отражено в их работах. Для всего, что нужно человеку в жизни, главное — мир. Это знают взрослые и дети.

Потому и фестиваль называется «Пусть всегда будет солнце!».

Потому и книга называется «Да здравствует солнце!».

Людмила МАТВЕЕВА

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Книга о море

Я еще не начала читать, только посмотрела на эту книгу, а уже знала, что она о море и морских жителях. Человек, может быть, стоит на берегу и не знает, что у него перед глазами целый сказочный мир! Огромный, необъятный...

Немногие ребята живут у моря. Но посетить подводное царство может каждый. Вы спросите: «А как?» Необязательно ехать за много километров куда-то, нужно просто взять **«Подводную газету» Н. Сладкова,** и море откроется вам. И вы узнаете, что рыбы совсем не молчат, как рыба, а «говорят», хотя у них и нет языка, строят домики, прячутся от хищников. У каждого морского жителя свой образ жизни. Есть животные, которые питаются другими животными, а есть такие, что питаются песком. Да, да! Они заглатывают песок и воду. И песок им не вредит.

Невозможно узнать ничего нового, не читая книг.

Нелюбова Лариса,
г. Звенигород, Московская область.

НЕВЫДУМАННЫЕ ДИАЛОГИ

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

Учительница. Что такое остров?

Ученица. Остров — это который плавает в море.

Учительница. А полуостров?

Ученица. Это который уже пристал к берегу.

Тома Евсеева, г. Горький.

НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учитель. Коля, назови сложное слово.

Коля. Задача.

Ира Кондрашина, г. Корсаков, Сахалинская обл.

* * *

Учительница. Составь предложение со словом «самолет»...

Ученик. Самолет высадился на аэродроме.

А. Елкибаева и Л. Казакбаева, с. Газмарово, БАССР.

* * *

Учительница. Назови неопределенную форму глагола «повеет».

Ученик. Дуть.

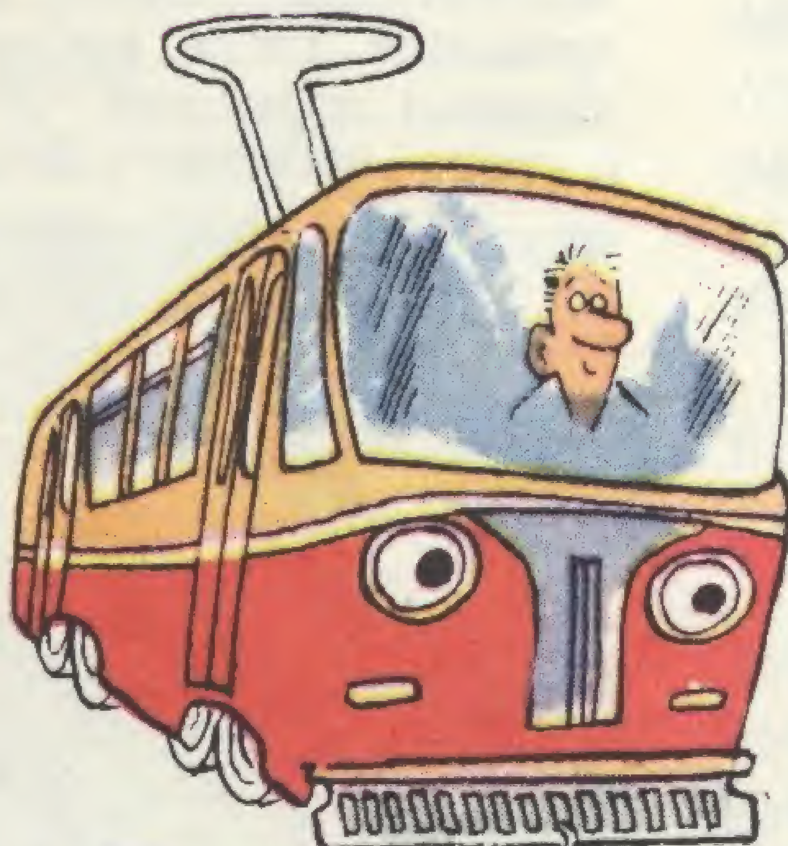
Наташа Некрасова, г. Брянск.

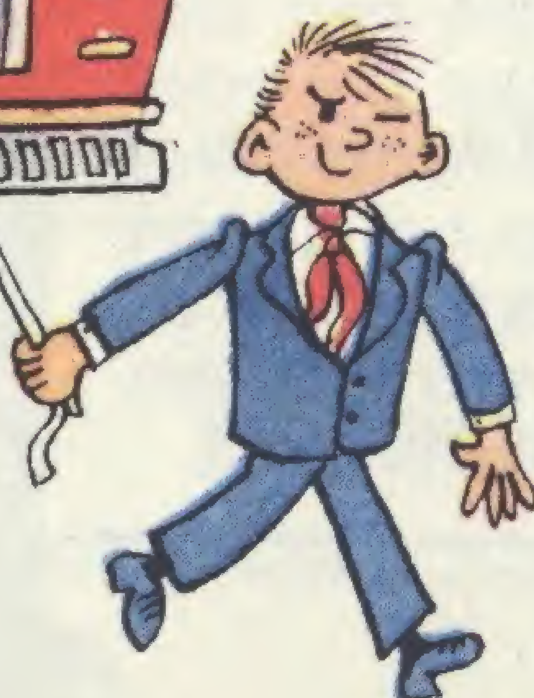
НА УРОКЕ МАТЕМАТИКИ

Учитель. Что такое трапеция?

Ученик. Это прямоугольник, у которого две стороны уходят вперед.

Рая Соколова и Светлана Бут-Гусаим, Ростовская область.





ИЗ ШКОЛЬНЫХ СОЧИНЕНИЙ

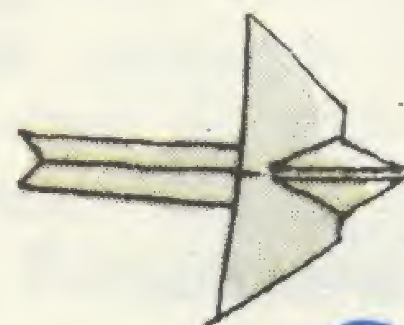
«Мцыри, увидев монастырь, упал без памяти, где и был найден».

«Главные герои разделены на три части».

«Голова ее была заплетена в длинные косы».

«Недалеко от нашей деревни был помят овес, потому что там загорали кабаны».

«Засев в засаде, друзей начал пробирать до костей холод».



ПИНГ-ПОНГ

«Дорогая «Переменка»! Правда ли, что в будущем ученые придумают таких роботов, которые вместо учеников будут ходить в школу, отвечать на уроках и готовить домашние задания?..»

Витя Б., г. Курск.

— Вполне возможно. Но учти, что хитрецы ученые могут придумать и роботов-лентяев. Придется тогда тебе отдуваться за двоих: спрашивать своего робота, за что он получил двойку, почему остался на второй год, да еще объясняться с учителями и родителями.

«Что мне делать? Я каждый день опаздываю в школу. Вчера сказал учительнице, что переводил старушку через дорогу. Позавчера сказал, что трамвай сошел с рельсов, а что сказать сегодня?..»

Коля П., г. Свердловск.

— Попробуй сказать, что старушка сошла с рельсов, увидев, как ты переводишь трамвай через дорогу.

В пинг-понг играл с вами Юрий МАКАРОВ

Ведет Н. РОСТОВЦЕВА
Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА

*«Я очень люблю читать стихи.
Сама я тоже немного сочиняю,
но не знаю,
как это у меня получается»,—
написала нам Света ГОРШЕНИНА
из Перми.
А вот ее стихотворение.*

УДИВИТЕЛЬНЫЙ СОН

Мне снится сон, что будто я
Летаю в облаках.
Мне снится сон, что будто я
Пасу овец в горах.
Мне снится: я на корабле,
Уже я капитан!
Мне предстоит вести корабль
В открытый океан.
И вот среди холодных льдов
Я свой корабль веду...
Как жаль, что это все во сне!
Увы, не наяву!

*Марина КОЛПАКОВА
живет в Горьковской области,
в поселке Останкино.
Сколько ей лет, она не написала.*

НОЧЬ

Ночь пришла.
Тихо звезды зажглись.
В небе месяц висит апельсиновой долькой.
Серебрится река.
Что-то шепчет камыш.
Пахнет теплым дождем
и травою, чуть горькой.

*«Дорогой «Кораблик»!
Тебе пишет ученик 6-го класса.
Я занимаюсь в секции самбо.
Недавно я участвовал
в крупных соревнованиях
и выступил успешно».*

Олег МОЧАЛОВ, 13 лет

ВЫХОД НА КОВЕР

В свете прожекторов ярких,
Под взглядами сотен глаз
На поприще схваток жарких
Я выхожу в первый раз.
Волнение снова и снова
Забыть о себе не дает.
«Борьба!» — негромкое слово
Пружиной толкает вперед.

Движимый жаждой к победе,
Смело бросаюсь в бой.
Противника в ярком свете
Вижу перед собой.

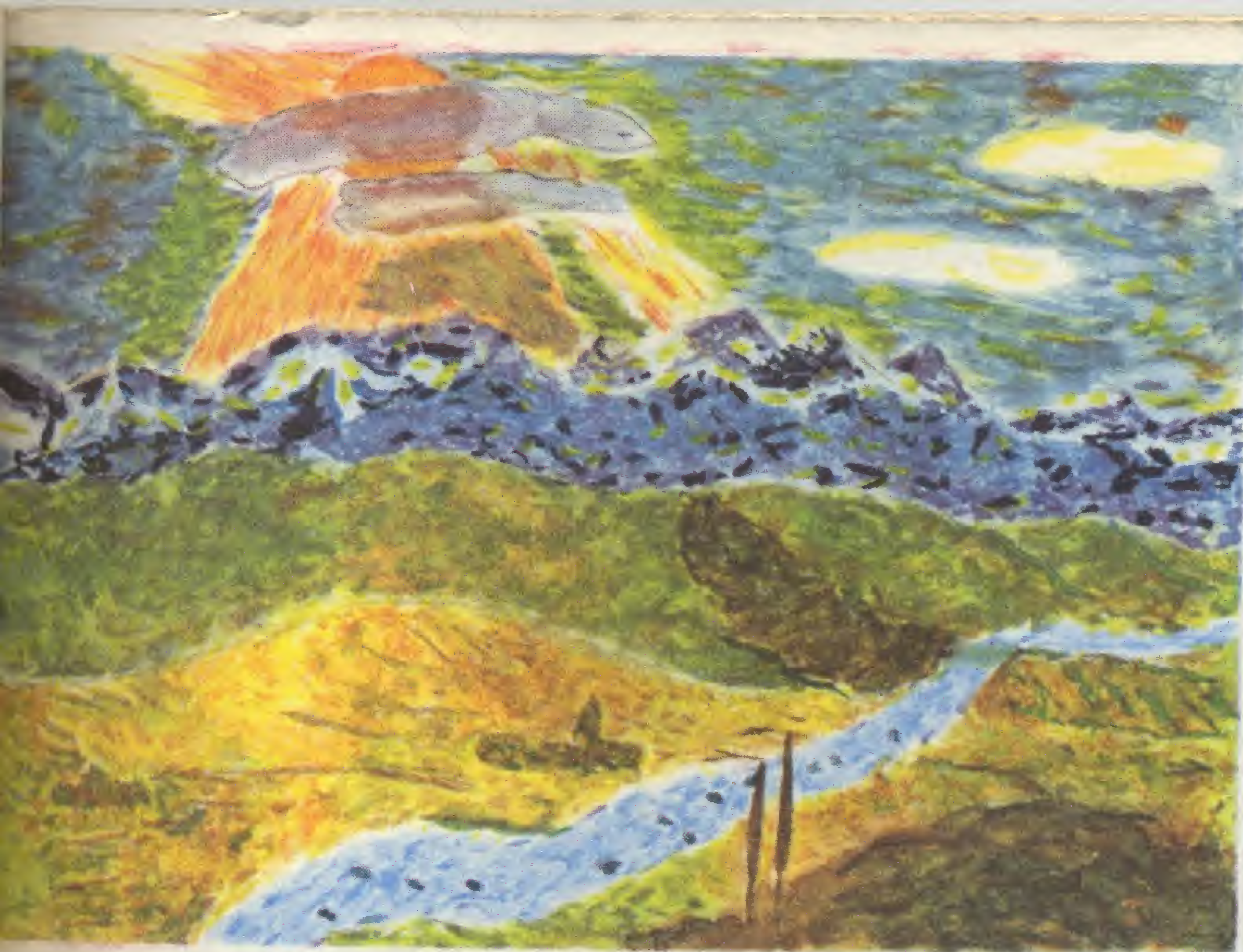
Выступил пот обильный —
Упорная схватка идет!
И, напрягая все силы,
Настойчиво рвусь вперед.

Сигнал оборвал вдруг схватку —
Конец поединку пришел.
Противник ослабил хватку.
К нам быстро судья подошел.

Он произнес: «В схватке этой
Решили четыре очка...»
И, утверждая победу,
Взметнулась моя рука.

И радости нет предела —
Первый барьер я взял!
Но это еще полдела:
Надо выйти в финал.

*Вардан ВАРДАНЯН, ему 13 лет,
прошлым летом побывал в одной армянской деревне,
помогал взрослым. Об этом он рассказал
в своем рисунке, которому дал название «Лето».*



*«Горы выше облаков» —
так назвал свой рисунок
Карен ВАРТАЗАРЯН, ему 14 лет.
И Вардан и Карен своими рисунками откликнулись
на викторину «Пионера» по Армении
(№ 1 за 1977 год).
Оба художника активные читатели
Государственной детской библиотеки
имени Хнко-Апера в Ереване.
Оттуда мы и получили эти рисунки.*

*«Я люблю животных, собак и кошек,
без них в доме пусто.
У собаки свои дела, а у кошки свои.
И характер тоже.
У нас был кот Барсик, он был совсем артист.
Принимал разные позы и поглядывал,
нравится или нет.
Он пропал, и мы все очень горюем.
А собаки пока нет, но будет: купим щенка.
Пока я разговариваю
со встречными собаками на улице,
они слушают меня внимательно и вежливо.
Я написала стихи о собаке, посылаю их вам.
Меня зовут Оля ЯКИМЕНКО, мне 12 лет».
Нам остается только добавить,
что Оля живет в Куйбышеве.*

ЗАЧЕМ ЧЕЛОВЕКУ СОБАКА

Зачем человеку нужна собака?
По-моему, это вам скажет не всякий.
Не всякий скажет, пусть даже знает.
Для этого, может, и слов не хватает.

Зато говорят, что собака кусает.
Зато говорят: от собаки воняет.
И шерсть на ковре.
И скандал во дворе.
И всем соседям собака мешает!

Собака нас учит, как надо любить.
Как верными быть, как добрыми быть.
Ведь это умеет не всякий!
Спасибо за это собаке.

*Лена ЗИМА — москвичка.
Она учится в 3-м классе.
У нее много уже рассказов.
Мы печатаем один из них.*

МОЙ ЗООПАРК

Летом каждое утро я иду гулять в наш двор, как на работу. Там меня ждут мои муравьи. Я приношу им угощение, которое готовлю заранее: кусочки колбасы, хлеб, сыр, картошку, сахар. Пищу я все время меняю и слежу, как они едят, что едят и как тащат в свои домики — норки в земле. Усерднее всего они таскают в свои норки убитых мух и жуков. Тащат вдвоем, втроем, у норки бросают. Втаскивают в домик уже другие муравьи.

Дома у меня образовался целый зоопарк насекомых. Живут они у меня в коробках, одну стенку которой я вырезала и приклеила целлофан, поэтому можно за ними подробно следить, что они там делают, как живут.

В одной коробке жили два паука. Пауки прожили у меня все лето. Других насекомых я кормлю и чаще всего вечером отпускаю на волю.

В чайной ложке я делаю сиропчик из варенья. Шмели пьют эту сладкую водичку с таким удовольствием, что даже забывают обо всем и позволяют гладить себя по спинке, а потом долго моются, жужжат, стряхивая все лишнее с крыльев, трут задними лапками животики — и улетают навсегда.

У бабочек хоботки смотаны в спиральку. Хоботком они тычут в ложечку, но стоит коснуться их крыльев, как они улетают.

Стрекозы с удовольствием едят мух, держат их передними лапками.

Божьи коровки у меня в зоопарке — как акробаты. Они долго ходят по длинному прутику туда и обратно, а потом качаются на длинной нитке.

Весенние жуки-пожарники интересны как драчуны. Два-три жука в одной коробке дрались друг с другом, пока не доводили друг друга до инвалидности. А потом, еле живые, все равно лезли в драку — пришлось их отпустить.

Кузнечики ведут себя мирно — только прыгают в коробке и ищут пути выбраться на волю.

Лягушки сидят у меня в банках. В первые дни они отказывались от еды, а потом привыкли и едят мух даже днем. При виде ползающей в банке мухи лягушка вся напрягается и зорко следит выпученными глазами за мухой, но иногда поворачивает глаза на меня. А потом резкий прыжок — и мухи нет.

Вот какой у меня интересный зоопарк!

Мой друг Ромео

РАССКАЗ

Ота ГОФМАН

Рисунки Ю. РОДИНА

Первый рисунок отец обнаружил на своем носовом платке, второй — в холодильнике, третий вывалился из книги, которую он читал, четвертый был засунут в спичечный коробок... Горящая свечка на еловой ветке, под ней собака. Ветка то зеленая, то голубая, видно, у Яны затупился зеленый карандаш, пришлось рисовать голубым. Собака была красная, шерсть у нее торчала во все стороны.

Число рисунков все увеличивалось. Тридцатый рисунок был прикреплен к часам на кухне.

Разглядывая его, отец отметил, что Яна уже научилась рисовать собаку, не отрывая карандаша от бумаги.

— Почему ты больше не рисуешь цветными карандашами или красками? — спросил отец.

— Цветными мне надоело! — ответила Яна. — Но ты, папа, наверно, догадался, почему на моих рисунках одно и то же?

Отец знал: Яна ждет подарка к Новому году, и он спросил у девочки:

— Портфель?

— Нет!

— Роликовые коньки?.. Платье?.. Интересную книжку? Готовальню?

— Нет! Нет и нет!

— Почему ты все время отвечаешь: «Нет»?

— Потому, что я хочу собаку, — спокойно сказала Яна. Глаза ее сияли, а по лицу отца пробежала тень. И он отправился на кухню.

— Яна хочет, чтоб ей подарили собаку, — сказал отец.

— У нее есть собака! — возразила бабушка. — Только вот пружина лопнула...

— Ей не нужна заводная, ей подавай настоящую!

— Когда мне было двенадцать лет, я мечтала о бальном платье, а не о собаке, — сказала мама раздраженно.

— Я всегда недолюбливала собак, — сказала бабушка. — Когда они линяют, всюду шерсть. А кроме того...

На слова бабушки никто не среагировал.

...Ночью отцу приснилась афганская борзая, она походила не то на птицу, не то на облако.

Маме представлялись то миловидные фокстерьеры, то маленькие немецкие овчарки, которых почти не видно в траве. В пасти они держали пушистые одуванчики.

Яна мечтала о самой обыкновенной собаке.

Наверное, каждому из нас когда-нибудь хотелось иметь собаку. И даже не обязательно собаку, а кого-нибудь, кто бескорыстно любил бы тебя. Многие из нас не признаются в этом своем желании, а Яна сказала об этом открыто, вслух и в подтверждение тридцать раз нарисовала собаку, о которой она мечтала.

— Хорошо, подарим ей собаку, — наконец решил отец. — Только не сразу. Пусть ей не кажется, что она тотчас же может получить все, что пожелает.

Теперь Яна с удовольствием ходила по утрам за газетами и за молоком...

— Учиться без единой тройки! — сказал отец. — Это во-первых. В шесть утра — на прогулку с собакой — второе. Выводить собаку днем и вечером — третье.

— Хорошо, — согласилась Яна. — Хорошо. Папа, а собака будет спать в моей комнате?

Собаки в доме пока не было, но все члены семьи представляли себе, будто она уже ходит по квартире и чувствует себя как дома.

— Овчарки — исключительные сторожа, — сказала мама.

— Афганские борзые тоже, — добавил отец.

— Собаки линяют. Шерсть по всей квартире. А кроме того, зачем ей собака? — заметила бабушка.

— Затем, что у Итки Сламовой есть собака, — сказала Яна.

Щенка назвали Ромео. Спал он где угодно, только не на отведенном ему месте в прихожей. По ночам он скулил, а днем повсюду оставлял лужицы, которые Яна, как и обещала, усердно вытирала.

Она брала его на руки, выносила в садик, приносила обратно, мечтая о том времени, когда Ромео будет сопровождать ее в школу.

У Ромео была прекрасная родословная. Предшественники его имели десятки наград золотых и серебряных. Имена предков Ромео — Аммон фон Шмуггельштиг, Аста из Клермона, Антье из Черного озера, Алан из Хебского замка — очаровали Яну.

— Ты мой хорошенький, — шептала Яна. — Ромео!

Через месяц он окреп, вырос. Однажды он подвернулся под ноги бабушке, и она упала.

— Это за то, что ты его не любишь, — сказала Яна.

За окном — зима.

Яна надела новые клетчатые брюки и свитер с начесом.

— Мама, можно я возьму с собой Ромео?

Внизу ее дожидались ребята.

Ромео в новом ошейнике выглядел внушительно.

— Он похож на быка, — сказал Вейвода, когда Ромео бросился к нему, и предусмотрительно сделал шаг назад. — Не кусается?

— Ему хочется играть, — сказала, как бы извиняясь за Ромео, Яна.

— Песик твой? — спросил Ольда Карасек и сочувственно посмотрел на Вейводу, отряхивавшего грязь с брюк.

Ромео залаял.

Маленькие дети, катавшиеся на санках, заплакали.

— Пойдем в другое место, Ромео, — сказала Яна.

— Горлопан идет! — крикнул с балкона незнакомый мальчишка.

А девочка, стоявшая перед магазином самообслуживания, не без брезгливости добавила:

— Отвратительная собака!

Ромео, как бульдозер, увлекал за собой Яну, куда ему хотелось.

Неподалеку строился дом, возле него лежали толстые трубы. Ромео потащил Яну по этим трубам. Она не поспевала за ним, падала, у нее кровоточила коленка, поводок врезался ей в руку. Яна в отчаянии подумала: «Там можно и шею свернуть» — и села в изнеможении на снег.

И тут к Яне подскочил Ромео и лизнул ее в щеку.

— Покажи-ка ногу, — раздался над ней голос Ольда Карасека.

Они сели на трубы.

— Неважно, брюки я зашью, — сказала Яна. — И нога заживет, это ничего.

Дома Яна смыла с себя грязь под теплым душем. У нее болела нога, болели руки. Ромео виновато ходил за ней, стараясь лизнуть ее руку.

— Горлопан ты, вот ты кто, — сказала Яна, улыбаясь сквозь слезы.

«И все же мне хорошо», — вдруг подумала она. И на душе у нее стало тепло-тепло.

Перевела с чешского Т. МИРОНОВА

Экзамен на мастерство

Строгим был экзамен, который держали в маленьком литовском городе Капсукас лучшие наши юные шахматисты и шахматистки. Экзамен этот — юношеское первенство Советского Союза.

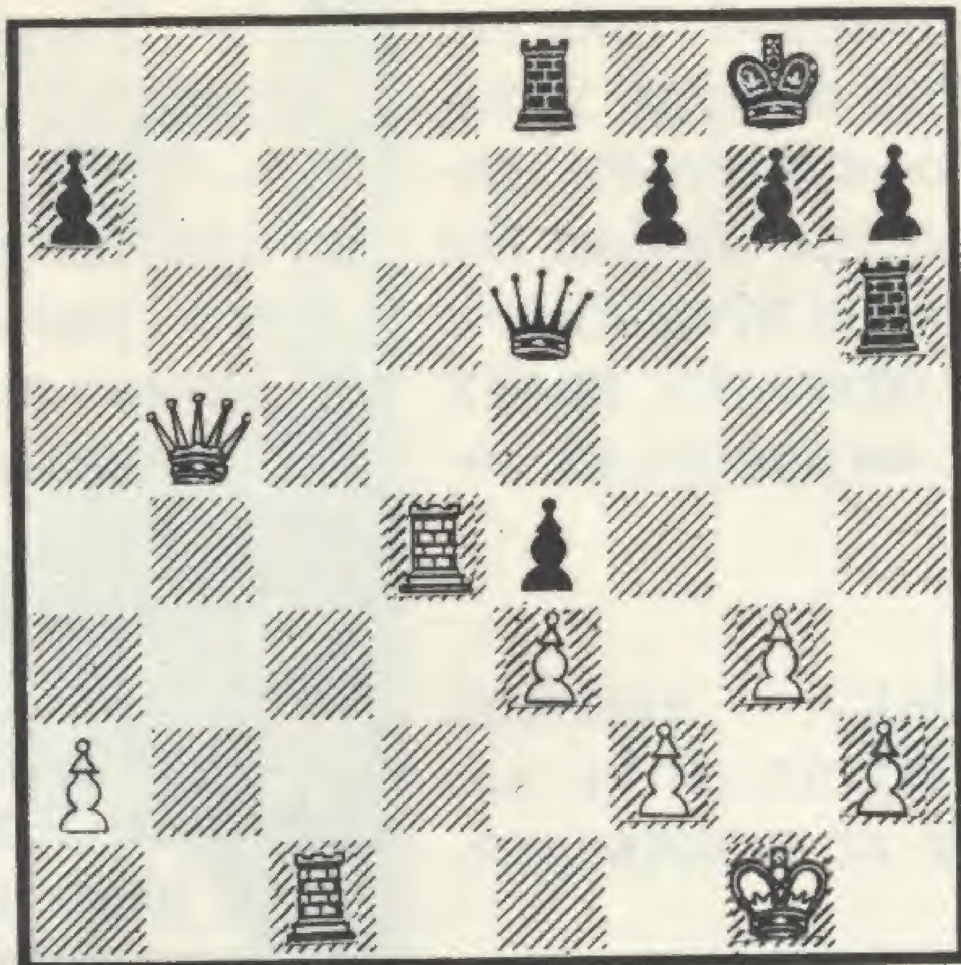
В Капсукас приехали ребята из всех союзных республик, из Москвы и Ленинграда. И вместе с ними, как всегда, прибыл Пешкин.

Соревнования юных открывают им путь в большие шахматы. С таких турниров начинали чемпион мира Анатолий Карпов, Олег Романишин, Александр Белявский, Александр Кочиев, претендентка на звание чемпионки мира Майя Чибурданидзе и многие гроссмейстеры.

В капсукасском турнире победу оспаривали двадцать восемь кандидатов в мастера и восемь перворазрядников.

Первое место заслуженно завоевал Зураб Азмайпарашвили из Тбилиси. Об этом талантливом шахматисте мы уже не раз рассказывали. Зураб добился лучших результатов в соревновании команд Дворцов пионеров на приз газеты «Комсомольская правда», удачно выступал в предыдущих юношеских турнирах.

В Капсукасе Зураб набрал $7^1/_2$ очков из девяти возможных — выдержал экзамен на «отлично». Вот окончание одной из партий чемпиона страны среди юношей. Черными играл кандидат в мастера ученик 104-й харьковской школы Игорь Новиков.



Зураб использовал слабость восьмой горизонтали в лагере черных. Последовало:

25. Лd4—d6! Фe6—e7 (плохо 25... Ф:d6 26. Ф:e8+ Фf8 27. Лc8 и т. д.) 26. Лc1—c7! Фe7—f8 27. Лd6:h6 g7:h6 28. Лc7:a7.

У белых и материальный и позиционный перевес, исход борьбы уже не вызывает сомнений. Еще были сделаны такие ходы:

28... Лe8—e6 29. Фb5—b7 Крg8—g7 30. a2—a4 Фf8—e8 31. Фb7—b2+ Крg7—g6 32. Фb2—d4 Фe8—c6. 33. Лa7—d7 h6—h5 34. h2—h4 Фc6—c2 35. Лd7—d8 Крg6—h6 36. Лd8—f8, и вскоре черные сложили оружие.

Звание чемпионки СССР среди девушек завоевала Лена Ступина, ученица школы № 18 города Мичуринска. У нее тоже $7^1/_2$ очков.

В турнире играли двадцать четыре шахматистки, из них восемь кандидатов в мастера и шестнадцать перворазрядниц.

Пешкин, конечно, особенно внимательно следил за игрой ребят, которые выступают и в турнирах клуба «Белая ладья». Ему интересно узнать, кто будет сражаться на финальных турнирах этого клуба. Они состоятся в июне в молдавском городе Бельцы. Ведь там среди призов будет и приз журнала «Пионер».

«Надеюсь, что буду играть в Бельцах, — сказала Пешкину ученица седьмого класса самаркандской школы № 8 Мавжуда Хамракулова. — Здесь, в Капсукасе, я многому научилась, поняла, в чем недостатки моей игры».

Мавжуда — перворазрядница. Она играет в шахматы с восьми лет. Учили ее братья Шахоб и Аршан. А сама Мавжуда познакомила с шахматами не только младшую сестру, Роно, но и многих девочек из своего пионерского отряда.

Мавжуда, чемпионка республики среди девочек, победила и всех мальчиков в своей возрастной группе.

На чемпионате Узбекистана среди женщин Мавжуда упорно сражалась с опытными и сильными соперницами и заняла второе место.

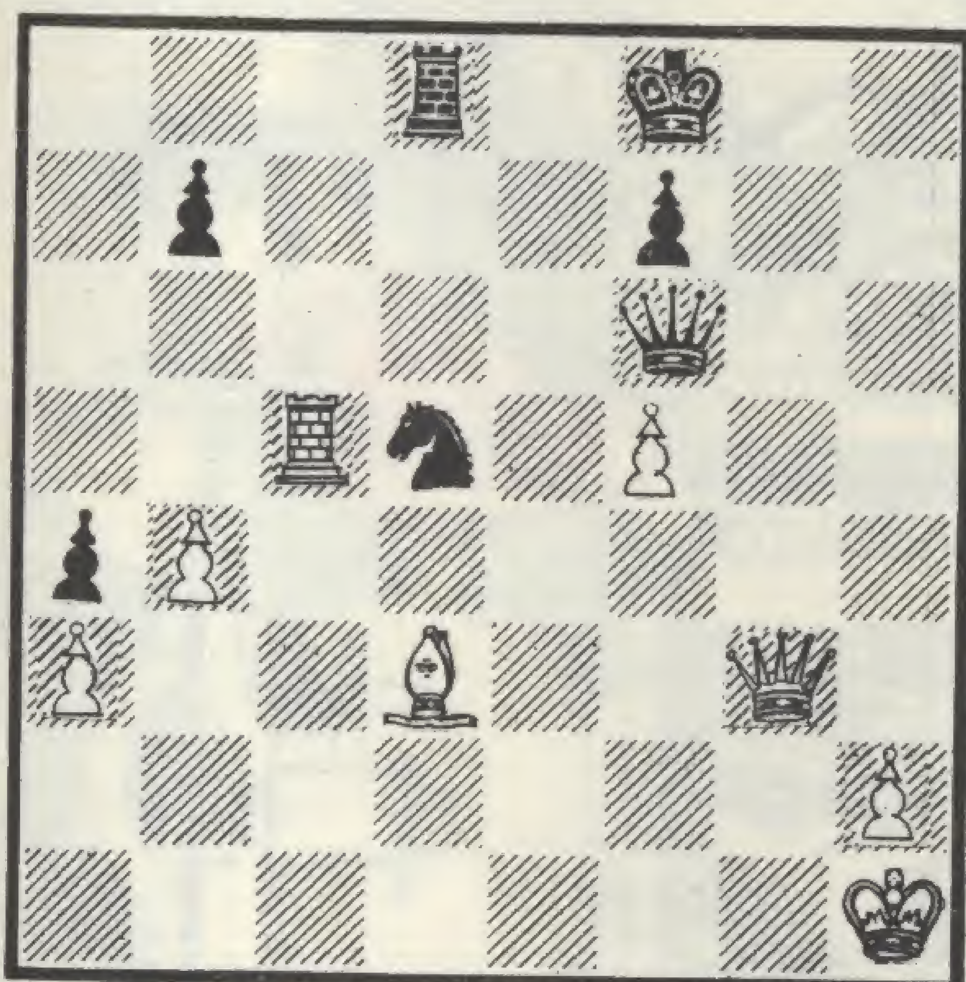
Мавжуда Хамракулова.

Экс-чемпион мира Тигран Петросян внимательно разобрал партии Мавжуды Хамракуловой и принял ее в свою заочную школу.

«Мавжуда занимается неплохо, — сказал Тигран Петросян. — Она настойчивая, трудолюбивая и очень любит шахматы».

А теперь посмотрите отрывок из партии, сыгранной на соревнованиях в Капсукасе. Белыми вела сражение **Мавжуда Хамракулова,** черны-

ми — чемпионка Киргизии среди девочек, ученица школы № 24 города Фрунзе **Чынара Чотуева.**



События развивались при острой нехватке времени для обдумывания у обеих участниц. Далее было:

42... Фf6—a1+ 43. Крh1—g2 Фa1:a3 44. Лc5—c4.

Парируя угрозу, 44... Ф:d3 с выигрышем фигуры ввиду шаха конем на f4.

44... Кd5:b4 45. Фg3—h4!

Только двойное нападение на ладью d8 и пункт h8 может помочь белым спастись.

45... Фa3:d3.

Больше шансов давало 43... Фb2+, но в цейтноте обычно делают самые естественные ходы.

46. Фh4—h8+ Крf8—e7 47. Фh8—e5+ Крe7—f8 48. Фe5—h8+. Ничья.

В Капсукасе было сыграно много интересных и красивых партий.

К этому положению пришла встреча **Александра Ненашева,** ученика ташкентской школы **№ 17,** с **Юрой Федоруком,** учеником 74-й новосибирской школы.

Александр смело и сильно провел атаку.

17. Лd1:d6! Фe7:d6 18. Лa1—d1 Фd6—b6 (выбор невелик, если 18... Фe7, то 19. Лd7) 19. Кe5—d7 Фb6:b3 20. Кd7—f6+!

В этом все дело. Белые не собираются восстанавливать материальное равновесие, а организуют преследование короля. Нельзя брать коня — 20... gf ввиду 21. Фg4+, и черные получают мат.

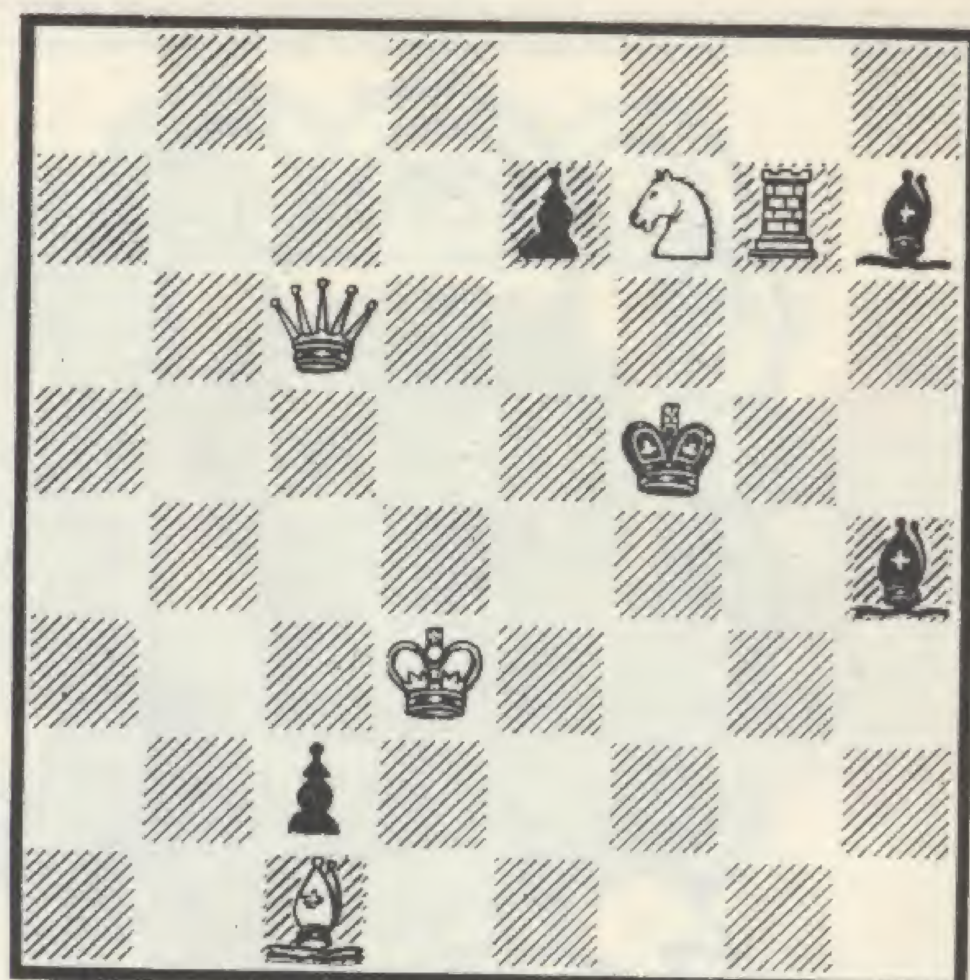
20... Крg8—h8 21. Фe2—h5 h7—h6 22. Лd1—d2!

Сильный ход, подчеркивающий трагическое положение черного короля, слона b2 белые должны беречь, как зеницу ока.

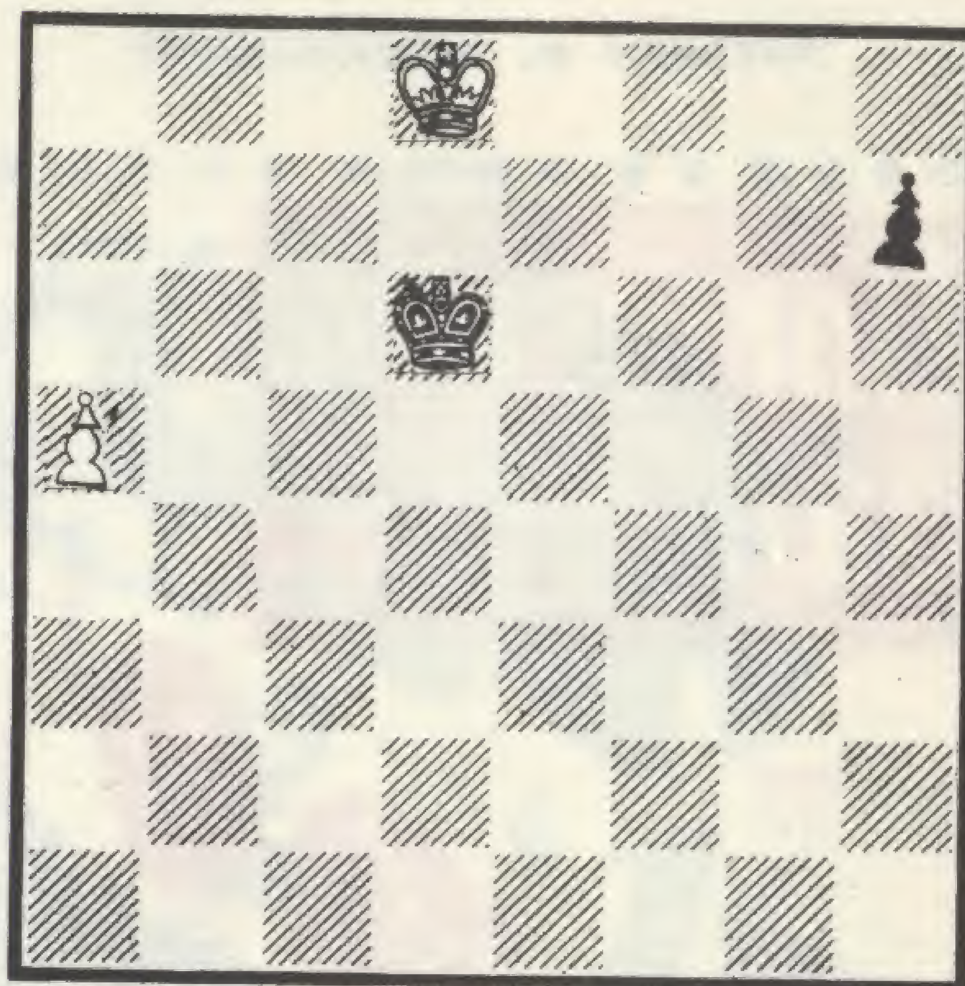
22... Лa8—d8 23. Кf6—g4 e6—e5 (угрожало 24. Ф:h6+, не спасало и 23... f6 ввиду 24. К:h6) 24. Кg4 : h6! f7—f6 (или 24... gh 25. Ф:h6+ Крg8 26. С:e5 с разгромом) 25. Кh6—f5+. Черные сдались.

Конкурс Пешкина

В свой конкурс Пешкин включил задачу и этюд.

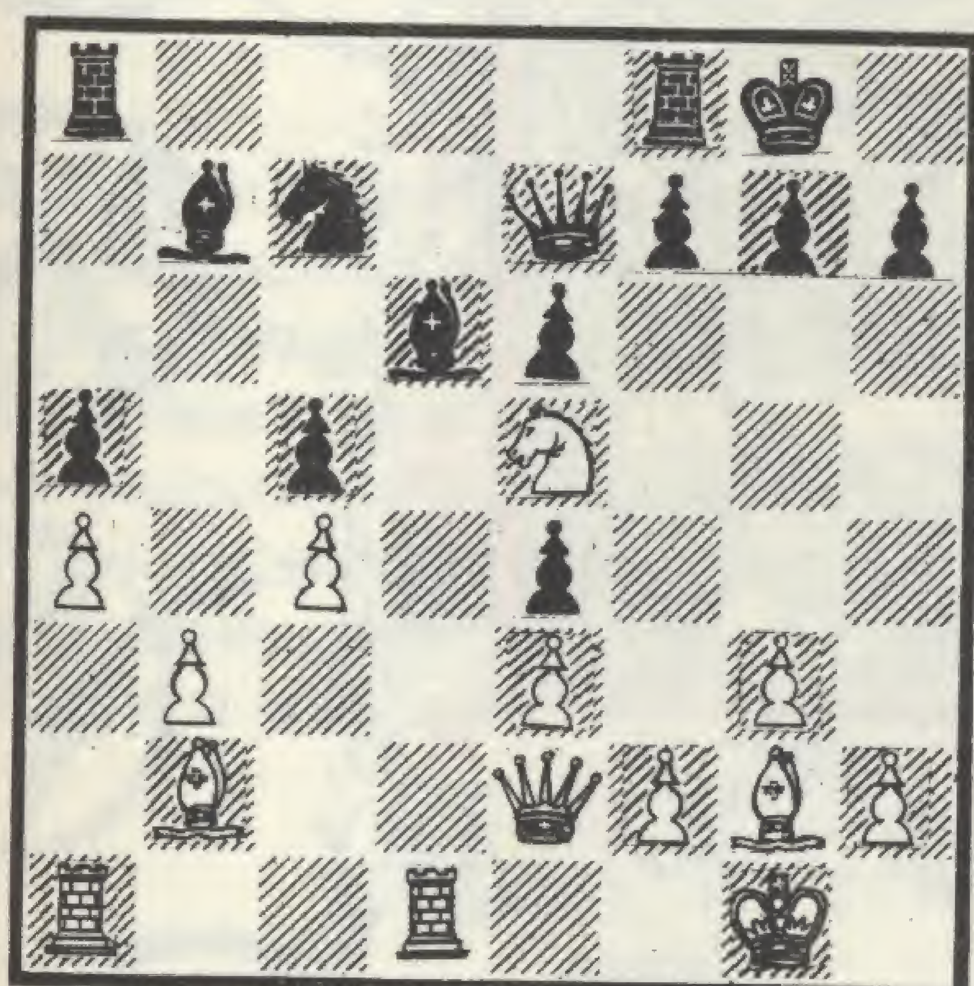


В этом положении белые, начиная игру, дают мат в два хода.



Казалось бы, все очень просто в этой позиции. Ведь на доске так мало боевых сил. Но даже здесь есть красивые комбинационные возможности, и добиться ничьей не так-то просто.

Постарайтесь найти путь к ничьей. Сейчас ход белых. Пешка a5 легко может быть остановлена, а пешка h7 неудержима, но...



Сражаются кандидаты в мастера. Партии, которые они играли, были содержательны и интересны.

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ

Помогите зайцу!

— Умираю от жары,
Подержи мои шары!

Заяц взвился в облака,
Грустный вид у чудака.
Ты подскажешь, может быть,
Как он должен поступить.
Догадался, в чем секрет?
Нарисуй нам свой ответ.

Живживка.

Экспертиза

Игры Лупы и Пинцета

Свои наиболее ценные марки мы храним в сейфе. Недавно их рассматривал Капитан Перо, и одна марка показалась ему неподлинной.

Скажите, марки каких стран лежат в сейфе и какая из них вызвала подозрение у Капитана Перо.

СООБЩИТЕ НОМЕРА

Волк и еж растут на грядке,
Лев и слон играют в прятки,
Лось под елкой в норке спит,
Ерш весь день в дуду дудит.
Две веселые сороки
Сочинили эти строки,
Чтоб запомнить номера
(Шестизначные!—учтите)
Телефонов белки, выпи,
Трясогузки и бобра.
Время даром не тяните.
Номера мне сообщите.
Жду.
Ни пуха ни пера!
Что, додумались?!
Ура!

Дед Буквоед.

Звон мечей

Вот старинная гравюра,
Сцена рыцарских времен.
Ты, однако, схваткой бурной
Будь не очень увлечен.
Бросив беглый взгляд вначале
На забрала и мечи,
Укрупненные детали
Рассмотри и отыщи.

Живживка.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 5

Игры Деда Буквоеда

По горизонтали: шалаш, маяк, сито, яд, вес; по вертикали: свая, бегемот, аркан, шина.

Капитан Перо ищет помощника

«Завтра мы будем в лесу, возьмите лук и стрелы». В каждой строчке сначала надо прочесть все первые, потом вторые, а затем третьи буквы. Чтобы пользоваться таким шифром, слова напишите столбиком и по вертикали разделите столбик на части.

Разве это плохо?

Однажды мне захотелось рассказать всему классу об Александре Македонском. Я подошла к учительнице истории, сказала об этом. А мои подруги услышали и началось: «Что тебе, больше всех надо? Подлиза! Воображала!»

А разве плохо знать больше?

Я давно мечтаю стать историком. Читаю много книг по истории, хожу в музеи. Вот сейчас мы живем совсем обыкновенно. А через пятьсот или тысячу лет наша жизнь тоже станет историей. Когда древние греки лепили свои статуи или итальянцы эпохи Возрождения рисовали картины, они и не думали стать историческими личностями. А их и теперь знают и помнят.

У многих девочек другие заботы: у кого какое платье или прическа и что сегодня вечером по «телеку». Приятно красивое платье надеть, посмотреть хорошее кино, но надо еще какое-то дело иметь, главное, любимое. Без этого просто скучно жить.

Рима С.,
Крымская область, г. Керчь.

Обида

Весь конец третьей четверти я болела. Наконец я поправилась и уже чувствовала себя хорошо, но к врачу мне надо было идти только через несколько дней. Я вспомнила, что у нас по русскому зачет, и пошла на зачет. Когда пришла в школу, встретила наших девочек, мы разговорились. И тут подошел один мальчик из нашего класса. Он подошел ко мне и сказал: «Как парты мыть, так не пришла, а на зачет пришла!» Меня его слова очень обидели.

Жанна Дарковская
г. Норильск.

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке:
Пионерская экспедиция на привале. Рисунок Б. Гуревича.

Адрес для писем: **101459. ГСП-4. Москва, А-137. Бумажный проезд, 14,11-й этаж.**
Телефон 212-14-17
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 24/III 1978 г. А 01396.
Подписано к печати 25/IV 1978 г. Формат 84×60¹/₈.
Усл. печ. л. 9,33. Учетно-изд. л. 11,24.
Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 1227. Заказ № 2024.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Продолжаем представлять участников жюри нашего конкурса. Писатель Эдуард УСПЕНСКИЙ рассказывает о себе...

Если говорить только правду, в детстве я мечтал стать академиком, министром или золотоискателем. Но учился я плохо. Все мне казалось, что я развернусь, вот-вот начну учиться на удивление. Но дело никак не шло. И к седьмому классу я понял, что круг сужается и что ни академиком, ни министром мне скорее всего не быть. И тут мне повезло. Я свалился с церкви. Лазали мы на крышу, что-то не продумали с друзьями. И один из нас загремел. Как потом оказалось, это был я. Я сломал ногу и очутился в больнице. Пролежал я там около месяца. И очень боялся, что отстану по всем предметам. Так боялся, что выпросил в больницу учебники и все время боления читал.

Вышел я из больницы если не круглым отличником, то твердым четверочником. А более или менее вести себя хорошо я научился вот таким образом. Стал я вожатым в четвертом классе. Я же был в девятом. И все думали, что я этот класс окончательно испорчу. А надо сказать, что в этом классе подобрались юноши довольно бестолковые и бесшабашные. Мне пришлось со страшной силой объяснять им, что дисциплина необходима.

Разумеется, мне пришлось улучшать и свою дисциплину. Короче, через два месяца борьбы ни меня, ни ребят было не узнать. Я перевоспитывал класс, а класс перевоспитывал меня.

Я помню один эпизод, когда мы пошли на лыжах. Мы стоим на крутом берегу Москвы-реки. На очень высоком и крутом. Мои пионеры спрашивают меня:

— Эдик, ты можешь съехать?

По правде говоря, в нормальных условиях я бы не смог. А здесь приходится катиться. Сначала на лыжах стоя, потом на лыжах сидя, потом на всем остальном. И, что самое неожиданное, весь класс горохом катится вслед. Почти весь.

Потом я окончательно окончил школу и поступил в авиационный институт. Здесь тоже было несколько эпизодов, оказавших влияние на мое формирование. (Если можно формировать человека после шестнадцати.) И главным было то, что никто у тебя не спрашивал тетрадки, не проверял уроков и не следил за посещаемостью. Это так настораживало, что приходилось самому за собой смотреть, проверять и посещать, что отнимало и время и хорошее настроение.

Утешение я стал искать в художественной самодеятельности. Писал сценки для юмористического студенческого театра. Это утешение потом, через несколько лет, и сделало меня литератором. Окончив институт, три года работал инженером на авиационном заводе. Я был очень энергичным инженером, но бестолковым.

По вечерам я писал юмористические рассказы и стихи для детей. Они отнимали так много времени, что пришлось с инженерной работой расстаться.

Мне повезло: я придумал Чебурашку. И Чебурашка тоже оказывает на меня влияние. До сих пор воспитывает. Мне говорят:

— Вы придумали Чебурашку. Он такой добрый и хороший. Вы, наверное, тоже.

Это не совсем справедливо. Я сколько хочешь знаю плохих родителей, у которых прекрасные дети. И, наоборот, — сколько хочешь прекрасных родителей, у которых дети хуже некуда. Но все-таки приходится оправдывать доброе имя Чебурашки и становиться лучше. Годам так к двумстам, я думаю, совсем исправлюсь.

Вот сейчас я написал «годам к двумстам» и подумал, а правильно ли я написал? К «двумстам» или «двустам»? Эти вечные вопросы меня часто мучают. И они-то как раз и подстегнули к созданию вместе с артистами А. Левенбуком и А. Лифшицем «Радионяни». В этой передаче мы в развлекательной музыкальной форме старались давать самые трудные школьные правила. Не знаю, как вашу, но мою грамотность «Радионяня» улучшила вдвое. (Или «в двое»?)

Если я вам чем-то пригодился, ребята, я счастлив. Если вы вырастете (а все к этому идет), не забывайте, что тоже когда-то были детьми, и не притесняйте тех, кто будет детьми после вас. И старайтесь быть им полезными.

Если в моем автографе вы найдете пару-другую ошибок, не удивляйтесь. Так было задумано. Если не найдете, удивляйтесь и внимательно слушайте «Радионяню».

Дароше ребята!
Желаю вам
хороших отметок
миллиард.
писатиль Э. Успенский,
что значит
Эдуард!
Успенский
Довсвиданья.

ВСТРЕЧА НА РЕЙДЕ

Светит яркое солнце. Небо такое высокое, прозрачное, какое бывает только весной. В городе снег почти совсем растаял. Мокрые улицы полны машин. Только замерзшая Москва-река напоминает о зиме. Неподвижные, скованные льдом корабли, с наглухо задраенными иллюминаторами. На берегу небольшой белоснежный домик, похожий на капитанскую рубку. На нем яркая надпись: «Московский клуб юных моряков».

Клуб работает круглый год. Каждый день члены клуба собираются здесь после школы. Весной работы особенно много. Ребята приводят в порядок свой флот, готовят его к летним походам. Каждый моряк, от капитана до юнги, обязан знать устройство корабля, основы мореходной науки. Всю зиму работают в клубе учебные классы. Там готовят будущих судомехаников, штурманов, радистов, электриков.

Но самое интересное время для юных моряков — лето, летние походы. В них проверяются знания, накопленные зимой.

Ребята из московского КЮМа отправились в плавание на учебном судне «ВАСИЛЬ КОЛАРОВ», названном так в честь болгарского героя-революционера. От берегов Москвы-реки они дошли до Ленинграда и пришвартовались на кронштадтском рейде. Как было условлено, там же пришвартовались «ПИОНЕР ЛЕНЯ ГОЛИКОВ», судно новгородского КЮМа, и «ЗАЙД БЕРАЙТ» — судно ребят из Ростока (ГДР). С немецкими юными моряками москвичей связывает давняя дружба. Члены московского клуба не раз бывали в гостях у ребят из ГДР, вместе ходили к берегам Болгарии.

Юные моряки побывали друг у друга на судах, поделились мореходным опытом, рассказали о своих клубах. Много у них общего, но главное, что всех их объединяет,— любовь к морю.

П. МАМОНОВ
Фотографии А. АБРАМОВА

Цена 25 коп. Индекс 70694.